3 1761 07993606 8

ФАКЕЛЫ

КНИГА
ТРЕТЬЯ

К-ВО
Д. К. ТИХОМИРОВА
1908

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
april 29, 1938

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Продолжая защищать наши идеи въ книгахъ и сборникахъ, посвященныхъ вопросамъ литературно-философскимъ и религіозно-общественнымъ, мы въ то же время, въ области поэзіи, остаемся вѣрными заявленію, которое дѣлали раньше: „Полагая, что искусство само по себѣ является могучимъ орудіемъ для борьбы съ духомъ мѣщанства и косности, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы наши идейныя цѣли раскрывались не въ тенденціозности, а въ свободномъ независимомъ творчествѣ“.

1908.

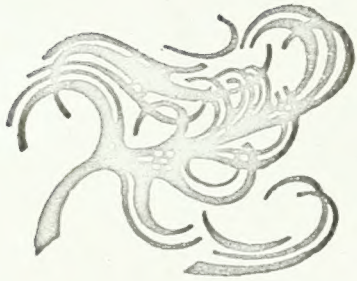
Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/fakelysp03spet

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ВОЛЬНЫЯ МЫСЛИ

СТИХИ



ВОЛЬНЫЯ МЫСЛИ.

I. О СМЕРТИ.

Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть—и улыбаюсь
Улыбкой разсудительной. Ну, что же?
Такъ я хочу. Такъ свойственно мнѣ знать,
Что и ко мнѣ придетъ она въ свой часъ.

Я проходилъ вдоль скачекъ по шоссе.
День золотой дремалъ на грудахъ щебня,
И за глухимъ заборомъ—ипподромъ
Блестѣлъ, какъ юность. Стебли нѣжныхъ злаковъ
И одуванчики раздутые весной
Въ ласкательныхъ лучахъ дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зѣвакъ и модницъ. Маленькіе флаги
Пестрѣли тамъ и здѣсь. А на заборѣ
Прохожіе сидѣли и глазѣли.

Я шелъ и слышалъ быстрый гонъ коней
По грунту легкому. И быстрый топотъ
Копытъ. Потомъ—внезапный крикъ:
— Упалъ! Упалъ!—кричали на заборѣ,
И я, вскочивъ на маленькій пенекъ,
Увидѣлъ все заразъ: вдали летѣли
Жокеи въ пестромъ—къ тонкому столбу.
Чуть-чуть отставъ отъ нихъ, скакала лошадь
Безъ сѣдока, взметая стремена.
А за листвой кудрявенькихъ березокъ,
Такъ близко отъ меня—лежалъ жокей,
Весь въ желтомъ, въ зеленяхъ весеннихъ злаковъ
Упавшій навзничь, обративъ лицо
Въ глубокое ласкающее небо.
Какъ будто вѣкъ лежалъ, раскинувъ руки
И ногу подогнувъ. Такъ хорошо лежалъ.
Къ нему уже бѣжали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбѣжали
И подняли его...
И вотъ повисла
Безпомощная желтая нога
Въ обтянутой рейтузѣ. Завалилась
Имъ на плечи куда-то голова...
Ландо подъѣхало. Къ его подушкамъ
Такъ бережно и нѣжно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человѣкъ
Вскочилъ неловко на подножку, замеръ,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучеръ повернулъ назадъ.
И также медленно вертѣлись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Такъ хорошо и вольно умереть.

Всю жизнь скакалъ—съ одной упорной мыслью,
Чтобъ первымъ доскакать. И на скаку
Передъ препятствіемъ запнулась лошадь.
Ужъ силой ногъ не удержать сѣдла,
И утлыя взмахнулись стремена,
И полетѣлъ, отброшенный толчкомъ...
Ударился затылкомъ о родную,
Весеннюю, привѣтливую землю,
И въ этотъ мигъ—въ мозгу прошли всѣ мысли
Единственныя, нужныя. Прошли—
И умерли. И умерли глаза.
И трупъ мечтательно глядитъ наверхъ.

Такъ хорошо и вольно.

Однажды брелъ по набережной я.
Рабочіе возили съ барокъ въ тачкахъ
Дрова, кирпичъ и уголь. И рѣка
Была еще синѣй отъ бѣлой пѣны.
Въ отстегнутые вороты рубахъ
Глядѣли загорѣлыя тѣла,
И свѣтлые глаза привольной Руси
Блестѣли строго съ почернѣвшихъ лицъ.
И тутъ же дѣти голыми ногами
Мѣсили груды желтаго песку,
Таскали то кирпичикъ, то полѣно,
То бревнышко. И прятались. А тамъ
Уже сверкали грязныя ихъ пятки,
И матери—съ отвислыми грудями
Подъ грязнымъ платьемъ—ждали ихъ, ругались
И, надававъ затрещинъ, отбирали
Дрова, кирпичики, бревешки. И тащили,
Согнувшись подъ тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,

Ребятки начинали воровать,
Тотъ—бревнышко, другой—кирпичикъ...

И вдругъ раздался всплескъ воды и крикъ:
— Упалъ! Упалъ!—опять кричали съ барки...
Рабочій, ручку тачки отпустивъ,
Показывалъ рукой куда-то въ воду,
И пестрая толпа рубахъ неслась
Туда, гдѣ на травѣ, въ камняхъ булыжныхъ,
На самомъ берегу—лежала сотка.
Одинъ тащилъ багоръ.
А между свай,
Забитыхъ возлѣ набережной въ воду,
Легко покачивался человѣкъ
Въ разорванныхъ портянкахъ и въ рубахѣ.
Одинъ схватилъ его. Другой помогъ,
И длинное растянутое тѣло,
Съ котораго ручьемъ лилась вода,
Втащили на берегъ и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачѣмъ-то щеку приложилъ къ груди
Намокшей, и прилежно слушалъ,
Должно быть, сердце. Собрался народъ,
И каждый вновь пришедшій задавалъ
Одни и тѣ же глупые вопросы:
Когда упалъ, да сколько пролежалъ
Въ водѣ, да сколько выпилъ?
Потомъ всѣ стали тихо отходить,
И я пошелъ своимъ путемъ, и слушалъ,
Какъ истовый, но выпившій рабочій
Авторитетно говорилъ другимъ,
Что губитъ каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,

Покуда жаръ, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...
Сердце!
Ты будь вожатаемъ моимъ. И смерть
Съ улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносятъ,
Какую я въ себѣ ношу.
Хочу,
Всегда хочу смотрѣть въ глаза людскіе,
И пить вино, и женщинъ цѣловать,
И яростью желаній полнить вечеръ,
Когда жара мѣшаетъ днемъ мечтать
И пѣсни пѣть! И слушать въ мірѣ вѣтеръ!

II. НАДЪ ОЗЕРОМЪ.

Съ вечернимъ озеромъ я разговоръ веду
Высокимъ ладомъ пѣсни. Въ тонкой чащѣ
Высокихъ сосенъ, съ выступовъ песчаныхъ,
Изъ-за могилъ и склеповъ, гдѣ огни
Лампадъ и сумракъ дымно-сизый—
Влюбленныя ему я пѣсни шлю.

Оно меня не видитъ—и не надо.
Какъ женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотритъ въ небо,
Туманится, и даль поитъ туманомъ,
И отняло у неба весь закатъ.
Всѣ исполняютъ прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафоръ на дальнемъ берегу,
Въ немъ отразившій свой огонь зеленый,
Какъ разъ, на самой розовой водѣ.
Къ нему ползетъ трехглазая змѣя
Своимъ единственнымъ стальнымъ путемъ,
И, прежде свиста, озеро доноситъ
Ко мнѣ—ея ползучій, хриплый шумъ.

Я на уступѣ. Надо мной—могила
Изъ темнаго гранита. Подо мной
Бѣлѣющая въ сумеркахъ дорожка.

И, кто посмотритъ снизу на меня,
Тотъ испугается: такой я неподвижный,
Въ широкой шляпѣ, средь ночныхъ могилъ
Скрестившій руки, стройный и влюбленный въ міръ.
Но некому взглянуть. Внизу идутъ
Влюбленные другъ въ друга: нѣтъ имъ дѣла
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Имъ нужны человѣческіе вздохи.
Мнѣ нужны вздохи сосенъ и воды.
А озеру—красавицѣ—ей нужно,
Чтобъ я, никѣмъ не видимый, запѣлъ
Высокій гимнъ о томъ, какъ ясны зори,
Какъ стройны сосны, какъ вольна душа.

Прошли всѣ пары. Сумерки синѣй,
Бѣлѣй туманъ. И дѣвичьяго платья
Я вижу складки легкія внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко сѣла на ступеньки
Могилы, не замѣтивши меня.
Я вижу легкій профиль. Пусть не знаетъ,
Что знаю я, о чемъ пришла мечтать
Тоскующая дѣвушка... Свѣтлѣютъ
Всѣ окна дальнихъ дачъ: тамъ—самовары,
И синій дымъ сигаръ, и плоскій смѣхъ...
Она пришла безъ спутниковъ сюда...
Навѣрное, навѣрное прогонитъ
Затянутаго въ китель офицера
Съ вихляющимся задомъ и ногами
Завернутыми въ трубочки штановъ!
Она глядитъ, какъ будто, за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то такъ далеко, такъ далеко,

Куда и я не въ силахъ заглянуть...
О, нѣжная! О, тонкая!—и быстро
Ей мысленно пріискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Маріей! Теклой!
Да, Теклой!..—И задумчиво глядитъ
Въ клубящійся туманъ... Ахъ, какъ прогонитъ!..
А офицеръ ужъ близко: бѣлый китель,
Надъ нимъ усы и пуговица—носъ,
И плоскій блинъ, приплюснутый фуражкой...
Онъ подошелъ... онъ жметъ ей руку!.. смотрятъ
Его глядѣлки въ ясные глаза!..
Я даже выдвинулся изъ-за склепа...
И вдругъ... протяжно чмокаетъ ее,
Даетъ ей руку и ведетъ на дачу!

Я хохочу! Взбѣгаю вверхъ. Бросаю
Въ нихъ шишками, пескомъ, визжу, пляшу
Среди могилъ—незримый и высокій...
Кричу.—Эй, Ѳекла! Ѳекла!—И они
Испуганы, сконфужены, не знаютъ,
Откуда шишки, хохотъ и песокъ...
Онъ ускоряетъ шагъ, не забывая
Вихлять проворно задомъ, и она,
Прижавшись крѣпко къ кителю, почти
Бѣгомъ, бѣжитъ за нимъ...
Эй, доброй ночи!
И, выбѣгая на крутой обрывъ,
Я отражаюсь въ озерѣ... Мы видимъ
Другъ друга:—Здравствуй! я кричу...
И голосомъ красавицы—лѣса
Прибрежные отвѣтствуютъ мнѣ:—Здравствуй!
Кричу:—Прощай!—они кричатъ:—Прощай!
Лишь озеро молчитъ, влача туманы,
Но ласково на немъ отражены

И я, и всѣ союзники мои:
Ночь бѣлая, и Богъ, и твердь, и сосны...

И бѣлая задумчивая ночь
Несетъ меня домой. И вѣтеръ свищетъ
Въ горячее лицо. Вагонъ летитъ...
И въ комнатѣ моей бѣлѣетъ утро.
Оно на всемъ: на книгахъ и столахъ,
И на постели, и на мягкомъ креслѣ,
И на письмѣ трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
«Цвѣты меня не радуютъ. Пишите.
«Простите и сожгите этотъ бредъ...»
И томныя слова... И длинный почеркъ
Усталый, какъ ея усталый шлейфъ...
И томностью пылающія буквы,
Какъ яркій камень въ черныхъ волосахъ.

III. ВЪ СѢВЕРНОМЪ МОРѢ.

Что сдѣлали изъ берега морского
Гуляющіе модницы и франты?
Наставили столовъ, дымятъ, жуютъ,
Пьютъ лимонадъ. Потомъ бредутъ по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздухъ сплетнями. Потомъ
Погонщики вывозятъ ихъ въ кибиткахъ,
Кокетливо закрытыхъ парусиной,
На мелководье. Тамъ, перемѣнивъ
Забавные «Tailleur'ы» и мундиры
На легкіе купальные костюмы,
И дряблость мускуловъ и грудей обнаживъ,
Они, визжа, влѣзаютъ въ воду. Шарятъ
Неловкими ногами дно. Кричатъ,
Стараясь показать, что веселятся.

А тамъ—закатъ изъ неба сотворилъ
Глубокій многоцвѣтный кубокъ. Руки
Одна заря закинула къ другой,
И сестры двухъ небесъ прядутъ одинъ—
То розовый, то голубой туманъ.
И въ морѣ утопающая туча
Въ предсмертномъ гнѣвѣ мечетъ изъ очей—
То красные, то синіе огни.

И съ длиннаго, протянутаго въ море,
Подгнившаго, бѣлѣющаго мола,

Прочтя всѣ надписи: «Навѣкъ съ тобой».
«Здѣсь были Коля съ Катей». «Діодоръ
«Іеромонахъ и послушникъ Исидоръ
«Здѣсь были. Дивны Божіи дѣла»,—
Прочтя всѣ надписи, выходимъ въ море
Въ пузатой и смѣшной моторной лодкѣ.
Бензинъ пыхтитъ и пахнетъ. Два крыла
Бѣгутъ въ водѣ за нами. Вьется быстрый слѣдъ.
И, обогнувъ скучающихъ на пляжѣ,
Рыбачьи лодки, узкій мысъ, маякъ,
Мы выбѣгаемъ многоцвѣтной рябью
Въ просторную ласкающую соль.

На горизонтѣ, за спиной, далеко
Безмолвнымъ заревомъ стоитъ пожаръ.
Рыбачій островъ «Голодай» лежитъ
Въ водѣ, какъ плоская спина морского
Животнаго. А впереди, вдали—
Огни судовъ и снопъ лучей бродячихъ
Прожектора таможеннаго судна.
И мы уходимъ въ голубой туманъ.
Косымъ угломъ торчатъ надъ моремъ вѣхи,
Метелками фарватеръ оградивъ,
И далеко—отъ вѣхи и до вѣхи—
Рыбачьихъ шхунъ маячатъ паруса...
Надъ моремъ—штиль. Подъ всѣми парусами
Стоитъ красавица—морская яхта.
На тонкой мачтѣ—высоко—фонарь,
Что камень драгоцѣнной фероньеры,
Горитъ надъ матовымъ челомъ небесъ.
На острогрудой, въ полной тишинѣ,
Въ причудливыхъ сплетеніяхъ снастей,
Сидятъ, скрестивши руки, люди въ свѣтлыхъ
Панамахъ, сдвинутыхъ на строгія черты.

А посреди, у самой мачты, молча,
Стоитъ матросъ, весь темный, и глядитъ.
Мы огибаемъ яхту, какъ прилично,
И вѣжливо и тихо говоритъ
Одинъ изъ насъ:—«Хотите на буксиръ?»
И съ важной простотой намъ отвѣчаетъ
Суровый голосъ:—«Нѣтъ. Благодарю».

И, снова обогнувъ ихъ, мы съ какой то
Молитвенной и полною душой
И долго и торжественно глядимъ
На дивный, уходящій силуэтъ
Красавицы подъ всѣми парусами...
На драгоцѣнный камень фероньеры,
Горящій въ смуглыхъ сумеркахъ чела.

Александръ Блокъ.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

ГОСТЬ

РАЗСКАЗЪ

ГОСТЬ.

I.

Надвигалась осень—сѣдыми туманами. Вечеромъ у пруда было сыро, краснѣли осинички и старые вязы по аллеѣ забагровѣли. На зоряхъ къ пруду прилеталъ огромный коршунъ и садился на березѣ; засыпалъ, и дремалъ въ прозрачныхъ сумеркахъ, вырѣзаясь грудастымъ профилемъ.

Но Николаю Гаврилычу нравилось читать по вечерамъ у пруда; какъ всегда и нынче онъ полулежалъ подъ яблоней, у спуска, съ французской книгой: о философѣ Филонѣ.

Это было хорошо: въ головѣ глубоко, ясно, и хрустальныя мысли, какъ предвѣчное божество гностиковъ; когда глядѣлъ онъ въ воду,—плавное зеркало, — тамъ рождалось то-же спокойствіе и звучность, — казалось, прудъ холоденъ какъ кристаллъ, и даже въ красномъ закатномъ небѣ и стонѣ дальней выши видѣлось то высшее и мудрое-безмѣрно, въ чемъ плылъ его мозгъ.

И онъ, отложивъ книгу, всталъ.

— Жизнь или смерть, думалъ онъ—это все равно. Не это важно.

Что-же важно, онъ не отвѣчалъ; можетъ быть, не зналъ словъ, а быть можетъ и нельзя было словами сказать; но одно онъ чувствовалъ навѣрное: радость и холодъ наджизненнаго, свѣтло-ключевого. Нетлѣннаго бытія, процвѣтающаго на высотахъ.

Въ это время изъ дома аллеей бѣжалъ къ нему босоногій Климушка, мальчишка съ кухни. Николай Гаврилычъ замѣтилъ его только въ послѣдній моментъ, когда онъ подбѣжалъ, съ бѣлымъ своимъ кокомъ, слегка запыхавшись и крикнулъ:

— Ужинать пожалуйте! А еще—пріѣхали!

Николай Гаврилычъ поднялъ книгу.

— Кто?

— Господинъ становой!

II.

Николай Гаврилычъ подымался въ горку къ дому по темной аллеѣ; въ ногахъ листья шуршали, въ просвѣтѣ стволовъ блестѣлъ прудъ. А на балконѣ ждалъ молодой человѣкъ въ полицейской тужуркѣ; переминался съ ноги на ногу и видимо стѣснялся.

— Извините пожалуйста, говорилъ онъ: я васъ побезпокоилъ. Можетъ быть можно у васъ гдѣ-нибудь переночевать. Изволите-ли видѣть, я былъ тутъ въ волости по дѣлу, а до дому верстъ тридцать, лошадь устала.

— Что-же, пожалуйста.

Внутренно Николай Гаврилычъ усмѣхнулся: будетъ ужинать со становымъ! Этого еще не доставало.

Становому показали гдѣ умыться, онъ покорно умылся и

опять вышелъ на балконъ. Николаю Гаврилычу бросилось въ глаза, что онъ не на тройкѣ съ бубенцами, не крякаетъ по становойски и не крутитъ усовъ. И стало опять какъ-то внутренно, грустно-смѣшно; вспомнилось, какъ въ дѣтствѣ онъ боялся поповъ, и когда они приходили съ молебнами, онъ прятался.

— Трудная-съ наша служба,—говорилъ становой.—Повѣрите-ли, сколько дней по деревнямъ трясусь, даже домой захотѣлось. И лошадку угонялъ.

Закатъ гасъ. Онъ разлился послѣднимъ, обольщающимъ пурпуромъ и бросалъ красноватый отсвѣтъ на все. Скоро должны были посыпаться звѣзды. Становой скромно сидѣлъ на стулѣ, потирая руки; по временамъ говорилъ кой-что, и Николай Гаврилычъ старался быть вѣжливымъ: между прочимъ узналъ, что становымъ онъ полгода, а раньше былъ писцомъ, въ канцеляріи губернатора.

— Вамъ нравится вечеръ нынѣшній? спросилъ Николай Гаврилычъ.—Правда, хорошо?

— Да-съ, замѣчательная природа, и такой легкій воздухъ... Онъ смутился, замолчалъ. Николай-же Гаврилычъ пыхалъ папироской, дымилъ, глядѣлъ на закатъ и на осенній вечеръ, и его мысли шли далеко. Красная тьма сгущалась, въ домѣ зажгли огонь и они со становымъ медленно тонули въ ночи и такъ-же чувствовали себя странно и неловко другъ къ другу.

Между тѣмъ былъ уже готовъ ужинъ; снова Климушка подтвердилъ это и они перешли въ столовую.

— Водки вамъ угодно?

Становой поблагодарилъ. Николай Гаврилычъ налилъ и себѣ и ему и выпилъ. Становой глоталъ остро, какъ усталый человѣкъ и перекатывалъ молодымъ кадыкомъ. Выпили еще. Николаю Гаврилычу вдругъ показалось, что можно пить много и долго, чтобы все стало другимъ, ни на что непохожимъ и жуткимъ; но становой размякъ быстро и отогрѣлся. «Пьянъ»,

подумалъ Николай Гаврилычъ съ неодобреніемъ; «вѣрно, пьетъ по праздникамъ». И онъ хмурился; темное нѣчто вставало и подливало къ сердцу; малые глазенки станового указывали на жену-становиху, становятъ сопливыхъ, курицъ, гусей, которыхъ жертвуютъ имъ, бѣдную смрадную жизнь въ грязи и гадости. Правитель канцеляріи бралъ взятки; подыгрывая и либеральничая слегка, разсказывалъ становой какъ платятъ губернаторскому чиновнику всѣ становые, всѣ урядники, исправники, всѣ пустыя сошки — и тамъ за его разсказами вставало безмѣрное и безпощадное. Въ туманномъ мозгу Николая Гаврилыча вдругъ глянулъ Филонъ, съ тоской и щемленіемъ; глянулъ и уплылъ, а становой не уходилъ; разсказывалъ теперь про «земскаго», продававшаго свою рожь въ управу по двойной цѣнѣ; про то, какъ самъ онъ голодалъ, бывши писцомъ, и что и теперь самъ выгребаетъ навозъ изъ конюшни, гдѣ лошадь стоитъ—«по честности, потому стражниковъ своихъ не имѣю права употреблять на свои надобности; а они курятъ цыгарки-съ и посмѣиваются, какъ я работаю».

— Много вы людей сѣкли за это время?—спросилъ вдругъ Николай Гаврилычъ. И сразу поблѣднѣлъ снѣжно, потемнѣло въ глазахъ.

Станового будто шлепнули.

— Нѣтъ, никого.

Потомъ что-то задергалось въ лицѣ у него, онъ сказалъ:

— Вы думаете, всѣ полицейскіе—звѣри?

Николай Гаврилычъ смотрѣлъ съ тяжелой улыбкой; оскорбительная улыбка заливала его лицо; нужно бы было противиться—онъ не могъ.

— А вы вотъ скажите, еслибъ волненія аграрныя были, вы бы вѣдь сѣкли?

Жестоко было, трудно. Будто ужъ начинали порку. Становой опустилъ глаза и покраснѣлъ густо, почти подло. Онъ это чувствовалъ, и на молодомъ его лицѣ, не привыкшемъ еще къ гнусности, было отчаянье. Глухо онъ сказалъ:

— Наша служба трудна еще тѣмъ, что многіе насъ не уважаютъ. Особенно образованные.

Николай Гаврилычъ захохоталъ.

— Будете еще драть!

III.

Послѣ ужина становой съ Николаемъ Гаврилычемъ вышли въ садъ—дорогой къ флигелю. И сразу же хлынула на нихъ ночь; черная, съ золотыми сонмами—звѣзды. И онѣ пылали, пылали, сквозь холодъ осени, и сразу соскочила хмурь и гадость съ Николая Гаврилыча. Стало ясно внутри и скорбно-покойно. «О, судья!» думалъ онъ на себя и улыбался—улыбкой тоски и самопониманія.

Становой плелся сзади; онъ шелъ враскоряку, какъ наѣздившійся за день; и ихъ шаги одиноко звучали во тьмѣ, да краснѣлъ вдали костеръ сторожа яблочнаго; иногда онъ палилъ изъ своей пищали «навыпугъ», тогда огненная ракета рвалась среди яблонь и гулко гудѣло въ воздухѣ, будто кто-то раскусилъ антоновское яблоко.

— Не сердитесь на меня за мои слова,—сказалъ Николай Гаврилычъ,—это я нездоровъ и говорю злыя вещи. Ваше положеніе трудное, но все же не думайте, что я дурного мнѣнія лично о васъ.

— Покорно благодаримъ... «Много обязаны».

— Бросьте, право, не сердитесь!

Становой вздохнулъ. Подошли къ флигелю. Николай Гаврилычъ зажегъ спичку, лампу въ своей комнатѣ и сѣлъ; напротивъ—становой—поблѣднѣвшій чуть и усталый; звенящая пустота была во всемъ — въ пустынномъ флигелѣ, комнатѣ съ металлической сѣткой отъ мухъ въ окнахъ, въ усадьбѣ и

междузвѣздныхъ степяхъ; одинокій видъ имѣли въ этотъ часъ стѣны, гдѣ столько было передумано и пережито; и книги на полкахъ какъ бы подернулись печалью—или тонкой пылью—и смотрѣли на вошедшихъ, какъ казалось, строго.

Можно у васъ взять что-нибудь почитать на ночь?

— Можно.

Становой поглядѣлъ, перебралъ нѣсколько, потомъ отложилъ и сѣлъ: не нашелъ себѣ что надо.

— Такъ-что вы всѣ науки знаете?

Николаю Гаврилычу вдругъ стало стыдно. Слегка даже онъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, что тамъ, какія науки... Читаю отъ нечего дѣлать...

Становой посвисталъ. Видъ у него былъ такой, что, молъ, не вѣрю.

— Господа студенты всегда книжки читаютъ, а потомъ намъ въ глаза тычутъ нашимъ необразованіемъ и народъ съ толку сбиваютъ. А между прочимъ если бы сами столько работали...

«Работали, работали»... повторялъ про себя Николай Гаврилычъ. Теперь ему было все равно: и становой, и обиды, и самъ онъ, и все. Что-то тяжелое и хмурое налѣзало на него и задергивало флеромъ лампу, комнату и книги.

— А вмѣсто работы подбиваютъ на убійства. Вотъ и мнѣ грозятся убить.

Николай Гаврилычъ вздрогнулъ.

— Убить? Васъ убьютъ?

— Не знаю,—становой сказалъ холодно:—быть можетъ.

И немного погодя прибавилъ:

— Мнѣ жену преимущественно жаль. Дѣтей тоже. А самому мнѣ весело не бываетъ. Живешь и думаешь: къ чему? Вотъ развѣ вы, человѣкъ ученый (усмѣшка)—скажете. Къ чему?

Николай Гаврилычъ встрепенулся, снова.

— Да, скажу.

И вдругъ, голосомъ глухимъ и одинокимъ произнесъ:

— Къ смерти. Вотъ къ чему.

И сказавъ, самъ онъ поблѣднѣлъ, и поблѣднѣлъ становой, и обоимъ показалось сразу, что Николай Гаврилычъ сдвинулся куда-то, и, можетъ, увидѣлъ то, чего не видать становому да и ему самому въ другое время.

— Я пойду спать, извините меня.

Становой ушелъ. Онъ ежилъ плечи и видно было, что ему холодно. А Николай Гаврилычъ сѣлъ, потушилъ лампу. Оцѣпенѣніе взяло его. Изъ ночи, черезъ сѣтку лился холодъ, пустынное безмолвіе было тамъ, и изъ-за крыши большого дома слабо поднялся мѣсяцъ: желтый, ущербный. Онъ былъ тусклъ и скорбенъ. Онъ освѣтилъ мертвымъ свѣтомъ огромный кленъ передъ флигелемъ, стоявшій въ глубокомъ убранствѣ огненныхъ листьевъ, въ бездонномъ траурѣ осени.

И тогда, въ тѣ минуты ощутилъ Николай Гавриловичъ *ее*. Теперь слышалъ онъ ясно, внутреннимъ слухомъ ея ходъ неземной по пространствамъ, и ея божескій ликъ чувствовалъ, ея голосъ звучащій-звучащій, звучавшій въ немъ и раньше, все той-же трубной нотой—и скорбной. Глубокое знаніе несла она ему, вводила въ страны мудрости. И онъ сидѣлъ, бывъ очарованъ ею, смотря въ глаза своей погибели и не имѣя силъ подняться. Сладкимъ ядомъ онъ наполнялся.

IV.

По небу текла луна, какъ предводительница звѣздныхъ каравановъ. И звѣзды шли за ней, восходя съ горизонта, описывая данныя имъ дуги и утекая за края земли. Въ холодномъ хорѣ исполняли всѣ на небѣ свои назначенья.

Внизъ-же шелъ свѣтъ —плавный и осенній. Поля и дороги

земли были одѣты этимъ луннымъ холодомъ, сталью блестѣли колеи съ водой и воздухъ былъ почти ломкій: ударь, и онъ расколется.

Въ очень поздній часъ Николай Гаврилычъ медленно шелъ по полямъ, обративъ къ лунѣ лицо. Былъ онъ довольно блѣденъ, а въ сердцѣ—звучность и просторъ. Въ безбрежной дали неба хрустально звенѣли вѣчные эоны, Филонъ проплывалъ въ горнихъ, и загадочная, и печальная улыбка міру шла оттуда: міру тѣсноты и тьмы. Николай-же Гаврилычъ былъ ровенъ: точно перешелъ грань смерти и жизни и смотрѣлъ далекими глазами на деревни и лѣсочки, и поля, огороды, которымъ такъ-же какъ ему надлежитъ погибнуть. «Смерть есть дочь Бога; она ведетъ насъ къ престолу»—такъ онъ думалъ. «Мы теперь за порогомъ, и мы равны». И ему видѣлось, какъ спитъ сейчасъ становой, и какой онъ маленькій и трепаный; не было злобы, а въ великой драмѣ міра вставали передъ сердцемъ дальніе края, той ужасной земли, гдѣ идетъ эта жизнь становойская, тѣхъ пустынь и скорбей, что лежатъ вдали, за селами и хуторами. «Все будетъ попалено, сгоритъ жизнь и ея мерзость».

Въ вышинѣ шли холодные токи. Луна леденѣла и нѣкто строгій и кристальный говорилъ:

«Все у васъ погибнетъ».

Но это не было страшно.

На туманномъ разсвѣтѣ вернулся домой Николай Гаврилычъ. На дорожномъ крестѣ спали лицомъ другъ къ другу два ворона: они были какъ бы отлиты изъ чугуна и чернѣли могильными памятниками. Изъ усадьбы выѣзжалъ верхомъ становой, отряхивая капельки росы, крапнувшей его съ усадебныхъ березъ.

— Прощайте, сказалъ Николай Гаврилычъ кротко, и подалъ ему руку. Становой взглянулъ съ удивленіемъ, но тоже протянулъ свою.

— Не сердитесь на меня, и не дай вамъ Богъ дурного.

Становой поблагодарилъ и поѣхалъ въ свои необъятныя владѣнья.

Бор. Зайцевъ.

БѢСОВСКОЕ ДѢЙСТВО

НАДЪ НѢКІИМЪ МУЖЕМЪ

А ТАКЖЕ СМЕРТЬ ГРѢШНИКА И СМЕРТЬ ПРАВЕДНИКА, СІЕСТЬ ПРЕНІЕ ЖИВОТА СО СМЕРТЬЮ: ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ И ЭПИЛОГОМЪ

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА.

ПЕРСОНЫ.

Животъ.

Нѣкій инокъ Иванъ, закопавшійся въ пещерѣ, онъ же Оруженосецъ Живота.

Смерть.

Демонъ Аратырь.

Демонъ Тимѣлихъ.

Ангелъ Хранитель.

Ангелъ Смерти.

Привратникъ Ареѳа.

Страстный братъ Евстратій.

Грѣшная Дѣва, она же маска Турица.

Туръ,
Медвѣдь,
Кобылка,
Волкъ,
} маски.

Странникъ.

Три чорта,—два наряженныхъ ангелами, а третій Главнымъ.

Время дѣйствія: съ вечера Прощенаго воскресенья до Свѣтло-Христова воскресенія.

Мѣсто дѣйствія: у пещеры и въ аду.

ПРОЛОГЪ.

Лысое поле. Распутье. На распутьи большой лысый камень. Начало зыбкой ночи. Слѣва съ широкой дороги въѣзжаетъ Животъ – храбрецъ и богачъ, наслаждающійся красотами міра и не думающій о смерти и будущемъ судѣ. Его окованный конь запрокинулся. За Животомъ слѣдуетъ пѣшій юноша — Оруженосецъ.

Животъ, размахнувшись мечомъ, разсѣкаетъ камень. Конь остановился.

ЖИВОТЪ.

Вызывающе. Есть ли на свѣтѣ, на всей поднебесной, кто могъ бы возстать противъ меня и сразиться со мной, царь или звѣрь? *Подумавъ, дерзко.*—Если бы я былъ на облакахъ, а въ землѣ утверждено было кольцо, я повернулъ бы землю и весь свѣтъ.

Смерть въѣзжаетъ, крадучись, справа. Лицо у ней человѣчье, обликъ же весьма страшенъ. На ней написано много разнаго ро-

да орудій казни: серпы, ножи, бритвы, веревка; за плечами коса.

ЖИВОТЪ.

Вдругъ ее видитъ.—Кто ты, страшный, полный червей?

СМЕРТЬ.

Остановилась, какъ вкопанная.—Не знаешь меня? *Помолчавъ, гордо.*—Я та, что никого не боится и все побѣждаетъ, я та, что любитъ всѣхъ равно и никого не щадитъ.

ЖИВОТЪ.

Сверху внизъ.—Откуда ты? чего отъ меня хочешь?

СМЕРТЬ.

Мрачно.—Я изъ нѣкоего царства, разъѣзжаю по полю, по городамъ и селамъ, такъ ѣзжу изъ царства въ царство и истребляю все, что рождено. *Помолчавъ немного.*—Я хочу сокрушить тебѣ сердце.

ЖИВОТЪ.

Гордый, заносчиво.—Я силенъ и храбръ, я бился на многихъ ратяхъ, я побивалъ полки, я прогонялъ и ставилъ королей, я изъѣздилъ весь свѣтъ, я покорилъ всѣ народы и нигдѣ не нашелъ себѣ равнаго,—никого, кто бы могъ возстать противъ меня и сразиться со мной; страхъ отъ меня сталъ на всю землю, я—Животъ. *Презрительно.* А ты—одна, а конь твой отъ голода падаетъ. Я пощажу твою хвастливую старость, бѣги!

СМЕРТЬ.

Невозмутимо. — Я состарилась многолѣтнею старостью и конь мой старъ и хилъ, я не хороша, не красна и одна, но

хорошихъ и красивыхъ и сильныхъ, молодыхъ или старыхъ, все равно, я—одна—неотвратимая побѣждаю, и ни одинъ человѣкъ до сихъ поръ не уходилъ отъ меня, и никому никогда не уйти.

— Слыхалъ ли ты когда нибудь про смерть?

ЖИВОТЪ.

Хвастливо.—Эй! не мало я видѣлъ отъ моей руки смерть многихъ людей.

СМЕРТЬ.

А что себѣ чаешь?

ЖИВОТЪ.

Уверенно.—Быть всегда сильнымъ и славнымъ, царствовать надъ всей землей.

СМЕРТЬ.

Какъ будто жалея.—Слушай, безумный, всѣ надежды—пустыя: что твоя сила и слава?—какъ приду, такъ и возьму.

ЖИВОТЪ.

Разгяренный.—Что жъ! выходи—ты съ своею кривою—косой и съ червиным оружіемъ, а я стану вотъ съ этимъ мечомъ.

СМЕРТЬ.

Какъ вихрь.—Оружіе мое увидишь окровавленнымъ надъ собой.

ЖИВОТЪ.

Поднимая мечъ.—Я готовъ.

СМЕРТЬ.

Стой!—Подъ твоими ногами лежитъ много людей, цари, богатыри. Меня никто не осилилъ, со мной никто не справился—

самъ Господь Іисусъ Христосъ изволилъ вкусить—и сколько народа родилось послѣ Адама, и всѣхъ прибрала и всѣхъ приберу, это я—твоя смерть.—*Взмахиваетъ косой.*

Оруженосецъ, сначала поддакивавшій жестами своему господину и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе робѣвшій, бросаетъ оружіе и прячется за обломкомъ камня.

ЖИВОТЪ.

Отстраняясь. Коси своей косой траву и болото, а за что меня хочешь косить? *Теряется.*—Я тебя не ждалъ,—я не посылалъ за тобой,—ты меня не знаешь.

СМЕРТЬ.

Какъ паукъ.—Нѣтъ, ужъ я тебя отъ себя не отпущу.

ЖИВОТЪ.

Немного овладѣвая собой.—Мечъ у меня острый, но я биться съ тобой не хочу, давай жить по душамъ, вмѣстѣ, ты—Смерть, я—Животъ. Кто болѣе насъ? *Роняетъ мечъ.*

СМЕРТЬ.

Хочешь ты или не хочешь, я отъ тебя не уйду.

ЖИВОТЪ.

Хватаясь за послѣднее спасеніе.—Госпожа моя Смерть, у меня есть золото, я отдамъ тебѣ золото, у меня есть власть, я отдамъ тебѣ власть, у меня есть слава—все бери, только отпусти меня.

СМЕРТЬ.

Холодно.—Въ мірѣ все можно купить, можно купить человѣка съ душой и съ сапогами, меня—никогда, не нуждаюсь,

я не собираю богатствъ, — да если бы и собирала, не хватило бы мѣста, гдѣ ихъ класть.

Изъ ада вылѣзаетъ демонъ Аратырь, пребывавшій денно и нощно съ Животомъ; въ рукахъ у него желѣзный крюкъ и свитокъ, гдѣ записаны грѣхи Живота, онъ приготовился брать душу. Другой демонъ Тимьлихъ, который растолкалъ Аратыря сонного и утомленного и во время пренія Живота со Смертью расчесывалъ и прилаживалъ ему хвостъ и подпрыгивалъ кони, подмелъ теперь полъ и сталъ перебирать оковы, которыми связываютъ демоны человѣческія души. Одновременно съ появленіемъ на землю Аратыря спускаются съ неба два ангела: Ангелъ Хранитель со свиткомъ и Ангелъ Смерти съ трезубцемъ. У Ангела Хранителя лицо печально. Ему Аратырь развернулъ свой свитокъ и знаками показываетъ, что дѣло безсторно. Ангелъ Хранитель отходитъ въ сторону, плача.

ЖИВОТЪ.

Слѣзаетъ съ коня, на колѣняхъ.—Госпожа моя Смерть, ты одна—справедлива, пощади! отврати отъ меня гнѣвъ свой, я не готовъ, дай мнѣ покаяться, дай мнѣ сроку—одинъ день —

Смерть молчитъ неумолимо.

ЖИВОТЪ.

Одинъ часъ—

Смерть молчитъ неумолимо.

ЖИВОТЪ.

Одну минуту—

СМЕРТЬ.

Безпощадно.—Нѣтъ. Я проколю тебѣ глаза за то, что они съ жадностью и вожделѣніемъ смотрѣли на міръ, я отрѣжу тебѣ уши, я оторву руки, которыя грабили и поджигали, и ноги, поспѣшныя на все злое, вырѣжу сердце, не знавшее ни любви, ни милосердія, вырву душу, отдамъ ему. *Показываетъ на подбоченившагося Аратыря.*—И онъ повлечетъ ее въ адъ на муку мученскую, а потомъ ты воскреснешь, чтобы послѣ Суда кипѣть въ неугасимомъ геенскомъ огнѣ. *Сходитъ съ коня.*

ЖИВОТЪ.

Голова его склонилась, руки разжаты, ноги вытянуты.—Лучше быть птицей, рыбой, звѣремъ, тварью, червемъ, чѣмъ человѣкомъ.

Смерть, подошедшая къ Животу, при послѣднихъ его словахъ наклоняется надъ нимъ и начинаетъ свою работу.

ТИМЬЛИХЪ.

Которому надоѣло разбирать запутавшіяся оковы, высовывается изъ ада, къ Аратырю.—Скоро ты тамъ?

АРАТЫРЬ.

Сейчасъ!—всѣ двадцать ногтей содрала, принялась за сердце

ТИМЬЛИХЪ.

Пріятно нюхая воздухъ.—Смрадъ то какой!

АРАТЫРЬ.

Подмигнувъ Ангелу Смерти, который чувствителенъ къ запаху грѣховъ и которому этотъ запахъ непріятенъ; скороговоркой.—Грѣхъ пахнетъ вкусно.

ТИМѢЛИХЪ.

Поджаренымъ снеткомъ. *Отъ удовольствія и злорадства гогочетъ.*

Смерть между тѣмъ обдѣлала свое дѣло. Къ Животу ринулся Ангелъ Смерти и Аратырь. Ангелъ Смерти ударилъ трезубцемъ, и Аратырь, обнявъ вышедшую душу и потрясая ее вверхъ и внизъ, поволокъ, крутя и мутя, въ адъ. Тамъ съ помощью Тимѣлиха подвесъ ее Змію, который, схвативъ душу въ пасть, изрыгнулъ ее въ жарчайшій неугасимый огонь. И Ангелъ Хранитель и Ангелъ Смерти поднялись на небо.

СМЕРТЬ.

Сѣла на коня; обращаясь къ публикѣ.—Да будетъ это памятно всѣмъ людямъ. *И поетъ по трупу дальше.*

Оруженосецъ вылѣзаетъ изъ-за засады, съ ужасомъ озирается вокругъ и во всѣ лопатки пускается въ противоположную сторону.

На сценѣ остается конь, трупъ и мечъ, а въ аду Аратырь и Тимѣлихъ наѣдъ горящей душой.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ пещерой. Налѣво отъ пещеры идетъ монастырская ограда, въ оградѣ ворота. У воротъ часовня. Ближе отъ пещеры святой колодецъ. Время позднее. Послѣдній день масленъ—Прощеное воскресенье.

Откуда то издалека доносится подбирающійся танецъ, онъ звучитъ ровно,—то разорвется, то совсѣмъ изсякнетъ.

АРАТЫРЬ.

Въ монашеской одеждѣ, поддерживая старика-привратника, ведетъ его къ часовнѣ.—Иди, отецъ, иди съ Богомъ, тамъ тепло не безпокойся, я покараулю. Полежишь немного, а завтра, какъ прочухаешься, встанешь, и пойдешь себѣ къ службѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; служба долгая по великопостному и цѣлыхъ семь недѣль безъ отдышки,—напостишься, успѣешь.

ПРИВРАТНИКЪ.

Брыкается.—Я спать не буду, буду—молиться.

Аратырь скрывается съ Привратникомъ въ часовню и черезъ

минуту выходитъ одинъ, затворяетъ за собой дверь, надвигаетъ плотнѣе скуфью и становится на мѣсто Привратника.

ТИМѢЛИХЪ.

Который въ аду наряжался монахомъ, высовывается изъ ада; негромко окликаетъ.—Аратырь?

АРАТЫРЬ.

Я.

ТИМѢЛИХЪ.

Ты одинъ?

АРАТЫРЬ.

Одинъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Вытягаетъ и, приближаясь, показываетъ на часовню.—Тамъ?

АРАТЫРЬ.

Пускай себѣ дрыхнетъ.—Съ этой дрянью возиться, только руки пачкать.

ТИМѢЛИХЪ.

Наши всѣ въ разгонѣ?

АРАТЫРЬ.

Прощеный день,—работы по горло.

ТИМѢЛИХЪ.

Онъ скоро выйдетъ?

АРАТЫРЬ.

Приближается полночь.

ТИМѢЛИХЪ.

Канитель!

АРАТЫРЬ.

Съ нимъ будетъ нелегко.

ТИМѢЛИХЪ.

Садясь на скамейку.—Я не припомню, кого бы я не провелъ за носъ.

АРАТЫРЬ.

Поводя плечами.—Да и кого водить?—эту мелочь?! *Немного помолчавъ, раздраженно.*—И втемяшутъ люди себѣ въ голову, будто мы безъ нихъ и дыхнуть не можемъ, ходимъ по пятамъ—Га! ничтожество—*Передразнивая кого то.*—Все знаютъ и все понимаютъ, а еще есть такое—ничего не понимаемъ, ничего не знаемъ». *Зло смѣется.*

ТИМѢЛИХЪ.

И всѣ туда пойдутъ. *Показываетъ на небо.*—Въ селенія праведныхъ.

АРАТЫРЬ.

Туда и дорога. Покорно благодаримъ. *Прислушиваясь къ подбирающемуся танцу.*—Бестіи, ловко разжигаютъ!

ТИМѢЛИХЪ.

Не обращая вниманія.—Да, рѣдко попадается настоящій—и все таки, какого ни возьми, люди—народъ трусливый.

АРАТЫРЬ.

Жалкій.

ТИМѢЛИХЪ.

Растерянный.

АРАТЫРЬ.

Съ надливостью.—Добряки и злочіе и всего понемножку.

ТИМѢЛИХЪ.

Вотъ, говорятъ, что насъ столько, сколько листьевъ и травы на землѣ, это—неправда.

АРАТЫРЬ.

Отчетливо, какъ бы подводя итогъ.—Все неправда.

ТИМѢЛИХЪ.

Встаетъ, нетерпѣливо.—Да скоро ли онъ выйдетъ?

АРАТЫРЬ.

Тебѣ все вынь да положь. Ему тоже хочется поскорѣе. Всѣ иноки сѣли теперь заговляться, а онъ крохи въ ротъ не бралъ, стоитъ, ждетъ. Потомъ начнетъ исповѣдаться, затянутъ Плачъ Адамовъ...

Сзади появляется пара ряженыхъ: Кобылка и Волкъ. Они, должно быть, съ пирища. Маски сбились.

ВОЛКЪ.

Тянетъ за собой Кобылку, запыхавшись.—Скорѣй! Скорѣй!

КОБЫЛКА.

Тутъ люди.

ВОЛКЪ.

Какіе люди?

КОБЫЛКА.

Побойся Бога!

ВОЛКЪ.

Нѣтъ, не могу.

КОБЫЛКА.

Смотри, пещера.

ВОЛКЪ.

Я люблю. *Не безъ борьбы сдаётъ Кобылкой, увлекаетъ ее въ часовню. Дверь за ними затворяется.*

Аратырь и Тимѣлихъ, приставшіе на корточки, минуту молчатъ.

АРАТЫРЬ.

«Люблю»,—га!

ТИМѢЛИХЪ.

Прыснувшій отъ сдерживаемаго смѣха.—Какъ сурьезно!

АРАТЫРЬ.

Всю ночь, какъ въ пеклѣ.

ТИМѢЛИХЪ.

А завтра подуетъ холодокъ.

АРАТЫРЬ.

У ней въ ту же ночь заведется зародышъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Слюнявый, съ хвостомъ.

АРАТЫРЬ.

И все селедки проситъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Боль. Немочь.

АРАТЫРЬ.

Скука.

Тимѣлихъ приподнимается, подходитъ къ часовнѣ, хочетъ отворить дверь. Аратырь тоже всталъ. Въ это время справа, шатаясь, какъ пьяный, вбѣгаетъ растерзанный Страстный братъ Евстратій.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Растерянно озираясь.—Отцы, пропустите, ради Бога!

АРАТЫРЬ.

Строго.—Кто ты и зачѣмъ въ такую пору?

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Я—братъ Евстратій, погибаю, измученъ блудной страстью.

АРАТЫРЬ.

Коротко и внушительно.—Нельзя. Своихъ довольно. Приходи завтра по-утру.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Нѣтъ силы до утра дождаться,—согрѣшу. *Умоляюще и плаксиво.*—Смилуйтесь, отцы! я слышалъ, въ обители спасается святой подвижникъ.

АРАТЫРЬ.

Переглянувшись съ Тимѣлихомъ и въ чемъ-то согласившись, твердо.—Есть.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Кто? какъ его увидѣть?

АРАТЫРЬ.

Иванъ. Онъ скоро будетъ тутъ.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Онъ старый?

АРАТЫРЬ.

Нѣтъ.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Давно въ монастырѣ?

Тимѣлихъ, бросившій дверь часовни, теперь подошелъ къ Аратырю и они, какъ коршуны, надвинулись надъ своей жертвой.

АРАТЫРЬ.

Послѣ небольшого молчанія, играя.—Онъ оставилъ юношей міръ и много претерпѣлъ отъ искушеній, удручая тѣло. Онъ по два, по три дня не ѣлъ, проводилъ всѣ ночи безъ сна.

ТИМѢЛИХЪ.

Какъ Аратырь.—Лютой жаждой морилъ себя, носилъ тяжкія желѣза.

АРАТЫРЬ.

Будто ударяя.—И не нашелъ покоя.

ТИМѢЛИХЪ.

Нагой ходилъ въ морозы. Такъ провелъ три года.

АРАТЫРЬ.

Будто ударяя.—И не нашелъ покоя.

ТИМѢЛИХЪ.

Разъ пошелъ вонъ въ ту пещеру и тамъ молился. Вдругъ услышалъ голосъ: Иванъ, Иванъ, нужно тебѣ здѣсь затвориться, невидѣніемъ и молчаніемъ борьба окончится и Господь тебѣ поможетъ.

АРАТЫРЬ.

Сегодня онъ затворится въ пещерѣ, останется одинъ весь постъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Онъ хочетъ вырыть яму и всего себя засыпать, оставивъ только голову и руки.

АРАТЫРЬ.

Онъ твердъ, какъ древесная накипь.

ТИМѢЛИХЪ.

И крѣпокъ, какъ желѣзо.

За оградой слышится пѣніе стиха «Плачъ Адамовъ», который поется выходящими изъ трапезы иноками.

Восплакался Адамъ, передъ раемъ стоя:
«Ты раю мой раю, прекрасный мой раю!
Мене ради, раю, сотворену бысте,
Еввы ради, раю, заключену бысте».

Евва согрѣшила, Богу согрубила,
Законъ преступила, Адама прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала отъ раю святого,
А свой погрузила, во тьмѣ помрачила.
Адамъ вопіяше Богу со слезами:
«Увы мнѣ, грѣшному, увы беззаконному!
Уже азъ не слышу архангельска гласа,
Уже азъ не вижу райскія пищи!»
Адамъ вопіяше Богу со слезами:
«Боже милосердный, помилуй насъ грѣшныхъ!»
Проговорила Евва, Адаму глаголя:
— Адаме, Адаме, ты мой господине!
— Не велѣлъ намъ Богъ жити во прекрасномъ раю,
— Ничтоже вкушати отъ райскія пищи,
— Сослалъ насъ Господь Богъ на трудную землю,
— Намъ хлѣба снѣдати отъ потнаго лица,
— Намъ правдою жити, а зла не творити.
А мы, братія-други, прибѣгнемъ ко церкви,
Проліемъ мы слезы ко Вышнему Творцу,
И онъ насъ избавитъ отъ вѣчныя муки.
Воззримъ мы, братія, на вѣчные гробы:
Ахъ гробы вы, гробы, превѣчные домы,
Житіе временное, слава суетная.
Очи наши — ямы, руци наши — грабли:
Что очи завидятъ, то руци заграбятъ.
Взяти мы съ собою ничто же не можемъ:
Только мы возьмемъ саванъ да сорочку.
Какъ будемъ мы мертвы, прижмемъ руци къ сердцу,
Души наши пойдутъ по своимъ по мѣстамъ,
Тѣло наше будетъ червемъ на снѣденье,
Кости наши будутъ землѣ на преданье.
Тогда не поможетъ имѣніе наше.
Рече Исусъ Христосъ Петру же и Павлу:
«Кто у раю плачетъ?»—Евва возрыдаетъ.—

Рече Исусъ Христосъ Петру же и Павлу:
Отверзете Адаму вы райскія двери:
Въ раю ему быти, во вѣки вѣковъ.
Аминь.

Аратырь и Тимьлихъ, сгорая отъ нетерпѣнія и предвкушая удовольствіе, стоятъ вытянувшись; ихъ красные рты полураскрыты.
Пѣніе у воротъ прекращается.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Отуманенный разсказомъ демоновъ и пѣніемъ «Плача» въ жетать.—Иванъ Многострадальный!

АРАТЫРЬ.

Вдругъ остыя, къ Тимьлиху.—Поправь мнѣ хвостъ.

Ворота растворяются и въ сопровожденіи иноковъ выходитъ Иванъ,—онъ въ грубомъ вретищѣ, босой, простоволосый. Иноки, какъ на великомъ выходѣ, становятся по сторонамъ, Иванъ всередкѣ.

ИВАНЪ.

Тяжко, самъ съ собой.—Душа моя скорбитъ. Пришелъ мой часъ.

Страстный братъ порывается къ Ивану; Аратырь же и Тимьлихъ, хоронясь за его спиной, удерживаютъ его.

ИВАНЪ.

Простите въ чемъ согрѣшилъ передъ вами.—*Кланяется въ землю.*

ИНОКИ.

Кланяясь ему въ отвѣтъ.—Богъ проститъ, прости и насъ.

ИВАНЪ.

Простите.

ИНОКИ.

Богъ проститъ.

ИВАНЪ.

Простите.

ИНОКИ.

Богъ проститъ.

Братьяръ и Тимѣлихъ выпускаютъ Страстного брата.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Бросаясь къ Ивану.—Отецъ, постой, освободи, дай помощь, одолѣваютъ страсти, нѣтъ мнѣ мѣста — —

ИВАНЪ.

Братъ — —

Съ крикомъ врываются маски: Медвѣдь и Туръ, преслѣдующіе Турицу; маски сби. лсь. Поднимается шумъ и суматоха. Иноки бѣгутъ врассыпную, натыкаясь и сбивая другъ друга съ ногъ; за ними слѣдуетъ Страстный братъ. Среди криковъ выдѣляется —

ТУРЪ.

Стой, ни съ мѣста!

МЕДВѢДЬ.

Вскидывая топоромъ.—Убью!

ТУРЪ.

Я первый.

МЕДВѢДЬ.

Моя.

ТУРЪ.

Моя.

Бьются. Слышится, какъ кто-то стравляетъ: «Бей — бей!— бей подъ ноги!—вали его!»—*и потомъ, какъ камень на голову —*

АРАТЫРЬ.

Ничья.

Туръ и Медвѣдь, оба падаютъ мертвыми.

ИВАНЪ.

Стоитъ одинъ въ какой-то сверхсильной борьбѣ, крѣпко сжалъ руки, не знаетъ что дѣлать, потомъ отъ нахлынувшаго сердца.—Земля, ты будь проклята! Твои глаза и руки, лицо и ноги, и все, что есть отъ тебя, твоего—будь проклято!

Аратырь нечеловѣчески изогнувшись и хохоча глазами, показываетъ Ивану на Турицу, ма-

ска съ которой совсѣмъ сбилась и видно лицо. Глаза ихъ встрѣтились. И среди долгаго молчанія кажется, будто что-то хрянуло. Вѣки у Ивана тяжело упали и, какъ слѣпой въ свой уголъ, онъ медленно, но вѣрно пошелъ къ пещерѣ, растворилъ дверь и, глухо захлопнувъ, скрылся.

Бьетъ полночь.

ТИМѢЛИХЪ.

Спустя минуту, прислушиваясь и показывая на пещеру.— Ростъ кротъ.

АРАТЫРЬ.

Дьявольски увѣренно, съ насмѣшкой.— Посмотримъ.

Оба медленно спускаются восвояси.

На сценѣ два трупа и Турица.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же сцена. Вечеръ среды и пятой недѣли Великаго поста,—Стояніе Маріи Египетской. Въ аду неугасимый огонь ярче.

На скамьйкѣ у воротъ сидитъ Привратникъ и Странникъ—болѣзненный отрокъ съ острымъ личикомъ.

ПРИВРАТНИКЪ.

Продолжаетъ разсказывать житіе. — «Женщинъ я не позналъ отъ рожденія моего». Она же сказала: «Я выкуплю тебя изъ рабства, поставлю господиномъ всему моему дому и хочу имѣть тебя своимъ мужемъ, ибо мнѣ жалко видѣть, какъ безумно гибнетъ твоя красота». Получивъ надъ нимъ власть, женщина одѣла его въ дорогія одежды и кормила его сладкими кушаньями и, обнимая нечистыми объятіями, безстыдно увлекала на мерзкое дѣло. Блаженный же, видя ея неистовство, еще больше прилежалъ молитвѣ и посту, предпочитая для Бога въ чистотѣ ѣсть сухой хлѣбъ и воду, чѣмъ въ скверне дорогія блюда и вино. Тогда посрамленная женщина приняла въ сердце другой лукавый помыслъ,—приказала посадить блаженнаго на коня и со множествомъ слугъ водить по городамъ и селамъ всей своей земли, говоря: «Все это твое, распоряжайся,

какъ хочешь». И дала имъ наказъ: «Это вашъ господинъ, а мой мужъ; встрѣчаясь съ нимъ, кланяйтесь ему». Блаженный, посмѣявшись надъ безуміемъ женщины, сказалъ ей: «Напрасно трудишься, не можешь прельстить меня тлѣнными вещами сего міра, ни украсть мое нетлѣнное богатство; пойми и не трудись напрасно». Женщина съ яростью сказала ему: «Или не знаешь, что ты мнѣ проданъ». И, отчаявшись въ своей надеждѣ, нанесла тяжкія раны преподобному, растянувъ его, велѣла бить жезломъ, такъ что земля пропиталась его кровью. Но никакое томленіе—ни огонь, ни мечъ, ни раны не могли разлучить его отъ Бога—Христа Небеснаго Жениха. А женщина, между тѣмъ, съ безстыдствомъ еще сильнѣе склоняла его на грѣхъ, такъ что приказала насильно положить его на одрѣ своемъ, обнимала и цѣловала его, но и этимъ прельщеніемъ не могла привлечь къ своему желанію. Преподобный сказалъ: «Напрасны, женщина, твои усилія; не думай, что я не творю этого грѣха, потому что безуменъ или не могу, но изъ-за страха Божія и гнушаясь тобою, нечистая». Получивъ такой отвѣтъ, женщина приказала давать ему сто ударовъ, а потомъ собственноручно отрѣзала ему тайныя мѣста.

Преподобный лежалъ, какъ мертвый отъ кровотеченія, и немного собравшись съ силами, пришелъ вонъ въ ту пещеру. *Показываетъ туда, гдѣ затворился Иванъ.*—И жилъ богоугодно, подвизаясь въ постѣ, молитвѣ, бдѣніи и всѣхъ иноческихъ добродѣтеляхъ, которыми и побѣдилъ до конца всѣ козни нечистаго. Тутъ и погребенъ.

СТРАННИКЪ.

Слушавшій съ большимъ вниманіемъ и мечтательно, встаетъ.— Прощай, отецъ, пойду, началось Стояніе.

ПРИВРАТНИКЪ.

Не обращая вниманія. — И я отъ юности моей, боримый страстью, получилъ отъ преподобнаго исцѣленіе.

СТРАННИКЪ.

Пойду. *Уходитъ.*

ПРИВРАТНИКЪ.

Самъ съ собой.— Великія бывали искушенія. — *Сидитъ съ улыбкой на губахъ.*

ТИМѢЛИХЪ.

Проходя мимо часовни, подходитъ къ Привратнику.—Отецъ, весна!—посмотри: цвѣтокъ!

ПРИВРАТНИКЪ.

Ну дай.

ТИМѢЛИХЪ.

Подаетъ цвѣтокъ.—Прямо изъ-подъ снѣга.

ПРИВРАТНИКЪ.

Нюхаетъ цвѣтокъ.—Подснѣжникъ.—*Засыпаетъ съ цвѣткомъ въ рукѣ.*

Тимѣлихъ медленно отходитъ къ пещерѣ; извивая головой, дѣлаетъ знаки. Аратырь тотчасъ изъ невидимой щели пещеры высовываетъ голову.

ТИМѢЛИХЪ.

Ну что?

АРАТЫРЬ.

Ты сказалъ, чтобы подкладывали больше огня?

ТИМѢЛИХЪ.

Двое работаютъ, не покладая рукъ. Дрова сухія—горныя.

АРАТЫРЬ.

Кивая головой въ сторону Привратника.—Спитъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Я далъ ему понюхать лѣпку*).

АРАТЫРЬ.

Прислушиваясь.—Читаетъ канонъ Андрея Критскаго.

ТИМѢЛИХЪ.

Смѣется, потомъ оборвавъ смѣхъ.—Думаешь, нынче покончить?

АРАТЫРЬ.

Время идетъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Опасно.

АРАТЫРЬ.

Всѣ ли въ сборѣ?

ТИМѢЛИХЪ.

Я послалъ за самыми отчаянными со всѣхъ двадцати мытарствъ.

АРАТЫРЬ.

Наряды въ порядкѣ?

ТИМѢЛИХЪ.

Масокъ сколько угодно, не хватаетъ вѣнчиковъ; три короны.

АРАТЫРЬ.

Обойдемся.

---

*) Лѣпокъ, лѣпки—лилкіе цвѣты, которые, приставая къ рукамъ или къ одеждѣ, наводятъ сонъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Змія выпустимъ?

АРАТЫРЬ.

Увидимъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Змій говоритъ: если ты съ этимъ не управишься, онъ поставитъ тебя искушать глупыхъ.

АРАТЫРЬ.

Со злостью. —Змій поглупѣлъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Не все же быть мудрымъ.

АРАТЫРЬ.

За нимъ большія заслуги, впрочемъ, не имъ свѣтъ кончился. *Горько молчитъ.*—Да, что мыши?

ТИМѢЛИХЪ.

Плохо. Сначала, какъ ты велѣлъ, онѣ только по немъ ходили, потомъ стали грызть. Мышь отъ жары дохнетъ.

АРАТЫРЬ.

Горячась.—Такъ напусти червей. Пускай ползаютъ вдоль и поперекъ, вдоль и поперекъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Ладно.

АРАТЫРЬ.

Перемѣняя тонъ, не безъ охорстви.—Покажу ему хвостъ на прощанье.

Тимѣлихъ угрюмо молчитъ.

АРАТЫРЬ.

Выгибая шею отъ усилія растопыриться, какъ можно шире, передразниваетъ Ивана, читающаго Канонъ Андрея Критскаго.—«Виждь мое смиреніе и скорбь мою».

ТИМѢЛИХЪ.

Ну, лѣзь.

Аратырь вылѣзаетъ, онъ наполовину розовый, словно тѣло женщины.
Опираясь, подошла къ колодцу съ ведрами Грѣшная Дѣва.
Тимѣлихъ и Аратырь, застигнутые врасплохъ, вдругъ ее замѣчаютъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ.—Боишься?

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ.—Страшно?

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ.—Увидятъ?

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ.—Узнаютъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ.—Куда дѣвала дѣтей?

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ.—Гдѣ твои малютки?

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ.—Въ печкѣ.

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ.—Въ хлѣву.

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ.—Подъ порогомъ.

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ.—На чердакѣ.

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ.—Подъ кроватью.

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ.—Свиньи сожрали.

ТИМѢЛИХЪ.

Набрасываясь.—Не смѣй прикасаться!

АРАТЫРЬ.

Не пачкай колодца!

ТИМѢЛИХЪ.

Курва!

АРАТЫРЬ.

Сука!

Грѣшная Дѣва мечется и падаетъ подъ пальцами демоновъ. Аратырь и Тимѣлихъ, наклонившись надъ ней, смотрятъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Готовый поиздѣваться, притронулся къ ней; тыряя пальцемъ.—Больно?

АРАТЫРЬ.

Оставь. Пойдемъ.

Оба отступаютъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства; спускаются въ адъ.

Въ аду разбросано разнаго рода тряпье, среди котораго выдѣляются: маски, кусочки парчи, позументы, кисти отъ гробовъ, нѣсколько штукъ кадилъ, музыкальные инструменты, потертые сюртуки, нѣсколько покойническихъ туфель безъ задниковъ, муфты, красные флаги, меловые покойническіе халаты и проч. рухлядь, вынутая изъ гробовъ.

АРАТЫРЬ.

Окинувъ глазомъ. Веди.

Тимѣлихъ уходится налѣво. Аратырь наклоняется къ тряпью и что-то упорно ищетъ, потомъ, найдя какую-то невообразимую вещь, нѣсколько разъ примѣряетъ.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Появляется на порогѣ, вынъ у него злой.—Сегодня пять недѣль и ровно три дня, какъ я за этими проклятыми стѣнами. Пускай кто хочетъ, я больше не могу. И пусть тамъ на Стояніи убиваютъ себѣ плоть, съ меня довольно и мѣста стоянія. *Плаксиво.*—У меня хребетъ болитъ и въ глазахъ муть. Если я останусь еще хоть день, терпѣніе мое лопнетъ и я согрѣшу— —

ей-Богу. *Заглядываетъ внизъ.*—Ареѳа спитъ, въ рукахъ цвѣтокъ. Счастливый! Разсказывалъ какъ-то, будто мучился не меньше, коснулся преподобный своимъ жезломъ и съ тѣхъ поръ— — спитъ. *Многозначительно.*—Тутъ дьяволъ ходитъ, ищетъ кого бы поглотить. *Видитъ лежащую у колодца Грѣшную Дѣву.*— Господи! какая— — — *Смакуя, вдругъ въ неописуемомъ смятеніи кричитъ.*—Женщины!!! *Спрыгиваетъ и безъ оглядки пускается улепетывать по дорогѣ изъ монастыря налѣво.*

Въ адъ, подгоняемые Тимѣлихомъ, набираются чорти: обрюзгмый бѣсъ пьянства, бѣсъ обжорства со свинымъ рыломъ, бѣсъ лихвы, бѣсъ блудный, бѣсъ яростный и пѣвный съ дубинками и друг. по орѣхамъ, затѣмъ наряженные разными животными и звѣрами: кобылка, туръ, волкъ, журавль, козелъ, коза, кобель, конь, лиса, левъ, кабанъ, заяцъ и злосчастія птичьи: воронъ, ястребъ, сова, филинъ. Все это топчется на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи дѣла.

АРАТЫРЬ.

Къ которому Тимѣлихъ подвелъ двѣ чортей, наряженныхъ ангелами, въ блестящихъ одеждахъ, оглядывая ихъ.—Это безобразіе, у нихъ виденъ хвостъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Разводя руками.—Что же дѣлать?

АРАТЫРЬ.

Не допуская возраженій.—Пускай пришьютъ его хоть къ ляшкамъ.

Тимѣлихъ отводитъ ихъ въ сторону.

Адъ начинаетъ гудѣть, какъ рой.

АРАТЫРЬ.

Тише! *Къ вернувшемуся Тимѣлиху, за которымъ, какъ солдаты, слѣдуютъ «ангелы».*—Ну?

ТИМѢЛИХЪ.

Пришпилилъ англійской булавкой.

АРАТЫРЬ.

Кивает, потомъ откинувшись, обращается къ «ангеламъ».—Пожалуйста, ведите себя молодцами, думайте, что вы любовники-герои и, какъ заправскіе актеры, во-первыхъ, пріятно улыбайтесь и, во-вторыхъ, сильнѣй дышите. Понимаете?

«Ангелы», пріятно улыбаясь, кланяются.

АРАТЫРЬ.

Продолжаетъ.—Говорите отчетливо, не глотайте буквъ, то повышая, то понижая и послаще. Знаете ли вы ваши роли?

«АНГЕЛЫ».

Въ одинъ голосъ, безъ всякаго смысла, заученно текстъ вмѣстѣ съ ремарками.—Иванъ, мы ангелы. Пауза. Дѣлаютъ жестъ. А вонъ идетъ къ тебѣ Главный. Улыбаются. Торжественно. Поди и поклонись ему. Съ веселой миной. Одновременно.

АРАТЫРЬ.

Отлично.

Тимѣлихъ подводитъ Главнаго, видъ у котораго до невозможности глупъ и плюгавъ; вихры, хоть и примоченные квасомъ, торчатъ немилосердно.

АРАТЫРЬ.

Ну, а ты, Женихъ?—*Осматриваетъ, поправляетъ корону.*—Такъ... ты лучше помолчи.

ВѢСТНИКЪ.

Запыхавшись, къ Аратырю.—Чудаки просятся пустить.

ТИМѢЛИХЪ.

Къ Вѣстнику.—Отбери почуднѣе.

АРАТЫРЬ.

Чудаковъ и озорниковъ не надо. *Къ Тимѣлиху*—Боюсь, напакоститъ эта сволочь, и такъ довольно.

ТИМѢЛИХЪ.

Какъ знаешь. *Даетъ знакъ Вѣстнику.*

Вѣстникъ уходитъ.
Но въ это время уже нѣсколько чудаковъ вломилось, и поднялся въ аду хохотъ.

АРАТЫРЬ.

Не обращая вниманія, къ Тимѣлиху.—Когда онъ выйдетъ изъ ямы, начинай хороводъ и бери его въ самую середку, я натолкну эту—она тамъ у колодца—и мы ихъ случимъ.

Тимѣлихъ киваетъ.

АРАТЫРЬ.

Къ всѣмъ.—Слушайтесь его. *Показываетъ на Тимѣлиха.*—Начинайте, когда онъ укажетъ, очень не орите и не толкайтесь, шумите тише, помните, вы должны изображать хоръ ангельскій. Теперь прочистите ваши свиныя глотки.

ТИМѢЛИХЪ.

На озвѣрѣвшихъ.—Тише!

АРАТЫРЬ.

Я пойду впередъ.

Тимѣлихъ отдаетъ знаки бѣгамъ, чтобы они слѣдовали за нимъ. И вся бѣгая орава, стараясь не оступаться, подымается за Тимѣлихомъ на землю. Аратырь вышелъ первый; всякимъ движеніемъ онъ открываетъ пещеру: окаменѣлая туманнымъ сѣномъ, стена какъ бы таетъ.

ИВАНЪ.

Закопанный въ землѣ по поясъ, передъ нимъ раскрытая книга, по сторонамъ: свѣча, кувшинъ и кружка; онъ оторвался отъ Канона, который всё время читалъ, мысли его уже въ другой міръ, отсутствуетъ, потомъ поетъ съ отчаяніемъ. — О, какъ тянутся дни моей жизни,— горе мнѣ, что живу. Они опять явились, всѣ дѣла моей жизни, они кричатъ: ты помнишь ли о насъ? помнишь ли то мѣсто? то время? тотъ часъ? — — Напрасный трудъ—какъ помрачился я, какъ обманывалъ себя, какъ издѣвался надъ собой. Окаянная душа, откуда ты вышла? — Никто не можетъ пособить мнѣ.

Молчаніе. Орава, какъ окоченѣвшая, подъ четырьмя глазами демоновъ.

«АНГЕЛЫ».

По знаку Тимѣлиха смѣлѣе ближе къ пещерѣ, остановились у ея входа, въ одинъ голосъ.— Иванъ, мы — ангелы!

Иванъ вздрогнулъ, заволновался.

«АНГЕЛЫ».

Дѣлая полуоборотъ и по одной линіи вытягивая руки, показываютъ на приближающагося Главнаго; наивно. — А вонъ идетъ къ тебѣ Главный. *Снова оборачиваясь къ Ивану.* — Поди и поклонись ему.

Главный, котораго Тимѣлихъ вытолкнулъ не совсѣмъ ловко, такъ что тотъ чуть было не огрызнулся, а корона на его головѣ покосилась, подступаетъ къ пещерѣ.
Иванъ, опираясь о землю ладонями, дѣлаетъ усиліе выбраться изъ ямы.
Напряженіе растетъ, оно дошло у бревенъ до послѣдней грани, вся орава изогнулась, еще минута, и она самовольно бросится и перевернетъ все вверхъ дномъ.
Тимѣлихъ застылъ надъ ней.
Аратырь, все время наблюдавшій за сценой, торжествуетъ побѣду.
«Ангелы», давая дорогу Главному, улыбаются.
Все замерло.

ИВАНЪ.

Лицо котораго вдругъ искажается гнѣвомъ, отчетливо. — Тотъ, Кто свергъ васъ съ небесъ и предалъ на погибель, велитъ вамъ черезъ меня—удалитесь!

«Ангелы», не ахнувъ, тотчасъ проваливаются.

Главный, пошатнулся и—кубаремъ; корона съ головы покатилась по полу.
Смятеніе.
Тимьлихъ отчаянно махнулъ рукой. Аратырь ринулся вглубь сцены.

Начинается бесовское дѣйство. Дьяволы, кружась, запѣваютъ страшнымъ хоромъ. Все топчется, все кружится, все давитъ другъ друга и отъ бѣснующагося хоровода, который вертится съ каждымъ кругомъ все шибче и тѣснѣе, отваливаются кусками черти, они, кувыркаясь, ползутъ къ пещерѣ, облепляютъ ее,—творятъ Богъ знаетъ что, и въ монотонномъ тонѣ хора изъ топота, тянутся, какъ руки, отдѣльные возгласы:

— Вернись къ намъ!
— Дай отвѣтъ!
— Ты былъ нашъ!
— Вернись къ намъ!
— Мы будемъ съ тобой!
— Ты помнишь?..
— Исполни!
— Вернись къ намъ!

АРАТЫРЬ.

Разсѣкая всѣ голоса. — Огня!!! *Онъ пробудилъ Грѣшную Дѣву и потащилъ ее къ самой пещерѣ.*

ИВАНЪ.

Корчась. — Ноги мои горятъ, — жилы корчатся, — трещатъ кости, — пламя доходитъ до утробы. О лучше быть кускомъ глины, камнемъ, деревомъ — — чѣмъ человѣкомъ.

Изъ хоровода, вдругъ отхлеснутаго въ сторону, будто порывомъ вѣтра.—Смерть!
Смерть, появившаяся внезапно, стоитъ надъ всѣми.
Тимѣлихъ машетъ рукой, чтобы закрывали занавѣсъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же сцена. Въ аду тьма, только чуть тлѣется неугасимый геенскій огонь, освѣщая встревоженныя лица Аратыря и Тимѣлиха. Ночь подъ Свѣтло-Христово Воскресенье.

АРАТЫРЬ.

Ударили къ Страстямъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Давно.

АРАТЫРЬ.

Такъ въ полночь.

ТИМѢЛИХЪ.

До звона.

АРАТЫРЬ.

Молніи есть?

ТИМѢЛИХЪ.

Три штуки осталось.

АРАТЫРЬ.

Достать нельзя?

ТИМѢЛИХЪ.

Невозможно.

АРАТЫРЬ.

Что Змій?

ТИМѢЛИХЪ.

Лютъ. — — Этотъ глупый обычай отпускать изъ ада души на Пасху; при немъ осталось всего навсего трое: Каинъ Іуда, Каіафа.

АРАТЫРЬ.

Жестокій обычай.

ТИМѢЛИХЪ.

Да, тамъ есть чему поучиться.

АРАТЫРЬ.

Страдалъ на крестѣ — —

ТИМѢЛИХЪ.

Кто страдалъ, тотъ жестокъ.

АРАТЫРЬ.

Спохватившись.—Ты его видѣлъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Утромъ; весь подопрѣлъ и до кости разъѣденъ.

АРАТЫРЬ.

Вода?

ТИМѢЛИХЪ.

Вода и огонь поочередно.

АРАТЫРЬ.

Ничего?

ТИМѢЛИХЪ.

Ничего.

АРАТЫРЬ.

Раздражаясь.—Я тебѣ этого никогда не прощу, свинья.

ТИМѢЛИХЪ.

Самъ свинья.

АРАТЫРЬ.

Подлецъ, упустить такой случай, вѣдь тогда онъ, въ ту ночь вылѣзалъ....

ТИМѢЛИХЪ.

Да не вылѣзъ.

АРАТЫРЬ.

Подподлецъ, жлива!

Тимѣлихъ ничего не отвѣчаетъ.

АРАТЫРЬ.

И все погибло... Ты этого мерзавца наказалъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Угрюмо.—Послалъ — — —

АРАТЫРЬ.

Захлебываясь.—Ужъ я бъ тебя послалъ — — хорошъ! не осмотрѣть внимательно: вѣдь этотъ болванъ не потрудился закрыть своихъ куриныхъ лапъ. Ну, посуди самъ, какой онъ Женихъ, дуракъ пойметъ, что это поддѣлка, и притомъ у того косоланаго я видѣлъ собственными глазами рога, а вся эта твоя сволочь, нечего сказать, хороводъ!—да въ такой хороводъ послѣдняго кобеля не втянешь. *Въ сторону.* Только кулисы поломали.

ТИМѢЛИХЪ.

А ты зачѣмъ себѣ хоботъ привѣсилъ? — такихъ не бываетъ.

АРАТЫРЬ.

Врешь, такой былъ у Озириса.

ТИМѢЛИХЪ.

Которого прорвало, разражается бранью.—Самъ-то ты скотина,—безчисленникъ,—трунь,—шмакина,—грыжа!

АРАТЫРЬ.

Въ неистовствѣ бросается на него. –Тимѣлихъ!!

ТИМѢЛИХЪ.

Отстраняясь.—Довольно.

Молчатъ, смотрятъ другъ на друга.

ТИМѢЛИХЪ.

Холодно и гордо.—Я ручаюсь. Сегодня кончимъ.

Аратырь молчитъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Я говорилъ со Змiемъ.

Аратырь молчитъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Онъ согласенъ.

Аратырь молчитъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Въ полночь, до звона мы выпустимъ Змiя сразу и пускай онъ прямо надвинется и поглотитъ.

АРАТЫРЬ.

Сквозь зубы.—Хорошо.

ТИМѢЛИХЪ.

А теперь навѣдаюсь, что дѣлаетъ святой. *Выходитъ на землю, проходитъ осторожно къ пещерѣ и пропадаетъ черезъ невидимую щель во-внутрь.*

АРАТЫРЬ.

Вслѣдъ ему.—Дьяволъ! *Онъ безпокойно ходитъ, потомъ, увидѣвъ брошенную на полъ палку для фейерверковъ-молнiй, беретъ, нюхаетъ и со злостiю ломаетъ.*

ТИМѢЛИХЪ.

Возвращается.—Онъ не одинъ, у него блаженный.

АРАТЫРЬ.

Овладѣвая собой.—Опять. Что еще надо этому болвану?

ТИМѢЛИХЪ.

Укрѣпляетъ. Разсказываетъ свою повѣсть.

АРАТЫРЬ.

Ну, это ничего. *Вспоминаетъ.*—За смертью послалъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Еще съ утра. Она совсѣмъ остервенѣла, такъ и коситъ. Ей тоже завтра отдыхъ.

АРАТЫРЬ.

Она, кажется, на насъ сердита.

ТИМѢЛИХЪ.

Да, за ту ночь.— —Ты погорячился.

АРАТЫРЬ.

Вспыхнувъ.—Оставь.

ВѢСТНИКЪ.

Запинаясь, къ Аратырю.—Смерть не можетъ.

АРАТЫРЬ И ТИМѢЛИХЪ.

Почему?

ВѢСТНИКЪ.

Ей нѣтъ указа.

АРАТЫРЬ.

Какого ей указа?

ВѢСТНИКЪ.

Ей нѣтъ указа, и притомъ, окончивъ работу, она идетъ въ баню.

АРАТЫРЬ.

Вшивая хрычевка.

ТИМѢЛИХЪ.

Ступай.

Вѣстникъ уходитъ.

АРАТЫРЬ.

Съ безпокойствомъ.—Нашихъ никого?

ТИМѢЛИХЪ.

Всѣ по церквамъ, осталась одна рвань.

АРАТЫРЬ.

Неутренный въ Тимѣлихѣ.—Тимѣлихъ,—мы должны, нынче конецъ испытаній.—Насъ двое.

ТИМѢЛИХЪ.

Гордо.—Пора.

Аратырь и Тимѣлихъ скрываются во тьмѣ.

Страсти кончились и за ограду изъ церкви доносится пѣніе ирмосовъ.—

Волною морскою скрывшаго древле гонителя мучителя, подъ землею скрыша спасеннымъ отроцы: но мы, яко отроковицы, господеви поемъ, славно бо прославися.

ПРИВРАТНИКЪ.

Дремавшій на скамейкѣ, поднялся.—Вотъ и дождались Пасхи. Привелъ Богъ яичкомъ разговѣться. Хорошо на Пасхѣ. Ждешь ее, ждешь, измаешься на стояніяхъ, а она и придетъ. Бывало, какъ былъ звонаремъ, подходитъ этотъ часъ, лѣзешь, бывало, на колокольню, а морозъ такъ тебя всего и ѣстъ, а потомъ, какъ грянешь... Послѣдній разбойникъ въ этотъ день, какъ самый первый святой дѣлается, только что Дьяволу скучно, и у него у темнаго все чистый понедѣльникъ. И хорошо помереть на Пасхѣ, прямо въ рай.—Пойти приложиться къ Плащеницѣ. *Скрывается въ воротахъ.*

Пѣніе ирмосовъ продолжается, кончаютъ.—

Не рыдай мене мати, зрящe во гробѣ, его же во чревѣ безъ сѣмене зачала еси сына: востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно яко Богъ, вѣрою и любовію тя величающая.

ГРѢШНАЯ ДѢВА.

Вѣтшетъ изъ-за ограды, она нарядная, но нарядъ ея оборванъ, останавливается у колодца, съ усиліемъ передыхаетъ, смотритъ вокругъ, она одна. — За что? что я имъ сдѣлала? — они вытолкали меня изъ церкви, — они вырвали мою пасху и растоптали. Они не дали приложиться къ Плащеницѣ — — Я грѣшная, я послѣдняя, но развѣ я не смѣю? развѣ Ты пришелъ для праведныхъ? — — Нѣтъ у людей милосердія, они никогда не прощаютъ, но Ты — — и если забудутъ — они никогда не забудутъ! — и карають жестче, безпощаднѣй, какъ только самъ себя втайнѣ можешь карать — до гроба. — — Ты все знаешь: такія тайныя мысли, которыхъ никто не знаетъ, и зачѣмъ создалъ меня и оставилъ одну здѣсь на землѣ — — *Не знаетъ, куда дѣваться.* — Вотъ моя жизнь — Тебѣ ее исповѣдую, Тебѣ говорю — — Помяни мя, Господи — — —

АРАТЫРЬ И ТИМѢЛИХЪ.

Мелькнувшіе въ аду, появляются на землѣ и съ разныхъ концовъ. — Пора. — Пора.

Тьма на землѣ сгущается. Жуткое молчаніе. Старые обдрыпанные черти, живущіе за ветхостью въ аду, какъ въ богадѣльнѣ, почуявъ развлеченіе, высыпаютъ мышами изъ угловъ и щелей ада и пробираются тихонько на землю.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Съ удовольствіемъ.—Змій поднялся.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Теперь ужъ дудки!—тому не сдобровать.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Живьемъ поглотитъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Зря закопался,—Змія не осилишь.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Змій поднялся.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Огонь пышетъ изъ его пасти.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Что-то будетъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Только бы успѣть до звона.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Га!—живой рукой сладитъ.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Звонарь полѣзъ на колокольню.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Поднимаютъ хоругви.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Зажигаютъ свѣчи.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Схрипаетъ, успѣетъ.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Къ третьему.—Не засти, за рогами не видно.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

А у тебя дрожитъ хвостъ.

Черти, переминаясь, лѣзутъ другъ на друга и дрожатъ.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Змій пошелъ.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Захлебываясь.—Сейчасъ поглотитъ.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Змій пошелъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Змій побѣдитъ.

ИВАНЪ.

Изъ пещеры. — Боже мой, Боже, для чего Ты оставилъ меня!

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Какъ же, дери глотку!

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Одинъ такой кричалъ.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Такъ онъ тебя и услышитъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Посмотримъ, братцы, придетъ ли Богъ спасать его.—*Обрызгаетъ жиденькимъ смѣшкомъ.*

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Змій побѣдилъ.

ВСѢ ЧЕРТИ.

Подпрыгивая и кружась въ неистовствѣ.—Змій побѣдилъ!

Стѣна въ пещерѣ таетъ и въ туманномъ свѣтѣ видна раскрытая пасть Змія, въ которой вдругъ очутился Иванъ. Аратырь, нечеловѣчески изогнувшись и хохоча глазами, показываетъ Ивану на Грѣшную Дѣву. Тимѣлихъ въ сторонѣ, скрестивъ руки, наблюдаетъ.

ГРѢШНАЯ ДѢВА.

Въ восторгѣ, истово.—Да воскреснетъ Богъ—и расточатся—враги его. — —

И въ мигъ молніей прорѣзается пещера,—глухой громъ и ударъ колокола; за оградой мелькнула свѣча—и хлынулъ свѣтъ. «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ».

АРАТЫРЬ И ТИМѢЛИХЪ.

Скорчась.—Проклятый!

З а н а в ѣ с ъ.

ЭПИЛОГЪ.

Та же сцена. Ночь. У дверей пещеры Ангелъ Хранитель со свиткомъ и Ангелъ Смерти съ трезубцемъ.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Я долженъ войти.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Тише. Онъ только что заснулъ.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Тамъ ждутъ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Помедли. Весь вечеръ онъ молился.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Не могу. *Пріотворяетъ дверь въ пещеру и отступаетъ —* У него свѣтъ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ испытаній на Пасху посѣтилъ его Господь, у него свѣтъ.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Боюсь, она скоро пріѣдетъ. Онъ можетъ испугаться.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Онъ ее однажды видѣлъ.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Она причинитъ ему боль.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Лучше подождать.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Я долженъ. Тамъ за труды его въ награду готовится веселіе на безконечные вѣка.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Его душа не хочетъ разставаться.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Колеблясь.—Меня послали.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Задерживая.—Ты много видѣлъ. Ты помнишь, какъ умиралъ Моисей?

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Тогда я дважды возвращался, не рѣшаясь вынуть душу: пришелъ самъ Богъ, поцѣловалъ его въ уста и поцѣлуемъ принялъ душу. Къ Маріи приходилъ царь Давидъ, игралъ на гусляхъ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Испуганно.—Она!

Слѣва появляется Смерть на конѣ. Ангелъ Хранитель заслоняетъ входъ въ пещеру. Смерть остановилась.

АРАТЫРЬ.

Внимательно читавшій газету, вдругъ забезпокоился, всталъ, досталъ свитокъ и желѣзный крюкъ, легко оправился и полѣзъ на землю. Къ Смерти.—Здравствуй, мать!

Смерть не отвѣчаетъ.

АРАТЫРЬ.

Нехотя, по шаблону, къ Ангелу Хранителю.—Онъ нашъ.

Ангелъ Хранитель развертываетъ свитокъ.

АРАТЫРЬ.

Ну что жъ. *Отходитъ.*

Смерть слѣзаетъ съ коня и направляется къ пещерѣ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Къ Ангелу Смерти.—Скажи ей.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Къ Смерти.— Стой!

Смерть остановилась. Ангелъ Смерти раскрылъ дверь пещеры и скрылся въ свѣтѣ, исходящемъ отъ закопаннаго Ивана.

ТИМѢЛИХЪ.

Вернувшійся откуда то въ адъ почти тотчасъ-по появленіи Аратыря на землѣ, — онъ въ черномъ сюртукѣ, онъ посмотрѣлъ на брошенную газету, покачалъ головой, вынулъ изъ кармана записную книжку, снялъ сюртукъ и, что-то записавъ, не выпуская изъ рукъ книжки, высунулся изъ ада; хриплымъ простуженнымъ голосомъ, кивая по направленію къ пещерѣ.— Комедію ломаютъ.

АРАТЫРЬ.

Увидя его, удивленно. Ты вернулся?

ТИМѢЛИХЪ.

Наши взяли верхъ!

АРАТЫРЬ.

Много говорилъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Милліонъ и триста тысячъ вольностей. *Подкашливаетъ.*

АРАТЫРЬ.

Охота.

СМЕРТЬ.

Я не могу больше ждать.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Изъ пещеры.—Да будетъ.

Смерть входитъ въ пещеру. Черезъ минуту изъ пещеры выходитъ Ангелъ Смерти, держа въ рукахъ завернутую въ пелену душу. Ангелъ Хранитель, остававшійся въ дверяхъ, слѣдуетъ за нимъ. Оба поднимаются на небо.

Тимѣлихъ хотѣлъ было преслѣдовать, но видимо раздумалъ, потянулся, зѣвнулъ и сталъ не спѣша съ важностью сановника спускаться въ адъ.

Аратырь свернулъ изъ свитка трубу, приставилъ къ губамъ.

СМЕРТЬ.

Вышла изъ пещеры, плотно закрыла за собой дверь, сѣла на коня и, обращаясь къ публикѣ, вѣще и свирѣпо. — Остынетъ трупъ, не прикоснутся черви, останется до вѣка онъ нетлѣннымъ, но взятый изъ земли, вернется въ землю: съ каждымъ днемъ онъ будетъ погружаться и съ каждымъ лѣтомъ глубже— обниметъ земло-мать, и волоса на головѣ смѣшаются съ травой. Когда уйдетъ весь въ землю, знайте, настанетъ Страшный Судъ. *Уѣзжаетъ.*

АРАТЫРЬ.

Дѣлая ей вслѣдъ жестъ, выражающій «все равно», безнадежно.—Не прошибешь. *И спускается въ адъ, гдѣ Тимѣлихъ занялся разсматриваніемъ себя въ зеркальце.*

ТИМѢЛИХЪ.

Все пустяки.

АРАТЫРЬ.

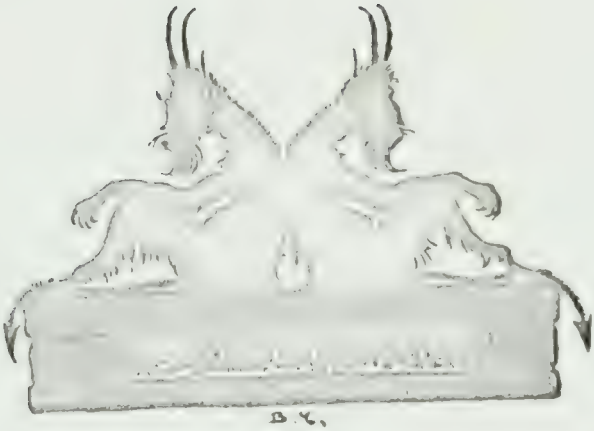
Понятно, пустяки. Орала!

На сценѣ остается дремлющій на скамейкѣ Привратникъ.

Занавѣсъ.

Конецъ всему представленію.

Алексѣй Ремизовъ.



ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ

СУЛУСЪ

РАЗСКАЗЪ

СУЛУСЪ.

I.

У нея—косые глаза и толстыя губы, и якутскія скулы круглятся, какъ два яблока, на матовомъ лицѣ. Но что-то пріятное свѣтится и въ ея глазахъ, и въ нескромныхъ губахъ, и пріятно смотрѣть на ея молодую грудь.

Теперь лѣто, и она ѣдетъ на луговину верхомъ на быкѣ съ важностью, какъ настоящая хозяйка-хотунъ, — но все это вздоръ: у нея нѣтъ мужа, ей четырнадцать лѣтъ и она еще не спала ни съ однимъ парнемъ. Изъ подъ бѣлой рубахи видны полныя икры, запыленныя золою камелька. Она бьетъ голыми пятками быка и тянетъ его за поводъ, продернутый черезъ ноздри.

Сегодня—лѣто, третьяго дня была весна, а дней пять тому назадъ повсюду еще лежалъ снѣгъ, и на Медвѣжій Косогоръ нельзя было взобраться: такъ онъ весь обледенѣлъ. Теперь на косогорѣ цвѣтетъ жара и весь онъ зачервонился.

Пять дней тому назадъ мы еще ходили въ камосахъ, въ зайцѣ, прятали носъ въ майтрукъ. Вдругъ изъ-за рѣки под-

нялось ярое солнце. Было весело слушать, какъ звенѣла и ухала весна.

На берегахъ тянулись вверхъ ледяные сталактиты, таяли и летѣли паромъ вдоль по теченью, а межъ камней что-то плескалось и смѣялось: какъ будто какое-то пѣнное русалочье отродье разыгралось на новомъ солнцѣ.

Какъ будто судьба развязала широколетныя крылья весенней птицѣ, — и вотъ она освобожденными крыльями шумитъ надъ нами.

Когда я выползалъ изъ моей юрты на свѣтъ Божій, сердце сладостно ныло отъ любви. Идешь по сырой землѣ — и глупо, и стыдно отъ весенняго чувства. Одинъ разъ, спускаясь къ рѣкѣ, я упалъ на влажную землю и весь испачкался грязью, нечаянно провелъ рукой по лицу, и на лицѣ осталась темная полоса; и было смѣшно и радостно это весеннее паденье.

Теперь земля уже сухая, ее обвѣваютъ тонкіе запахи молодыхъ травъ, и когда я зашелъ въ юрту Захара, мнѣ было странно услышать иной мертвый запахъ: тамъ лежитъ тѣло его жены: она вчера умерла въ родахъ.

Покойницу обернули въ холстъ и повезутъ къ отцу Николаю: это верстъ за восемьдесятъ. Повезутъ на быкахъ, медленно. По дорогѣ на станкахъ будутъ ѣсть лепешки, похожія на землю, и пить зеленую, пьяную арги. На другой телѣгѣ повезутъ теленка. Это — отцу Николаю за требу.

Но Богъ съ ней, со смертью!

Въ ста шагахъ отъ меня лежитъ озеро. Оно темно зеленѣетъ, а вокругъ него вѣнкомъ плетутся таежные ирисы, блѣдные и больные.

Еще недавно озеро было покрыто льдомъ, и мы ловили на немъ рыбу, прорубая проруби и протаскивая неводъ подъ водой. Наловивъ рыбы, якуты плясали съ якутками, тутъ же на льду, попарно, и опьяняли себя монотонной и жуткой пѣсней.

Я видѣлъ Сулусъ. На ней была кухлянка съ узоромъ на

подолѣ. Проходя мимо, она слегка толкнула меня локтемъ и щелкнула языкомъ, какъ хорошая сѣверная дикарка.

Я живу здѣсь уже пять лѣтъ, но замѣтилъ Сулусъ только въ прошломъ году. Она тогда была совсѣмъ дѣвченкой, сидѣла передъ камелькомъ нагая, посреди другихъ голыхъ ребятъ, грѣла у огня свои темныя бедра. Я подарилъ ей баночку засахаренныхъ грушъ, которую мнѣ привезъ товарищъ изъ города, и она тотчасъ же ихъ всѣ съѣла, забавно облизывая губы и выставляя бѣлые и четкіе зубы.

Сулусъ значитъ звѣзда. И въ часъ ночной, въ часъ звѣздный, когда я смотрю на сѣверное небо, я вспоминаю о моей Сулусъ.

Она немного понимаетъ по-русски, и когда я говорю ей: «я тебя люблю, Сулусъ!»—она смѣшно шевелитъ пальцами и такъ сверкаетъ своими косыми глазами, что кажется, будто она хочетъ меня съѣсть.

У Захара умерла жена, и теперь у него въ домѣ только одна Сулусъ и работники. Захаръ не изъ очень богатыхъ, но все таки тойонъ: сидитъ у камелька, лѣнится и куритъ трубку. Лицо у него безбородое, безусое, и онъ ужасно похожъ на Ренана, если вѣрить гравюрѣ, какую я видѣлъ въ одной книгѣ.

Захаръ настоящій якутъ: онъ любитъ поговорить и послушать. Когда я встрѣчаюсь съ нимъ, онъ по обычаю говоритъ: «капсе, дагоръ», что значитъ: «разсказывай, пріятель!» — и вотъ я разсказываю ему о томъ, что дѣлается по ту сторону Амги, потому что я часто уѣзжаю туда охотиться. Иногда я привожу ему лисицу, и онъ ласково треплетъ меня по плечу и называетъ меня большимъ господиномъ, но при этомъ прибавляетъ: «А все таки я не отдамъ тебѣ моей Сулусъ: у тебя нѣтъ ни одного оленя, ни одной коровы, ни одного быка, ни одной лошади. Ты многому научился, но ты не приносишь людямъ пользы, ты не ходишь къ людямъ, когда они тебя зовутъ. Ты недобрый человѣкъ, и, если ты привезешь мнѣ двѣсти лисицъ, то и тогда я не отдамъ тебѣ моей Сулусъ».

Я не слушаю его глупой болтовни и дѣлаю знакъ Сулусъ. Она выходитъ вслѣдъ за мной, и мы идемъ, прислушиваясь къ звѣздамъ, которыя звенятъ и поютъ въ небѣ, какъ будто пьянѣя отъ высоты.

Какъ пріятно ступать по лѣтней теплой землѣ и чувствовать рядомъ это молодое дикое тѣло, такое же пряное и живое, какъ земля. А когда она внезапно убѣгаетъ отъ меня, и я одинъ иду по лунной тропѣ, я думаю о прошломъ, и оно кажется мнѣ почему-то прекраснымъ и мнѣ опять хочется пережить его. Кажется цѣловалъ бы безъ конца край золотой ткани, странной неумолимой завѣсы, за которой таятся былые дни.

И говоришь себѣ: «Почему ты не пилъ до дна этой пьяной чаши? Почему не любилъ такъ, какъ могъ бы любить?»

Все кажется неизъяснимо милымъ: каждое движенье, каждое слово, звукъ голоса, бѣлый узоръ шитый гладью тамъ, гдѣ смугло розовѣетъ прекрасная грудь...

А теперь—эта неразумная Сулусъ, съ движеніями звѣрка, эта молодая таежная поросль. Зачаруетъ-ли она меня такъ, чтобы забылъ я прошлое?

Боже мой, какая пылающая рана! Какая мука! И вотъ я оскверненъ ложью, и я знаю, что придутъ дни, и придетъ она—Владычица—въ своей парчевой одеждѣ и повлечетъ за собою на вѣчный судъ,—и тамъ, на тропахъ иныхъ, встрѣчусь я съ той, кому не до конца сказалъ правду.

Какъ посмотрю я тогда въ ея нетлѣнные глаза? Проститъ-ли она меня? Пойметъ ли?

Но пусть! Пусть! Я передъ Богомъ любилъ тебя. Пусть я погибну, но я не могъ сказать тебѣ всего.

Я представляю себѣ тотъ часъ, когда мы разстались съ ней.

Вотъ эти городскія комнаты; въ нихъ она жила; она касалась этихъ мертвыхъ вещей, и онѣ оживали въ ея рукахъ; она смотрѣла на эти гравюры, и онѣ казались необычайными;

она читала эти книги, и отъ нихъ вѣяло мудростью и красотой.

Ну что жъ ея нѣтъ теперь со мной,—но, вѣдь, со мной Сулусъ: развѣ Сулусъ не прекрасна? Развѣ она не похожа на дикую и милую лань?

II.

На разстояніи пятидесяти шаговъ отъ моей юрты стоитъ изба доктора. Его жена—блѣдная, измученная женщина съ веснушками на лицѣ и съ огромными, прекрасными глазами. Ей кажется, что трудно жить въ тайгѣ; если бы не мужъ и дѣти, она бросила бы эту избу и поѣхала бы куда-нибудь на югъ. Какъ подумаешь только, что пройдетъ мѣсяцъ-другой и наступитъ морозъ въ пятьдесятъ градусовъ, на душѣ становится холодно. А на югѣ будутъ пышно и сладостно цвѣсти розы, и будетъ вѣять запахъ миндальныхъ деревьевъ и морской соли. Боже мой! Поневолѣ пойдешь къ себѣ въ комнату, запрешь двери, и станешь пить вино, любуясь своимъ тѣломъ. Правда, лицо увяло, но тѣло еще прелестно. Милое мое тѣло! Какъ знакома каждая линія! Въ туманѣ вина оно кажется еще прекраснѣе. И какъ страшно подумать, что никто не знаетъ его красоты.

— А вотъ вы—говоритъ мнѣ жена доктора съ любовной укоризной—почему вы живете здѣсь? Поневолѣ? Что за вздоръ! Вы—мужчина, вы свободны. Я на вашемъ мѣстѣ запрягла бы лошадь и—ахъ!—въ тайгу, до ближайшей пристани, а потомъ по Ленѣ, на лодкѣ. Никогда не поймаютъ. Въ Сибири народъ тяжелый, а у васъ крылья. Уѣзжайте, голубчикъ! И мнѣ легче будетъ. Не могу я больше васъ видѣть. И зачѣмъ вамъ нужна эта Сулусъ? Зачѣмъ?

— Дорогая моя!—говорю я ей, лаская ея руку:—не все ли равно, здѣсь или въ Россіи. И вамъ и мнѣ поздно уже мечтать. Мы нашу тропинку прошли до конца, дальше итти некуда,—обрывъ...

Приходитъ докторъ и, не смущаясь тѣмъ, что я у него въ избѣ, говоритъ съ досадой:

— Елена, отъ тебя опять пахнетъ виномъ!

— Я ухожу, я ухожу,—говоритъ она торопливо и спѣшитъ уйти къ себѣ въ комнату. На порогѣ она покачнулась и тихо заплакала.

И докторъ говоритъ мнѣ сердито:

— Валентинъ Александровичъ! Христомъ-Богомъ прошу васъ: хлопочите о томъ, чтобы васъ перевели въ другой улусъ. Невозможно это, наконецъ. Вѣдь, вы знаете, что Елена влюбилась въ васъ. Не на дуэли же мнѣ съ вами драться, чортъ возьми!

— Милый докторъ,—говорю я ласково, не выдумывайте зря, чего не надо: дѣло тутъ не во мнѣ, а просто таежное лѣто слишкомъ коротко. Не успѣешь оглянуться и опять снѣгъ. Вотъ смотрите: у васъ на вискахъ сѣдые волосы.

У доктора глаза становятся влажными, и онъ смущенно бормочетъ:

— Ну, ладно... Ладно... Выпьемъ...

И вотъ мы пьемъ съ докторомъ полынную и закусываемъ маринованной ленской стерлядью.

Уже ночь, но свѣтло, какъ днемъ. Наступила полоса этихъ непонятныхъ золотыхъ ночей. Какъ будто надъ тайгой кто-то колышетъ золотымъ пологомъ. День и ночь сливаются нераздѣльно. Часы показываютъ двѣнадцать, и не знаешь, что это: полдень или полночь. Звонкіе хрустальные лучи мечетъ, какъ стрѣлы, щедрая рука.

Я выхожу отъ доктора пьяный отъ золотой ночи.

— Боже мой!—Думаю я,—надо проѣхать около четырехъ тысячъ верстъ, и только тогда увидишь желѣзнодорожныя рельсы. Я—одинъ въ пустынѣ. Какъ радостно и жутко!

Все спитъ, какъ въ золотой гробницѣ, но я не могу спать. Хочется упасть на эту нѣмую, но чуткую землю, и вмѣстѣ съ ней молиться кому-то, кого-то просить о пощадѣ.

Ахъ, какъ я усталъ, какъ усталъ!

И вотъ я одинъ въ юртѣ передъ ворохомъ писемъ и увядшихъ цвѣтовъ. Вотъ милый почеркъ. Мнѣ чудится шорохъ за спиной: не здѣсь ли она?

Неужели я ласкалъ эти маленькія руки и, пряча лицо свое въ ея волосахъ, жадно вдыхалъ запахъ цикламены? Я вспоминаю мягкія лѣнивыя линіи ея тѣла такого близкаго и знакомаго, и едва замѣтную блѣдную полоску—знакъ того, что она была матерью.

У меня начинается лихорадка, и кто-то сильной рукой сжимаетъ мнѣ горло: зрѣніе и слухъ обостряются необычайно. Я жду.

И вдругъ—тихій стукъ въ мое окно.

Я распахиваю дверь и громкимъ шопотомъ спрашиваю:

— Кто это?

— Это—я: Сулусъ.

— Иди сюда! Иди! —говорю я насмѣшливо и любовно,— и ввожу дикарку въ мою юрту.

— Я не тебя ждалъ, моя крошечная Сулусъ, —говорю я, смутно надѣясь, что она пойметъ мою тоску.

Но Сулусъ не знаетъ печали: она уже тихо ударяетъ въ мой бубенъ и ждетъ, когда я возьму ее къ себѣ на колѣни.

Въ камелькѣ испепелились дрова, и я подкладываю новыя; и плотно закрываю единственное окно, чтобы спастись какъ-нибудь отъ неумолимыхъ и строгихъ взоровъ золотой ночи.

Я не сплю долгіе часы изъ-за этой дикарки. Она еще совсѣмъ не знаетъ страсти, и когда я хочу найти исходъ изъ этихъ дикихъ и смѣшныхъ ласкъ, она впивается своими бѣлыми зубами въ мое плечо и дѣлается твердой и непроницаемой, какъ сталь.

Что это такое?—Это не любовь, это не страсть, это даже

не та пьяная похоть, которая бродитъ въ больной крови, какъ темное вино. Сулусъ похожа на мальчишку, и я съ ней становлюсь юнымъ и улыбаюсь, глядя на міръ. Наша любовная исторія—чиста и холодна, какъ таежный снѣгъ.

И та, которой нѣтъ теперь со мной, должна простить мнѣ эту ребяческую измѣну. Но если бы она была здѣсь, я не рѣшился бы открыть ей странную исторію съ этой сумасшедшей Сулусъ: всѣ слова лживы и я все равно ничего не сумѣлъ бы разсказать ей о моемъ паденіи.

III.

Я ѣду къ кузнецу Матвѣю за Амгу. Сулусъ упросила меня взять ее съ собой: она сидитъ на краю телѣги и весело болтаетъ ногами. Мушкара и комары облѣпили насъ со всѣхъ сторонъ. Знойно, сладостно и по-таежному пьяно. Мнѣ лѣнь двигаться и думать, а Сулусъ то и дѣло прыгаетъ съ телѣги и шныряетъ по кустамъ, собираетъ землянику.

На станкахъ мы пьемъ кирпичный чай и разговариваемъ о лѣтнихъ дѣлахъ: о предстоящемъ покосѣ и о паузкахъ, что плывутъ въ Якутскъ по Ленѣ.

Сулусъ не церемонится со мной при чужихъ: она кладетъ мнѣ голову на плечо и шепчетъ свое якутское признанье: табтыбынъ.

Она сѣла такъ близко, что мнѣ слышно, какъ стучитъ ея сердце.

«Табтыбынъ»—смѣшное якутское слово! Сегодня оно мнѣ милѣе славянскаго «люблю».

Какъ страшно выходить изъ юрты, когда солнце яростно сжигаетъ землю. Я закутываю голову мокрымъ полотенцемъ,

но оно высыхаетъ мгновенно; хочется пить, но вода съ виномъ худо утоляетъ жажду.

Напрасно Сулусъ тормошитъ меня: я не выношу лѣтняго таежнаго солнца: отъ мушкары, зноя и жажды я изнемогаю и падаю на дно телѣги. Едва вижу однимъ глазомъ великолѣпное голубое небо, святое въ своей ослѣпительной наготѣ. И птицы не рѣютъ. Мертво и сухо шуршатъ колеса, и рысь лошадей—какъ четкая, сухая дробь.

Я забываю, куда мы ѣдемъ и зачѣмъ: только бы пить, пить холодную ключевую воду или хоть уйти бы вглубь тайги, зарыться въ темной и влажной листвѣ, уснуть тамъ, вдыхая зеленую сырость лѣсныхъ травъ и острый запахъ грибовъ и разлагающейся коры.

Къ вечеру сильнѣе пахнутъ березы; вѣтеръ потянулъ отъ зари; по новому закурились озера; легче дышать; охотнѣе выходишь изъ станка садиться въ телѣгу.

Лошади запряжены и привязаны за повода къ двумъ столбамъ. Садимся. Вокругъ толпятся якуты. Сейчасъ помчимся въ тайгу. Лошади рвутся. Вотъ сейчасъ ихъ пустятъ. Сразу, по свисту, съ дикимъ ржаньемъ летятъ кони навстрѣчу зарѣ.

Такъ жутко мчаться по лѣсной дорогѣ въ неизвѣстную даль, пьянѣя отъ вѣтра и зазывныхъ таежныхъ воевъ, что рождаются въ берлогахъ и оврагахъ.

Пахнуло отъ земли ночнымъ холодомъ: на глубинѣ аршина подъ почвой лежитъ вѣчный ледъ, храня останки допотопныхъ мамонтовъ: изъ этихъ ледяныхъ могилъ доносится до насъ голосъ тысячелѣтій.

Сулусъ знаетъ, что въ полуночный часъ слетаются духи съ вершинъ серебряныхъ горъ къ намъ въ таежную долину. Надо быть серьезной и молиться бѣлому богу Христу и чернымъ абасыларъ и разнымъ другимъ богамъ. Сулусъ притихла, прижалась ко мнѣ и бормочетъ молитву какому-то милому демону. «У него золотистые волосы, кудрявые, падающіе съ темени до плечъ». Его отецъ—солнце, его мать—луна. Они от-

пустили своего возлюбленнаго сына въ зеленый міръ, но люди привязали его къ дереву и стрѣлами изранили его грудь. И потомъ взялись за руки и плясали вокругъ дерева, пока текла по груди его алая кровь.

Алая кровь, какъ розы вечернія, что недавно погасли за черной тайгой.

«Табтыбынъ» — шепчетъ Сулусъ влюбленными губами. И неизвѣстно, кого она любитъ — меня или златокудраго демона, изъязвленнаго стрѣлами, страдающаго демона.

Сейчасъ ночь. Глаза тихо смыкаются. Смутно чувствуешь колыханье телѣги, едва слышишь звонъ бубенцовъ.

И вдругъ тянетъ влагой. Ѣдемъ по низкому озерному берегу. Все закутано въ зеленовато-сѣрый туманъ. Въ трехъ шагахъ не видно дерева. И какъ будто мы плывемъ надъ землей, водимые луной по колдовскимъ тропамъ.

Лошади влажно фыркаютъ; безпокойно обмахиваются хвостами; и якутъ-ямщикъ полусоннымъ голосомъ поетъ о туманѣ, о щербатой лунѣ, о черномъ кузнецѣ-шаманѣ и о жестокой царевнѣ, казнившей молодого тойона за его дерзкую любовь.

Какъ странно звучитъ въ туманѣ дикая, заунывная пѣснь! Какъ все кажется неизъяснимо чудеснымъ. И самъ себѣ кажешься другимъ, какъ будто бы вернувшимся въ лоно сырой земли. И хочется привѣтствовать крикомъ эту зеленоокую пустыню.

Ночь притаилась въ тайгѣ. По вижу, какъ сверкаютъ ея глаза, какъ змѣятся черныя кудри, какъ жестоко смѣются ея пьяныя уста. Иногда она подымается вмѣстѣ съ туманомъ и скользитъ среди елей и березъ, и тогда слышно ея неровное дыханье. И шопотъ ея похожъ на шурханье печальныхъ травъ. Вотъ она стоитъ надъ озеромъ и гадаетъ. Изъ-подъ темно-синихъ соболей бѣлѣетъ воздѣтая къ звѣздамъ рука. И кто-то рядомъ притаился въ темной дохѣ и бряцаетъ шаманскимъ бубномъ. Вотъ сейчасъ пойдетъ ворожея по млечному пути,

поведетъ за собой ночной хороводъ, влюбляя въ себя міръ. Какъ царственная траурная птица рѣетъ надъ землей, вознося высоко благую вѣсть надъ полями, озерами и праматерью тайгой.

А по низинамъ и проваламъ, гдѣ таежныя трещины таятъ ядовитыхъ змѣй и гдѣ вѣчно курится дурманное курево, засѣли демоны и чудовища-абасыларъ. Иные спустились сюда съ юга, иные поднялись сюда съ сѣвера. Сѣверные—страшнѣе. Они становятся багряными отъ непонятной вражды къ міру и хотятъ смерти и опустошенія. Они знаютъ, что на тыльной сторонѣ неба таятся иныя племена абасыларъ. Эти племена нечистыхъ духовъ вѣчно созерцаютъ опрокинутое темнотусклое солнце. А глубоко внизу, въ незыблемой широкой пропасти, зимуетъ и лѣтуетъ великій абасы съ алымъ ртомъ на темени, съ глазами на вискахъ. У ногъ его кипятъ кровавое море.

И вотъ теперь мы ѣдемъ по тайгѣ, нарушая безмолвіе,—и всѣ демоны подымаютъ отъ земли свои тяжелыя головы и озираются. Они готовятъ на лонѣ земли великое шаманство. Они снаряжаются въ путь, дабы итти во мракѣ къ бѣлому камню. Лохматые, они зеленѣютъ, какъ старые полуистлѣвшіе пни, ожидая своего срока. Часы водятъ вокругъ нихъ мѣрный хороводъ, топоча копытцами.

Сулусъ видитъ абасыларъ и боится ихъ. Она въ страхѣ плотнѣе прижимается ко мнѣ.

— Не бойся, Сулусъ—говорю я ей:—абасы не возьметъ тебя. Пусть онъ зарится на зеленое болотное отродье, а ты—моя невѣста. Я не отдамъ тебя никому.

Когда мы пріѣхали къ Матвѣю, солнце уже садилось и за тайгой дымилось и алѣло небо. Матвѣй работалъ въ кузницѣ, но, увидѣвъ меня, бросилъ работу и повелъ въ юрту.

На нарѣ лежала больная жена Матвѣя. Я уже два мѣсяца не видѣлъ ея и мнѣ показалось теперь, что она похожа на жену доктора. Отъ лихорадки глаза ея расширились и казались пьяными.

— Какъ твое здоровье, Марія?—спросилъ я, невольно робѣя, чувствуя рядомъ съ ней толпу абасыларъ. Мнѣ казалось, что иные демоны уже прильнули къ ея сердцу и пожираютъ ея душу.

— Худо,—сказала она и съ укоризной посмотрѣла на меня,—худо. Но сегодня пріѣдетъ Симонъ, и я вѣрю, онъ вернетъ мнѣ жизнь.

— Я знаю, что сегодня будетъ у васъ Симонъ. И я нарочно пріѣхалъ, чтобы встрѣтить его здѣсь.

Матвѣй досталъ водки и копченой рыбы, и мы стали ужинать, проливъ въ камелекъ нѣсколько капель дурманной влаги.

Матвѣй былъ печаленъ. Онъ встрѣтилъ утромъ попа, и тотъ ему сказалъ, что онъ знаетъ про его знакомство съ Симономъ. Пріѣдетъ засѣдатель и попъ донесетъ ему на Матвѣя.

— Берегись, дагоръ, онъ и на тебя пожалуется,—прибавилъ Матвѣй съ угрюмой улыбкой.

Но Сулусъ разсердилась:

— Мой женихъ никого не боится. И онъ убьетъ засѣдателя, если засѣдатель сдѣлаетъ ему злое.

Должно быть повѣялъ западный вѣтеръ: дымъ изъ камелька пошелъ въ юрту. Стало душно и темно.

Сулусъ притихла, и всѣ мы молча ожидали Симона. Наконецъ, онъ пріѣхалъ, этотъ сѣдой вѣдунъ, съ которымъ насъ сблизила прошлогодняя таежная зима.

Симонъ поставилъ длинный шестъ у юрты и прикрѣпилъ къ его концу чучело гагары.

— Ты будешь сегодня лѣтнимъ шаманомъ,—сказалъ мнѣ Симонъ, лукаво улыбнувшись.

Но я не расположенъ былъ сегодня шутить.

Мы сѣли вокругъ больной, на землю. И я замѣтилъ, что

Симонъ прикрѣпилъ къ своему плащу мѣдную бляху въ видѣ рыбы, которой я раньше не видѣлъ у него.

Разливъ по ковшамъ пьяную арги, Симонъ ударилъ въ бубенъ и запѣлъ.

Отъ пахучихъ корешковъ, которые Симонъ бросалъ въ огонь, отъ его жуткаго напѣва и отъ близости влюбленной Сулусъ у меня начинала кружиться голова.

Уже два раза мы всѣ—по знаку Симона—принимались пѣть; уже трижды летала гагара къ дальнимъ озерамъ и спускалась подъ воду въ черное царство абасыларъ; уже много разъ Матвѣй брызгалъ во всѣ углы зачарованную арги...

Я взглянулъ на Симона и по странному блеску его глазъ, по мѣрнымъ движеніямъ рукъ и по вздрагивающимъ краямъ губъ заключилъ, что гагара уже несетъ его духъ въ подземный міръ, гдѣ царствуетъ иное солнце и гдѣ время ведетъ свой хороводъ по инымъ кругамъ.

Больная билась въ судорогахъ, и на плечѣ ея странно алѣло пятно отъ огня въ камелькѣ.

Взглянувъ на Симона, восхищеннаго демонами, я вдругъ почувствовалъ надъ собою власть абасыларъ. Передъ моими глазами мелькала бахрома на рукавахъ плаща Симона; я вспомнилъ почему-то, что эта бахрома означаетъ когти вѣщаго коршуна, и это было послѣднимъ мигомъ сознанія. Потомъ я вошелъ въ шаманскій кругъ, подчиняясь волѣ Симона.

Вдругъ я увидѣлъ, что Сулусъ сбрасываетъ свои одежды. Оставшись въ одной рубахѣ, она ринулась въ пляску. Сначала она ходила мѣрно передъ огнемъ, поднявъ кверху руки и шепча молитвы; и концы ея пальцевъ казались прозрачными и розовыми отъ камелька. А когда Симонъ чаще сталъ ударять въ бубенъ, Сулусъ начала кружиться. Ея рубаха то вздымалась кверху, то облегала плотно ея бедра, и вся она стала похожа на птицу, вылетѣвшую изъ огня, съ пылающими крыльями. Иногда она перебирала пальцами въ воздухѣ, какъ будто касаясь струнъ; иногда она чертила воздухъ ру-

кой, какъ будто запечатлѣвая въ памяти вновь открытые ей колдовскіе знаки.

Волосы ея растрепались; росинки пота выступили на вискахъ; вся она сдѣлалась влажной и смугло-розовой; глаза ея видѣли иной міръ и пылали темнымъ шаманскимъ огнемъ.

Съ каждымъ ея движеніемъ тревожнѣе и тревожнѣе билось мое сердце. Я уже ничего не видѣлъ, кромѣ этой безгрѣшной плоти, причастной тайнамъ земли. И уже безъ памяти лежалъ Матвѣй, уже Симонъ выронилъ изъ рукъ свой бубенъ и упалъ навзничь съ легкимъ стономъ, уже едва тлѣлъ огонь въ камелькѣ и все было окутано непроницаемой тьмой, — а Сулусъ все еще плясала, отдавая себя богу.

Наконецъ, она свалилась на землю около моихъ ногъ.

IV.

Когда я и Сулусъ вернулись домой, и намъ пришлось переѣзжать рѣчку въ бродъ, мы увидѣли жену доктора. Она собиралась купаться. У Медвѣжьяго Косогора мы разстались съ Сулусъ.

Ровно въ три часа дня я проходилъ мимо юрты Захара. Оттуда неслись стоны. Это, должно быть, отецъ билъ ремнемъ мою милую Сулусъ за то, что она уѣзжала со мной.

Отъ жары было трудно дышать. Тайга шуршала, и странный шелестъ носился надъ землей. Кто-то мнѣ разсказалъ, что въ тайгѣ начались пожары.

Говорили, что въ Бутурусскомъ улусѣ огонь идетъ неумолимо, и лѣсная дичь, обезумѣвъ, бѣжитъ стадами. Пріѣхалъ купецъ изъ Вилюйска. Тамъ пожаръ начался въ колоніи прокаженныхъ. Иные изъ больныхъ сошли съ ума отъ ужаса и разошлись по дорогамъ.

Всѣ якуты чего-то испугались и шопотомъ разсказывали другъ другу о странныхъ знакахъ, какіе видѣлъ на небѣ шаманъ изъ Чурапчи.

Одинъ докторъ ничего не боялся.

Что ему тайга и всякіе страхи? Если не удалась его личная жизнь и все не ладится вокругъ—въ этомъ виновата исторія, человѣчество, человѣкъ. Какъ будто бы онъ разсуждаетъ нескладно, но есть какая-то внутренняя логика въ этихъ разсужденіяхъ о неудачной жизни, о таежныхъ пожарахъ и о той смертельной тоскѣ, которую носитъ въ своемъ сердцѣ его жена, эта тридцати-семилѣтняя женщина съ веснушками на лицѣ, съ печальными глазами и прекраснымъ тѣломъ.

— Боже мой! Какая печаль! Почему шаманскій бубенъ надо прятать отъ попа и засѣдателя? Почему тѣло надо закутывать въ безобразную одежду? Почему надо рожать дѣтей? У докторскаго пятилѣтняго Сережи золотуха и онъ горько плачетъ, когда отецъ, заставляетъ его пить рыбій жиръ.

Вотъ оно возмездіе за оскорбленную и поруганную любовь— всѣ эти золотушные, глухонѣмые и главное смертные дѣти. Они умрутъ за наши грѣхи, какъ мы умремъ за грѣхи отцовъ. Симонъ говоритъ, что надо умѣть любить безсмертно. Но развѣ онъ самъ безсмертенъ, этотъ сѣдовласый хитрецъ?

Вечеромъ я пошелъ къ озеру. На всемъ лежалъ знакъ усталости и ущерба. Казалось, что Черная Болѣзнь постигла нашъ таежный міръ. Она должно быть пришла изъ амгинскихъ кустарниковъ. Надвинувъ на брови черный капюшонъ, она шла по тропѣ вплоть до дома доктора. Тамъ она насмѣшливо стукнула въ окно и потомъ пошла отъ юрты до юрты.

Вотъ сейчасъ я стою среди присовъ, а она смотритъ на меня печальными глазами. Я чувствую ея взглядъ, хотя не знаю, откуда она смотритъ на меня.

Ночью я проходилъ мимо избы доктора. Тамъ былъ свѣтъ. Я постучалъ и меня впустили.

— Сегодня послѣ купанья съ женой случилось что-то не-

ладное, — сказалъ докторъ, наливая мнѣ стаканъ зеленаго китайскаго чая.—Я думаю, она серьезно заболѣла. Она лежитъ въ постели, но вы все таки пойдите къ ней и скажите два слова: это, навѣрно, будетъ ей пріятно.

Когда я вошелъ къ ней въ комнату и увидѣлъ ея безпокойный румянецъ, я понялъ, что абасыларъ окружили ее такъже, какъ и жену Матвѣя. Что докторъ понимаетъ въ этомъ? Онъ дастъ ей какое-нибудь глупое лекарство, а между тѣмъ нельзя терять времени. И я искренно сказалъ:

— Говорю я вамъ: позовите Симона!

— Ненуженъ мнѣ вашъ Симонъ, — сказала она сердито и посмотрѣла на меня влюбленными глазами.

Когда я вышелъ въ другую комнату, докторъ стоялъ, вытянувшись, около шкафа съ хирургическими инструментами и разсматривалъ пристально наборъ скальпелей. Мнѣ показалось, что глаза его красны отъ слезъ.

— Люди думаютъ, что они больше всего боятся смерти, — сказалъ я тихо, тронувъ доктора за плечо, — но это невѣрно: больше всего люди боятся любви. Надо молиться Богу, чтобы онъ научилъ насъ любить.

Когда я говорилъ эти слова о любви и смерти, я думалъ о той строгой и печальной, которую я оставилъ пять лѣтъ тому назадъ въ одномъ маленькомъ городкѣ на югѣ Россіи.

И я живо представилъ себѣ, какъ она стоитъ теперь на берегу моря, и къ ногамъ ея ползутъ волны, въ своихъ пѣнныхъ плащахъ, и она смотритъ на далекій горизонтъ и думаетъ такъ же, какъ я, о любви и смерти.

Подъ утро ко мнѣ пришла Сулусъ. Она показывала мнѣ на своемъ тѣлѣ рубцы отъ отцовскаго ремня. Потомъ она воткнула въ земляной полъ три ножа остріями вверхъ и плясала нагая посреди нихъ. Но уже не было шаманскаго блеска въ

ея глазахъ. И она долго томилась у меня на рукахъ и потомъ лежала на полу, неподвижная и холодная. И было такъ тихо въ юртѣ, какъ будто умеръ кто-то.

На слѣдующій день мы рѣшили встрѣтиться въ тайгѣ, у Красныхъ Ямъ. Я ждалъ ее на днѣ этого багрянаго оврага и, когда она пришла и бросила мнѣ въ лицо охапку цвѣтовъ, я вновь почувствовалъ тайгу.

Зеленоокая пустыня, исполненная звѣриной любви, полусожженная пожарами! Тропы идутъ во всѣ стороны, но страшно по нимъ итти. На одной тропѣ ждетъ Сулусъ, она обовьетъ тебя, какъ змѣя, и полушутя вонзитъ, какъ жало, свой якутскій ножъ. На другой — кусты тальника и кислицы преградятъ дорогу колючимъ щитомъ, а еще на иной тропѣ сама земля ужалитъ смертью усталыя ноги.

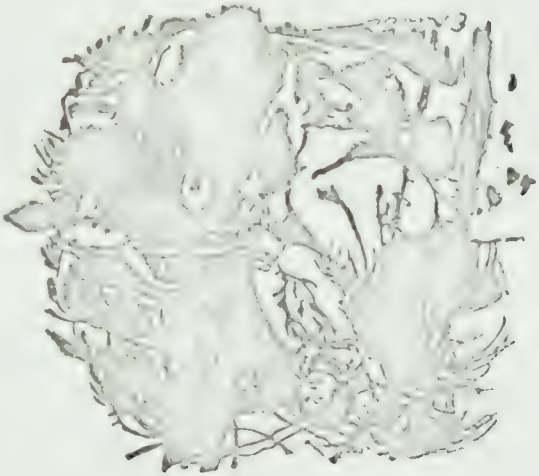
А какъ страшно жить въ тайгѣ, когда знаешь, что идетъ изъ тундры черная гарь. Сначала горѣли высохшія за лѣто болота. Дымился мелкій кустарникъ, тлѣлъ сухой мохъ. Потомъ гарь пошла верхомъ, лѣсами, вздымая черныя облака. Тщетно солнце мечетъ красныя стрѣлы. Онѣ не пронзаютъ душнаго тумана.

Вотъ мы на днѣ оврага — я и Сулусъ,—а надъ нами ползетъ черная угарная пелена. И нельзя выйти на свѣтлый міръ. Чья-то темная, лохматая рука душитъ горло, слѣпитъ глаза. Кричать? Но кругомъ тысячи пустынныхъ верстъ.

Тайга! Къ тебѣ тянутся усталыя руки. Но слышитъ ли она? Быть можетъ, она рождена глухонѣмой.

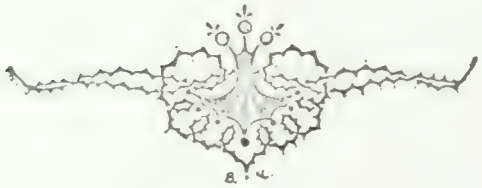
Какъ будто тысячелѣтняя могила раскрываетъ свое лоно, и входишь въ него съ любовью и надеждой. Тамъ, въ глубинѣ гробницы, спитъ нетлѣнная царевна, и приближаешься къ ней въ любовномъ ужасѣ, чтобы поклониться ей и умереть у ногъ ея.

Георгій Чулковъ.



ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ТОМЛЕНІЕ КЪ ИНЫМЪ БЫТІЯМЪ.



ТОМЛЕНІЕ КЪ ИНЫМЪ БЫТІЯМЪ.

МИСТЕРІЯ.

слова начинательныя.

Дню моему — сонъ и мечтаніе, ночи—томленіе.

Такъ начертано въ книгѣ судебъ, и неизмѣнно это начертаніе, неизмѣнно до конца.

Когда для другихъ восходитъ яростное солнце, призывающее къ трудамъ и достиженіямъ, тоска моя говоритъ мнѣ хриплымъ голосомъ:

— Еще одинъ день ненужнаго, безцѣльнаго бытія. Но не бойся,—я съ тобою. На всѣхъ путяхъ твоихъ я съ тобою.

Такъ утѣшаетъ она меня: она думаетъ, что я боюсь одиночества. Но приходятъ сны и мечтанія, и озаряютъ безконечную пустыню ненужнаго дня.

И сны мои странные для людей, и кто изъ нихъ не назвалъ бы ихъ жестокими!

И мечтанія мои еще страннѣе и жесточе. Ибо онѣ совсѣмъ и во всемъ—мои, и я веду ихъ въ долину страннаго инобытія.

Созданная по образу и подобію земного міра, населена она вампирами и кошмарами,—самое, однако, миролюбивое населеніе. Неба и солнца нѣтъ въ долинѣ инобытія,—свѣтъ исходитъ только отъ созерцающаго и только для него. Никому не дается съ принужденіемъ созерцать образы чуждаго міра.

Истинно, свобода обитаетъ въ долинѣ инобытія.

Свобода и союзъ. Всѣ вмѣстѣ, и все по законамъ своей и моей свободы. И если проливается кровь, то это—только моя кровь, радостно пролитая.

Когда же наступаетъ ночь, успокоивающая трудившихся человѣчковъ, приходитъ ко мнѣ томленіе мое, и говоритъ мнѣ:

— Не бойся, я опять съ тобою.

И оно думаетъ, что я боюсь одиночества.

Боюсь-ли я одиночества?

Если бы вампиры и кошмары оставили меня, я не былъ-бы одинокъ. Изъ тьмы небытія извелъ бы я къ свѣту истиннаго инобытія иные сны, иныхъ вампировъ извелъ бы я отъ небытія. Источающихъ мою кровь, и пожирающихъ плоть мою. Ибо я не люблю жизни, бабищи румяной и дебелой.

1.

Въ ожиданіи истязаній, задуманныхъ мною, я томился тоскою и страхомъ, на узкой сидя скамьѣ. Я былъ одинъ,—пока еще одинъ. Келья моя была мала и тѣсна, и заперта извнѣ на крѣпкій замокъ. Стѣны у нея были голыя и мрачныя, какъ стѣны темницы. А за стѣною шептались и смѣялись заглушенными голосами, чтобы я не слышалъ.

Но только я и могъ слышать. И кто-же иной могъ здѣсь быть, и видѣть, и слушать?

Окно кельи было высокое, подъ мрачнымъ сводомъ моей темницы тонилось оно, и какъ будто бы его и вовсе не было. И если былъ свѣтъ, то не изъ этого окна. А свѣтъ былъ. И при этомъ свѣтѣ видѣлъ я и окно, высокое, узкое, загражденное рѣшетками. И видѣлъ дверь, желѣзную, тяжелую, холодную, съ тонкою ржавостью широкихъ скрѣпъ и темныхъ петель.

И видѣлъ холодныя, гладкія плиты каменнаго пола.

2.

Съ визжаніемъ и скрежетомъ зашевелилась ручка у двери, и это были звуки противные и страшные. Неизбѣжное приближалось, созданное мною-же, но чего уже нельзя было отвратить или измѣнить. И насмѣшливый скрежетъ какъ бы говорилъ:

— Хочешь, не хочешь, — все равно сбудется. Тебя не спросятъ.

Въ этомъ визгливомъ и все же хриплом голосѣ слышалось торжество гнуснаго побѣдителя, тщеславящагося незаконною побѣдою. Униженіе для меня звучало въ этихъ звукахъ, но никого не радовали они. Призраки не радуются. Они ранятъ, и убиваютъ, и даже унижаютъ, и сами безстрастны,— они, приносящіе отчаяніе и стыдъ.

И пока медленно открывалась дверь, я смотрѣлъ на нее глазами, полными ужаса и тоски. И медленно открывалась дверь. А открывавшіе ее тихо говорили о чемъ-то, торжествуя и не торопясь, и тихій смѣхъ слышался въ звукахъ ихъ шопота.

3.

Уже когда дверь открылась на половину, но входящіе еще не показались, замѣтилъ я, что свойство освѣщенія стало инымъ. Я отвелъ глаза отъ двери, въ ту сторону, гдѣ почу-

дилась мнѣ перемѣна,—и тамъ было отраженное пламя. Тусклокрасное, оно ширилось. И вотъ оно коснулось моихъ глазъ. Я увидѣлъ свѣточи, съ дымомъ горѣвшіе и изливавшіе тусклый и невѣрный свѣтъ. И потомъ увидѣлъ людей. И ужаснулся.

То были обнаженные, прекрасные и ужасные отроки. Ихъ было семь, и въ рукахъ ихъ было то, что сулило радость истязаній. Тѣла ихъ краснѣли въ дымномъ озареніи свѣточей. Широкія груди ихъ дышали медленно и спокойно, и всѣ движенія ихъ казались исполненными страшной силы и непоколебимаго спокойствія. По ихъ медленнымъ и неотразимымъ движеніямъ понялъ я, что они—исполнители.

Лица ихъ сіяли невиданною на землѣ красотою, но глаза ихъ сверкали такою свирѣпою радостью, точно это демоны вышли изъ ада. Но то были только люди, созданные мною по тому-же плану, какъ и первозданная Эдемская чета. И только человѣческая радость трепетала въ ихъ раздувающихся ноздряхъ,—они предчувствовали радость тѣхъ мукъ, которыми они насладятся. О, они еще не знали, чѣмъ и какъ будетъ завершена ихъ потѣха! Они не знали, что они только рабы-исполнители, обреченные такимъ-же мукамъ сами.

4.

Первые два отрока держали въ рукахъ по свѣточу изъ черныхъ листовъ пергамента, пропитаннаго смолою и еще какимъ-то составомъ, усиливающимъ горѣніе и замедляющимъ сгараніе. Пламя держалось на верхнихъ концахъ высокихъ свѣточей, иногда даже оно какъ бы отрывалось отъ свѣточей, и поднималось на краткій мигъ въ воздухѣ, словно стараясь убѣжать съ этого смолистаго и нечистаго ложа, но потомъ снова возвращалось къ обугленнымъ вершинамъ свѣточей, и съ тихимъ трескомъ тихонько сползало еще немного ниже. Дымъ отъ свѣточей подымался немного, и затѣмъ легкою

тучкою уносился назадъ, въ отворенную теперь настежъ дверь.

Эти два отрока смѣялись, какъ веселые и добрые мальчики, и зубы ихъ сверкали, бѣлые, крѣпкіе зубы хищнаго человѣка. Въ глазахъ у нихъ сверкали искры, отраженные отъ свѣточей или отъ внутренняго огня.

Они подошли ко мнѣ близко, и стали по обѣ стороны рядомъ со мною. Улыбаясь жестокою и безстыдною улыбкою, они заглядывали мнѣ въ лицо. Отъ нихъ пахло сладко и нѣжно, кожа на ихъ тѣлахъ умащена была благовоніями, и смрадъ свѣточей смѣшивался съ благоуханіемъ, исходящимъ отъ ихъ тѣлъ. Стопы ихъ ногъ казались покраснѣвшими отъ холода каменныхъ плитъ.

5.

Другіе два отрока держали въ рукахъ по связкѣ веревокъ. Это были обыкновенныя бечевки средней толщины, пеньковыя, прочныя, добросовѣстно-сдѣланныя. Такими бечевками связываютъ небольшіе узлы и маленькіе сундуки для недалекихъ путешествій.

Бечевки были сложены въ нѣсколько разъ, и почти доставали до полу. Онѣ колебались въ рукахъ отроковъ, и слегка ударяли ихъ по бедрамъ и голенямъ.

Отроки улыбались закрытыми губами, и казалось, что ихъ зубы слегка сжаты. Иногда они сами слегка похлопывали себя бечевками по бедрамъ, и сладострастно вздрагивали.

Эти отроки были ростомъ больше первыхъ двухъ, и мускулы ихъ были болѣе могучими. Они подошли ко мнѣ тихо, словно крадучись, и стали за моею спиною. Они стали такъ близко, что я чувствовалъ на своей шеѣ ихъ сдержанное дыханіе.

Безпокойство заставило меня обернуться назадъ, — безпо-

койство, одолѣвающее того, за кѣмъ сталъ нѣкто враждебный. Но одинъ изъ нихъ посмотрѣлъ на меня съ такою злобою, что я содрогнулся.

Онъ наклонился ко мнѣ, и гортанными звуками сказалъ мнѣ что-то на языкѣ незнакомомъ, грубомъ и странномъ, — что-то непонятное, но, очевидно, угрожающее. Я отвернулся отъ него, и увидѣлъ подходящаго ко мнѣ пятаго отрока.

6.

Пятый отрокъ держалъ въ правой рукѣ длинный свитокъ пергамента. Онъ держалъ свитокъ ближе къ верхнему краю. Свитокъ изгибался широкими изгибами, потому что пергаментъ былъ толстый и прочный, и почти касался пола своимъ нижнимъ концомъ.

Отрокъ со свиткомъ сталъ передо мною, и устремилъ на меня внимательный взоръ. Онъ не улыбался, прекрасное лицо его дышало спокойствіемъ и равнодушіемъ. И долго смотрѣлъ. И томительно было ожиданіе.

Потомъ онъ опустилъ глаза на свитокъ, и сталъ читать шопотомъ, останавливаясь часто, и при каждой остановкѣ смотрѣлъ на меня внимательно и равнодушно, словно сличая мои примѣты съ тѣмъ, что было начертано на пергаментѣ. И ему было все равно, сбудется или не сбудется замышленное. Онъ слѣдилъ лишь, что-бы предметы предметнаго міра сходствовали съ тѣмъ, что предсказано по писанію, которое онъ держалъ въ своей нетрепетной рукѣ.

Онъ былъ самый покойный изъ всѣхъ семи отроковъ, — онъ былъ книжный и отвлеченный. Тѣло его нѣжно пламенѣло въ дымномъ озареніи свѣточей, и казалось почти прозрачнымъ. Члены его были тонки и стройны, и движенія его медленны и исполнены необычайной и волнующей прелести.

7.

Повинуясь обаянію его шопота и его переходящихъ со свитка на меня и обратно взоровъ, я посмотрѣлъ на себя съ такимъ страннымъ и спокойнымъ любопытствомъ, словно взирая на чужого и новаго человѣка. И со спокойнымъ удивленіемъ я увидѣлъ свое тонкое тѣло, облеченное въ старое и пыльное одѣяніе.

Это была та одежда, которую носятъ всѣ горожане въ Европѣ,—скучная, черная одежда, повседневная и обременительная, какъ вериги.

Твердыя поручи и твердая кираса на груди стѣсняли движенія, но не защищали ни отъ чего,—и твердость ихъ была обманчивая, и побѣждалась простою и даже не теплою водою. Убогое золото блестѣло на груди въ столь скудномъ количествѣ, что не соблазнило-бы оно и голоднаго вора. Черная обувь когда-то зачѣмъ-то блестѣла, и кто-то другой въ потѣ лица заботился о томъ, чтобы она съ каждымъ восходомъ солнца воспринимала новый блескъ,—но теперь она покрылась пылью. Далека и трудна была дорога, по которой пришелъ я въ эту темницу.

Переводя глаза то на себя, то на читающаго свой свитокъ отрока, я почувствовалъ, что въ отрокѣ есть нѣчто, смутно безпокоющее меня какимъ-то еще новымъ безпокойствомъ — не тѣмъ страхомъ, какъ отъ первыхъ четырехъ, но чувствомъ неизъяснимо волнующимъ. И съ усиліемъ всматриваясь въ его черты, я наконецъ понялъ, что это — я. Я самъ стоялъ передъ собою, и читалъ свой приговоръ.

Въ странѣ инобытія свершаются иныя возможности, неслыханныя на землѣ.

И слова свитка зажглись передо мною тусклымъ пламенемъ, но я не сталъ ихъ читать, ибо зналъ ихъ наизусть.

Сколько разъ въ томительные дни, въ тоскливыя ночи чи-

талъ я и перечитывалъ этотъ свитокъ, прежде чѣмъ отдалъ его исполнителямъ!

8.

И тогда увидѣлъ я послѣднихъ двухъ отроковъ. Они таились сначала сзади другихъ, и шептались, и смѣялись негромко, и теперь подошли, и стали рядомъ съ отрокомъ, читающимъ свитокъ.

Это были самые сильные и высокіе изъ всѣхъ отроковъ. Ихъ широкія и могучія плечи, ихъ высокія груди, медленно и сильно дышащія, ихъ слегка согнутыя руки со вздутыми мускулами,—все это внушало страхъ. Истинно, это были исполнители, и лица ихъ дышали жаднымъ, веселымъ и безпощаднымъ смѣхомъ и издѣвательствомъ. Въ рукахъ у каждаго изъ нихъ виднѣлось по связкѣ длинныхъ и крѣпкихъ бичей, похожихъ на змѣй.

Эти отроки смѣялись, прыгали отъ нетерпѣнія, щекотали другъ друга концами бичей, и при этомъ повизгивали отъ нетерпѣнія и восторга. Они жадно и насмѣшливо смотрѣли на меня, и шептали что-то.

Отрокъ со свиткомъ кончилъ читать, и сказалъ спокойно:

— Вѣрно. Это—онъ.

Остальные шесть отроковъ обрадовались и засмѣялись громко. И громче всѣхъ смѣялись отроки съ бичами.

И сказалъ я отрокамъ:

— Чему вы смѣетесь? Развѣ вы не знаете, что это — я?

Отроки замолчали, и испугъ выразился на ихъ лицахъ. Но отрокъ со свиткомъ сказалъ медленно и спокойно:

— Не бойтесь. Это—только онъ. И даже больше того скажу вамъ. Это—тѣло, преданное намъ на забаву. Ибо мы—дѣти, и хотимъ играть.

Отроки опять обрадовались, и засмѣялись еще громче прежняго. И отрокъ со свиткомъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Даже и правдою ты не соблазнишь насъ, величайшимъ изъ соблазновъ — правдою. Потому-что мы только исполнители.

9.

Возвысивъ голосъ, началъ говорить онъ такъ, при наставшемъ внезапно молчаніи:

— Это тѣло, слабое и больное, отягощенное пороками и грѣхами всего міра, надлежитъ уничтожить. Какъ мастеръ мнетъ глину, когда изваяніе не удалось, такъ и это порочное тѣло надлежитъ смять и уничтожить. И вотъ повелѣніе исполнителя.

Онъ развернулъ свитокъ, и читалъ медленно и спокойно:

— Тѣло, которое вы найдете въ темницѣ двигающимся, разсуждающимъ и чувствующимъ, предадите вы жесточайшимъ мученіямъ, истязаніямъ невыносимымъ, даже до смерти. Вы обнажите преданное вамъ тѣло, и подвергнете его поруганіямъ по произволу вашему. И потомъ распрострете вы его на полу темничномъ, и свяжете столь крѣпко, чтобы оно не могло избѣжать жестокости вашей. И будете бичевать его медленно и долго. Но не до смерти. И потомъ отрѣжете руки и ноги его, и остальное ввергнете въ медленно горящее пламя. И темница его да будетъ предана огню. И память о немъ да истребится на землѣ.

Онъ окончилъ чтеніе, и отроки радостно засмѣялись. И сказалъ онъ:

— Таково повелѣніе повелителя.

И я сказалъ:

— Повелитель—я.

Отрокъ со свиткомъ отвѣтилъ мнѣ:

— Намъ все равно, кто повелитель. Мы — исполнители. И мы исполнимъ повелѣніе.

И обратясь къ другимъ отрокамъ, онъ сказалъ имъ:

— Утвердите свѣточи ваши въ стѣнѣ, и начните.

С. АУСЛЕНДЕРЪ.

НѢКОТОРЫЕ ДОСТОЙНЫЕ ВНИМАНІЯ СЛУЧАИ ИЗЪ ЖИЗНИ ЛУКИ БЕДО.

ПОВѢСТЬ.

НѢКОТОРЫЕ ДОСТОЙНЫЕ ВНИМАНІЯ СЛУЧАИ

изъ жизни

ЛУКИ БЕДО.

повѣсть.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Самъ будучи аптекаремъ, мой отецъ, почему-то, для меня не хотѣлъ своей профессіи и, имѣя въ Нантѣ старымъ другомъ адвоката господина Кюбэ, рѣшилъ, когда мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, послать меня къ нему съ тѣмъ, чтобы пополнить мое скудное образованіе и пріучить къ дѣламъ, требующимъ знанія законовъ и ловкости кляузника.

Впервые длинное путешествіе и новизна жизни въ такомъ, сравнительно съ нашимъ, большомъ городѣ какъ Нантъ настолько прельщала мое воображеніе, что я безъ особаго сожалѣнія покидалъ родительскій домъ, хотя дѣтство мое и прошло въ немъ радостнымъ и привольнымъ, и я, не зная ничего другого, вполнѣ довольствовался нашей тихою жизнью.

Не рѣшаясь отпустить меня одного, отецъ очень обрадовался, найдя попутчиковъ въ лицѣ семейства Дюклю.

Нашъ десятидневный переѣздъ мы совершили въ слѣдующемъ строго поддерживаемымъ господиномъ Дюклю порядкѣ: впереди большая повозка съ вещами подъ наблюденіемъ стараго Жюстена; потомъ дормезъ съ господиномъ и дѣтьми, и сзади карета съ барышней и госпожей; я же, будучи верхомъ, могъ постоянно мѣнять свое мѣсто, что первые дни очень развлекало меня.

Ничто не сближаетъ такъ, какъ совмѣстное путешествіе и черезъ день эти совершенно незнакомые люди казались мнѣ близкими и милыми.

Не обращая сначала никакого вниманія на Эльвину и даже нѣсколько стѣсняясь ея, какъ часто свойственно подросткамъ, еще не привыкшимъ къ барышнямъ, я уже на третій день, благодаря ее ласковому и простому обхожденію, охотнѣе всего ѣхалъ у задняго колеса кареты съ ея стороны, весело болтая или слушая ея разсказы, хотя она была моложе меня на годъ.

Стройная почти до худобы, съ тонкимъ лицомъ, съ сѣрыми веселыми глазами и свѣтлыми волосами, гладко зачесанными въ двѣ косы, въ еще коротенькомъ платьѣ, она казалась почти дѣвочкой съ острыми локтями и нѣсколько угловатыми движеньями.

Когда въ полдень старуха засыпала и лошади едва тащились, измученныя жарой, оводами и песчаной дорогой, я подъѣзжалъ совсѣмъ близко къ окну кареты и Эльвина, высунувшись, брала своей тонкой рукой съ голубымъ амуромъ на маленькомъ колечкѣ мизинца за уздечку мою лошадь и, заставивъ меня нагнуться, тихо разсказывала о томъ, что она уже кончила свой курсъ въ монастырѣ; что въ Лавилѣ ее ожидаетъ женихъ, котораго она никогда не видала; что она ни за что не выйдетъ за него, если онъ не сумѣетъ ей понравиться и что, впрочемъ, это ничего не значитъ, что ея мать, выходя замужъ, тоже была влюблена въ другого и мужъ не

помѣшалъ ихъ счастью и еще много про себя, свою семью, про монастырь и городскія сплетни или разспрашивала меня и иногда приводила въ смущеніе вопросами, любилъ ли я кого-нибудь и кого люблю теперь.

Мы останавливались въ маленькихъ сельскихъ гостинницахъ, старательно минуя большіе города, такъ какъ господинъ Дюклю говорилъ, что тамъ дорого и не безопасно, хотя мнѣ казалось, что какія-то и другія причины побуждали его къ этому.

Уже наканунѣ Нанта мы остановились на опушкѣ рощи, чтобы исправить что-то въ сломавшемся дормезѣ, и дѣти съ Эльвиной собирали землянику, а я, шаля, наѣзжалъ на нихъ.

«Сударь»—кричала Эльвина съ уморительно серьезнымъ видомъ. «Сударь! Вамъ не поздоровится, если вы не прекратите своихъ шутокъ».

Она была въ синемъ плащѣ съ капюшономъ на красной подкладкѣ и въ маленькой шляпѣ.

«Что же вы можете со мной сдѣлать?»—спрашивалъ я съ задоромъ.

«Я стащу васъ съ вашей клячи».

«Для этого вамъ придется занять мое мѣсто».

«Это не представитъ никакихъ затрудненій».

«А ваши юбки?»

«Неучъ! Онъ не видалъ катающихся барышень!»

Мы шутя поспорили, можетъ ли Эльвина сѣсть на сѣдло, и вся раскраснѣвшись, съ развѣвающимися волосами, она схватилась за луку и, быстро вставъ на мой сапогъ, вскочила на сѣдло такъ неожиданно, что мнѣ пришлось взять ее обѣими руками и крѣпко прижать къ себѣ, чтобы намъ обоимъ не упасть съ тронувшей лошади.

«Ну что!»—воскликнула она, со смѣхомъ оборачиваясь ко мнѣ такъ близко, что наши лица почти встрѣтились и я чувствовалъ, если не прикосновеніе, то сладкій ароматъ земляники съ ея губъ.

Господинъ Дюклю закричалъ, что такія шутки неприличны и не безопасны; и вскорѣ мы тронулись въ путь черезъ рощу, сквозь которую краснѣло закатное небо, обмѣниваясь взорами какъ будто бы имѣющими какую-то тайну.

На другой день мы простились у воротъ Нанта, и Эльвина призналась, что она любитъ меня, обѣщая писать и не забыть, несмотря на жениха и возможную свадьбу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я нашелъ господина Кюбэ въ маленькомъ садикѣ передъ домомъ въ красномъ вязаномъ колпакѣ, съ лейкой въ рукахъ. Это былъ высокій костлявый старикъ съ подстриженной бородкой безъ усовъ, съ блуждающимъ взглядомъ и нѣсколько странными манерами, къ которымъ я впрочемъ скоро привыкъ.

На мой вопросъ: «здѣсь ли живетъ господинъ Кюбэ», онъ страшно загримасничалъ и закричалъ такимъ пронзительнымъ голосомъ, что я даже вздрогнулъ отъ неожиданности:

«Что! Кому еще понадобился господинъ Кюбэ? Попрошайкамъ изъ аббатства? жандармамъ? На что годенъ еще господинъ Кюбэ?»

Однако, замѣтивъ мое смущеніе, онъ тотчасъ успокоился и, одѣвъ очки, началъ читать полученное мною письмо отъ отца. Узнавъ изъ него, кто я, онъ обнялъ меня и повелъ въ домъ бормоча: «Да, да, Лука Бедо. Такъ. Такъ». Въ комнатахъ насъ встрѣтила Клементина, экономка господина Кюбэ, добрая, хотя и худощавая женщина. Она накормила меня холоднымъ мясомъ съ салатомъ, въ то время какъ Кюбэ, заложивъ руки за

спину, быстро ходилъ по комнатѣ, продолжая какъ бы начатый съ кѣмъ-то раньше безсвязный разговоръ:

«Налогъ на хлѣбъ! Удивительно остроумно! Разгильдяи и попы, вотъ съ кѣмъ нужно прежде всего справиться».

Онъ показался мнѣ нѣсколько не въ своемъ умѣ и скоро я пересталъ обращать вниманіе на его почти не прерывающіяся слова.

Мнѣ отвели довольно большую комнату съ окномъ на солнце и огородъ, изъ-за котораго не чувствовалось города, хотя соборы и виднѣлись за высокимъ заборомъ, розовѣя на закатѣ. На слѣдующій день господинъ Кюбэ принесъ мнѣ связку книгъ, среди которыхъ я нашелъ трагедіи Вольтера, письма Руссо, нѣсколько трактатовъ объ управленіи и свободѣ, а также Сенеку и Цицерона, такъ какъ еще отецъ выучилъ меня латыни довольно порядочно. Чтеніемъ этихъ книгъ, искренно увлекшихъ меня, ограничивались всѣ мои занятія безъ всякаго контроля и принужденія.

Самъ господинъ Кюбэ я не замѣчалъ чтобы занимался дѣлами, если не считать составленія всевозможныхъ проэктовъ, доставившихъ ему репутацію безпокойнаго человѣка и политическаго дѣятеля, сочиненія пасквилей на мѣстныхъ аббатовъ и даже самого епископа и безконечныхъ споровъ съ друзьями по вечерамъ.

Случайно я познакомился съ однимъ изъ студентовъ Нантскаго университета, который ввелъ меня въ общество своихъ товарищей и вскорѣ я сдѣлался равноправнымъ членомъ веселой дружеской банды, посѣщая съ ними маленькіе кабачки и участвуя въ ихъ играхъ и состязаніяхъ.

Одинъ изъ нихъ Жакъ Моро сдѣлался впослѣдствіи моимъ другомъ, оставаясь таковымъ въ многочисленныхъ случаяхъ моей полной приключеній жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Горожане прогуливались по лугу, останавливаясь у палатокъ фокусниковъ и продавцевъ сластями и дешевымъ виномъ или любуясь на стрѣлковъ, попадающихъ въ цѣль. Барабанъ призывалъ зрителей на представленіе странствующихъ актеровъ. Дѣвушки ходили, взявшись за руки, оживляя пейзажъ своими разноцвѣтными платьями и, стыдливо опуская глаза, съ благосклонной улыбкой принимали наши шутки и комплименты. Гудѣли трубы и нѣжно повизгивали скрипки оркестра.

Мы же всѣ въ одинаковыхъ костюмахъ, въ зеленыхъ курткахъ съ бѣлыми поясами и круглыхъ шляпахъ, расположились на склонѣ горы, откуда былъ виденъ за рѣкой городъ, горящій стеклами оконъ на заходящемъ солнцѣ. Разстеливши плащи на травѣ мы могли пить и ѣсть, причемъ недостатокъ кружекъ не уменьшалъ количества выпиваемаго каждымъ по очереди; могли бѣгать внизъ въ перегонку или драться на рапирахъ, собирая толпу зрителей, поощряющихъ побѣдившаго.

Дюревиль затягивалъ старую пѣсенку:

Пей за разомъ два, не жди:
Пьетъ земля весной дожди,

Пьютъ деревья, пьетъ рѣка,—
Всюду щедрая рука.
Для чего жъ, земли сыны,
Ротъ и горло намъ даны?

Мы же подхватывали:

Ахъ, ты кружка, кружка, кружка!
Ахъ, веселая подружка!
Губы алы, очи пьяны.
Не страшны намъ,
Не страшны намъ
Добродѣтели изъяны.

Дюревиль продолжалъ:

За куплетомъ пой куплетъ—
Передышки нѣтъ и нѣтъ;
Вѣтеръ свищетъ, дроздъ поетъ,
Жерновъ пѣснь свою ведетъ,—
Для чего жъ, земли сыны,
Ротъ и горло намъ даны?

Мы же подхватывали:

Ахъ, ты кружка, кружка, кружка!
Ахъ, веселая подружка!
Губы алы, очи пьяны.
Не страшны намъ,
Не страшны намъ
Добродѣтели изъяны.

Дюревиль продолжалъ:

Въ третій даръ любовь дана,—
Эту чарку пей до дна:
Соколъ, лебедь, быкъ, оселъ—
Ищутъ всѣ прекрасный полъ.
Для чего же намъ даны
Лицемѣрные штаны?

Мы же подхватывали:

Ахъ, ты кружка, кружка, кружка!
Ахъ веселая подружка!
Губы алы, очи пьяны.
Не страшны намъ,
Не страшны намъ
Добродѣтели изъяны. *)

И еще дальше продолжалъ Дюревиль, вызывая шумное одобреніе и взрывы смѣха у слушателей.

Моро, который все время гдѣ-то скрывался у палатокъ, розыскалъ меня, запыхавшійся и съ блестящими глазами. Отведя въ сторону, онъ смущенно и быстро спросилъ, не могу ли я дать ему денегъ. Какъ разъ на дняхъ получивъ отъ отца нѣкоторую сумму со строгимъ наставленіемъ экономничать, я безъ колебанія предложилъ Моро свой кошелекъ, еще не зная цѣны золоту и слишкомъ преувеличивая значеніе дружбы.

«Какую покупку хотите вы сдѣлать?»—спросилъ я. Онъ засмѣялся и сказалъ: «Пожалуй я могу сдѣлать васъ участникомъ моей покупки, если вы расположены пожертвовать еще нѣсколькими золотыми. Конечно съ условіемъ, что вы не станете мнѣ на дорогѣ, но выборъ великъ и я могу васъ увѣрить—это совсѣмъ не то, что наши глупыя дѣвчонки, которыя ничего не умѣютъ и отъ которыхъ воняетъ лукомъ и потомъ. Эти дамы ѣдутъ въ Парижъ и мнѣ случайно удалось получить позволеніе поужинать съ ними и привести одного или двухъ товарищей».

Я не зналъ, что отвѣтить. Слова Моро манили еще неизвѣданнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшили, такъ какъ я зналъ любовь только по романамъ и смутнымъ ночнымъ мечтаньямъ.

Понявъ мое колебаніе совсѣмъ иначе, Моро схватилъ меня

*) Стихи для повѣсти написаны М. Кузминымъ.

за руку и повлекъ за собой со словами: «Ну полно скряжничать. Право вы не раскаетесь».

Мы подошли къ палаткѣ, передъ заманчивыми афишами которой толпилось много народу.

Что-то сказавъ толстой старухѣ, собиравшей деньги у входа, Моро, держа меня за руку, открылъ дверь не ту, которую всѣ и я, стукнувшись о какую-то балку, увидѣли пестро-расписанныя кулисы и мальчика въ блестящемъ костюмѣ, въ быстромъ танцѣ кружащагося на сценѣ.

Кто-то задернулъ занавѣску и мы остались въ темнотѣ узкаго корридора, пробираясь ощупью черезъ доски и какія-то тряпки, а голосъ совсѣмъ близко за стѣной кричалъ, прерываясь звонкимъ смѣхомъ, «сударь, сударь!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Захваченные грозой и промоченные до послѣдней нитки сильнымъ, но быстро пронесшимся дождемъ, мы возвращались уже при солнцѣ, прорвавшимся сквозь сине-бурыя тучи.

Наша компанія состояла, кромѣ меня и Моро, изъ пяти дамъ и трехъ актеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ директоръ труппы всегда нѣсколько меланхоличный Жюгедиль.

Съ веселыми шутками мы гребли изо всѣхъ силъ, боясь опоздать къ вечернему представленію, послѣднему въ этомъ городѣ. Въ осенней ясности далей и въ холодномъ воздухѣ было что-то бодрящее и вмѣстѣ печальное. Мужчины громко говорили о предстоящей дорогѣ, а дамы мечтательно восхищались перспективой играть цѣлую зиму въ Парижѣ.

Я откидывался такъ низко, что касался колѣнъ сидѣвшей сзади меня Гортензіи и видѣлъ ея лицо снизу какимъ-то новымъ. Она улыбалась мнѣ грустно и томно, имѣя очень трогательный видъ, распустивъ подъ шляпой слегка мокрые волосы.

По обыкновенію я сидѣлъ въ уборной Гортензіи въ маленькомъ наскоро сколоченномъ стойлицѣ, въ которое можно

было заглянуть сверху, такъ какъ низкая перегородка не доходила до потолка.

По обыкновенію я болталъ съ одѣтыми актерами во время ее выходовъ; быстрые поцѣлуи смѣнялись веселыми шутками, только Гортензія казалась нѣсколько усталой и скучной, хотя не менѣе нѣжной. По обыкновенію же сквозь дырки полотнянаго потолка темнѣло осеннее небо и еще съ перваго раза (который казался такимъ далекимъ) замѣченная звѣзда стояла на обычномъ мѣстѣ. Шумъ публики доносился какъ далекое море и актеры волновались какъ дѣти.

Отказавшись отъ общаго ужина, Гортензія просила меня проводить ее въ гостинницу.

Мы прошли между палатокъ, телѣгъ и спящихъ прямо на лугу, и спустившись къ рѣкѣ, нашли перевозчика. Тусклый фонарь горѣлъ на носу; рѣка казалась совсѣмъ черной; луна пряталась за облаками; на противоположной сторонѣ не было ни одного огонька. Перевозчикъ гребъ размѣренно и тихо; два незнакомыхъ спутника молчали, закутавшись въ плащи; мы сидѣли на узкой кормѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и разговаривали такъ тихо, что слова почти угадывались по движенію губъ, непроизносимыя.

Гортензія говорила мнѣ:

«Конечно я нѣсколько старше васъ и конечно вы не первый и не послѣдній, случайно встрѣченный на многочисленныхъ остановкахъ, но повѣрьте, мысль о разлукѣ съ вами, какъ это ни смѣшно, ужасно печалитъ меня и я готова плакать, какъ влюбленная дѣвочка, теряя васъ, Лука».

Я молча цѣловалъ ея глаза и она продолжала: «Можетъ быть это уже сентиментальность старости, но я не боюсь сказать вамъ, что я люблю васъ и вѣроятно мнѣ никогда не забыть васъ, хотя и знаю, что завтра же кто-нибудь замѣнитъ меня и я буду такъ же легко забыта, какъ мною были забыты многіе до васъ».

Мы достигли берега и шли по темнымъ улицамъ—Гортензія

продолжала также печально и покорно говорить о своей любви и ея слова ново и сладко волновали меня, хотя мысль о разлукѣ, какъ это ни странно, ни на минуту не смущала меня.

«Хотите я поѣду съ вами»—сказалъ я у самой гостинницы. «Развѣ это возможно?»—спросила она равнодушнымъ голосомъ, видимо не придавая никакого значенія моимъ словамъ.

«Вполнѣ».

«На случай если вы до завтрашняго дня передумаете, мы всетаки простимся» сказала Гортензія съ грустной улыбкой. «Хотя, хотя какое бы счастье было возможно—ѣхать вмѣстѣ. Вмѣстѣ въ Парижѣ».

Она поцѣловала меня, не закрывая широко раскрытыхъ глазъ съ золотистыми рѣсницами.

«Завтра я буду на суднѣ» кричалъ я, какъ во снѣ, когда она уже поднималась по лѣстницѣ.

Пробираясь огородомъ къ окну, я посмотрѣлъ на посинѣвшія холодныя звѣзды и вдругъ удивился, вспомнивъ о своихъ словахъ и чувствуя, что это не шутка, хотя, можетъ быть, и не одна любовь Гортензіи, а какія-то и другія смутныя желанья влекли меня исполнить обѣщанное.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сопутствуемые вѣтромъ, хотя и противъ теченія, мы, гребя по очереди, плыли безъ особаго труда, останавливаясь у маленькихъ городковъ и даже селъ, для одного или двухъ представленій.

Судно, предназначенное для перевозки товаровъ, возвращаясь на зимнюю стоянку къ истокамъ, могло прослужить намъ полъ-дороги, а вторую половину мы разсчитывали сдѣлать въ дилижансахъ.

Погода стояла ясная, съ первыми выморозками по утрамъ и багровыми закатами прямо въ рѣку.

Желтыя, сжатыя поля; гигантскія крылья мельницъ въ полномъ ходу; веселая работа въ виноградникахъ вьющихся по самому берегу—все говорило о счастливомъ довольствѣ.

Весело перенося непривычныя неудобства жизни на суднѣ, мы не имѣли почти никакихъ непріятныхъ приключеній, принимаемые вездѣ радушно и предвкушая всѣ удовольствія Парижа.

Первые дни я былъ какъ во снѣ, опьяненный новымъ разцвѣтомъ нашей любви еще болѣе усиленной нѣжной бла-

годарностью Гортензіи и моей меньшей робостью и неопытностью, но черезъ недѣлю ея ласки стали казаться мнѣ нѣсколько приторными, и большая увѣренность, что она не потеряетъ меня, дѣлала ее болѣе спокойной и небрежной, какъ съ человѣкомъ, съ которымъ уже нечего стѣсняться.

Жюгедиль повидимому имѣлъ на меня какіе-то виды и я не разубѣждалъ его, втягиваясь въ безпечную жизнь, исполняя второстепенныя роли въ комедіяхъ и выказывая въ нихъ такія способности, что существовалъ серьезный проектъ выпустить меня еще до Парижа въ Скапенѣ.

Маленькая Викторина, оставленная Моро, нѣжно поглядывала на меня, и я уже осмѣливался цѣловать ее, когда мы встрѣчались въ темномъ проходѣ раздѣляющемъ наши каюты, хотя Гортензія, казалось, нисколько не сердилась на мое ухаживанье, что подзадоривало меня быть болѣе предпріимчивымъ, оставаясь свободнымъ и легкимъ.

Одно незначительное происшествіе чуть не сдѣлало меня виновникомъ большихъ непріятностей для всей нашей компаніи.

Мы играли въ небольшомъ городкѣ и были встрѣчены съ восторгомъ. Мѣста были разобраны съ платой превышающей наши ожиданія и мы всѣ получили подарки мѣстнаго производства, какъ-то: боченки молодого вина, вязаные шейные платки, всевозможные съѣстные припасы, а Жюгедиль живого поросенка, доставившаго намъ много развлеченія и хлопотъ, но кромѣ всего этого самые щедрые поклонники угостили насъ обильнымъ ужиномъ, такъ что къ вечеру мы возвратились на свое судно, провожаемые большой толпой въ очень веселомъ настроеніи.

Какой-то толстый молодой винодѣлъ (мы такъ и не узнали его имени) ни за что не хотѣлъ разстаться съ нами, угощая насъ виномъ изъ боченка, крышку котораго онъ выбилъ своимъ волосатымъ кулакомъ. Подъ конецъ онъ объявилъ, что останется съ нами и никакіе доводы друзей не могли

убѣдить его покинуть судно, такъ что мы были принуждены отчалить, обѣщая высадить неожиданнаго компаніона на ближайшей остановкѣ.

Отплывъ, мы продолжали пирушку, которая скоро приняла такой характеръ, что наши дамы рѣшили удалиться. Винодѣлъ грубо протестовалъ противъ этого, и когда Гортензія первая поднялась къ выходу, онъ съ руганью запустилъ въ нее полной кружкой, такъ что густое вино стекало съ желтаго платья какъ кровь, а та стояла растерянная и оскорбленная неожиданнымъ нападеніемъ.

Мнѣ уже и раньше былъ противенъ этотъ пьяный толстякъ, и прежде чѣмъ друзья приняли какое-нибудь рѣшеніе, я выхватилъ свою шпагу, въ первый разъ обнажаемую серьезно, и воткнулъ ее въ животъ оскорбителя, слыша какъ противно хрустнула кожа толстой куртки. Какъ-то смѣшно заболтавъ ногами, онъ повалился тяжелой тушей на палубу, освѣщенную однимъ фонаремъ и въ мигъ залитую кровью, тяжело хрипя, безъ словъ. Когда же мы опомнились, онъ лежалъ уже мертвый и отвратительный. Дамы съ криками разбѣжались, а мы, отойдя въ сторону, вдругъ отрезвѣвъ, стали совѣщаться дѣловито и спокойно о томъ, что предпринять, чтобы скрыть слѣды преступленья.

Черезъ часъ все уже было сдѣлано; я не испытывалъ никакого волненія, хотя это былъ первый человѣкъ убитый моей рукой и хотя опасность быть уличеннымъ еще далеко не миновала.

Когда мы легли молча и быстро, я услышалъ условленный знакъ Гортензіи, вызывающій на свиданье, но закутавшись съ головой въ одѣяло, я сдѣлалъ видъ спящаго, безъ сожалѣнія слыша, какъ скрипѣли доски подъ ея легкими замедленными шагами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Лира Аполлона надъ нашимъ театромъ въ предмѣстьи почернѣла отъ дождя, который шелъ не переставая уже третью недѣлю. Дѣла были не важны и Жюгедиль совсѣмъ повѣсилъ носъ. Гортензія хворала и часто плакала, что не дѣлало ее привлекательнѣе. Викторина покинула труппу для какого-то еврейскаго банкира.

Рѣдкія посѣщенія города, гдѣ я, правда, видѣлъ и дворцы, и парки, и великолѣпныя туалеты на утреннихъ гуляньяхъ, не могли искупить всей скуки жить въ грязномъ вонючемъ кварталѣ, никого не видя и зная, что случайная публика или не обращала на насъ никакого вниманія, какъ эти нарядныя дамы и кавалеры, которые пріѣзжали за чѣмъ-то по холоду и грязи въ золоченыхъ каретахъ съ гербами и амурами и сидѣли въ ложахъ спиной къ сценѣ, а чаще даже спуская красныя занавѣски, или сама не заслуживала никакого вниманія—всякая сволочь изъ обитателей ближайшихъ улицъ, которая шумѣла и иногда дралась въ дешевыхъ мѣстахъ, такъ что приходилось посылать за стражей.

Однажды во время утренней репетиціи Жюгедиль предста-

вилъ намъ, какъ новаго своего помощника, суетливаго старикашку въ позеленѣвшемъ парикѣ и каштановомъ кафтанѣ. Его звали Клеархъ и болѣе точнаго имени никто не зналъ. Онъ умѣлъ всѣхъ подбодрить и развеселить, то строя планы новыхъ предпріятій, то разсказывая съ забавными ужимками всевозможныя сплетни и приключенія. Впослѣдствіи я убѣдился, что это былъ очень полезный и на все способный человѣкъ.

Кажется, онъ же подалъ мысль устроить закрытый маскарадъ, доступный только для избранныхъ, пророча огромный успѣхъ.

Приготовленія къ маскараду были очень несложныя, а билеты взялъ распространить на себя Клеархъ. Публики, несмотря на дождь, собралось гораздо больше, чѣмъ могъ бы вмѣстить нашъ театръ безъ тѣсноты. Арлекины, турки, пастухи, саламандры, гречанки, нимфы почти голыя -все это сплеталось и расходилось пестрыми гирляндами въ невѣрномъ свѣтѣ чадящихъ китайскихъ фонариковъ.

Занавѣски спускались за отдѣльными парами и раскрывались для разговоровъ и визитовъ знакомыхъ, которые узнавали другъ друга по условленнымъ знакамъ.

Клеархъ, путаясь въ желтой туникѣ съ красными сердцами, бѣгалъ изъ угла въ уголъ чѣмъ-то озабоченный.

«Вотъ вѣрные супруги!» крикнулъ онъ намъ на ходу, такъ какъ дѣйствительно почти весь вечеръ мы держались вмѣстѣ съ Гортензіей, лицо которой изъ-подъ маски, открывавшей одни губы казалось незнакомымъ и лукаво-привлекательнымъ; мы смѣялись, наблюдая танцы, переговариваясь, весело и любовно, и собирались уже скрыться, когда Клеархъ куда-то позвалъ Гортензію.

Черезъ нѣсколько минутъ я догадался, что это была пустая хитрость съ его стороны и что ему скорѣе былъ нуженъ я самъ, чѣмъ моя бѣдная подруга.

«Вы скучаете, мой другъ, никѣмъ не занятый», зашепталъ

онъ, хватая меня за руки. «А я могу познакомить васъ съ одной дамой. Если вы понравитесь ей, можетъ выйти очень выгодное дѣло, не говоря ужъ о томъ, что никто не откажется отъ маркизы, хотя она и имѣетъ нѣсколько странныя привычки; но все это преувеличено, мой другъ. Да и такой молодой человѣкъ, какъ вы, чего же можетъ бояться».

Въ первую минуту я хотѣлъ отказаться, но потомъ любопытство взяло верхъ, тѣмъ болѣе, что слова Клеарха не совсѣмъ были для меня понятны.

Я хорошо разслышалъ, какъ старикъ сказалъ тихо дамѣ, которая прохаживалась по пустой ложѣ съ спущенными занавѣсками и одной свѣчей. «Онъ еще совсѣмъ мальчикъ, маркиза. Я очень постарался для васъ. Вѣроятно онъ даже ничего не понимаетъ».

Я улыбнулся про себя и рѣшилъ быть настороже, хотя и не зная въ чемъ дѣло.

Когда мы остались одни, дама, нѣсколько помолчавъ, заговорила: «Этотъ старый дуракъ своими предупрежденьями, конечно, заставилъ васъ ждать Богъ знаетъ чего. Но повѣрьте, всѣ эти росказни полнѣйшій вздоръ. Ничего, кромѣ совершеннѣйшаго наслажденія, совершеннѣйшей красоты, я не ищу».

«Сударыня», сказалъ я, «я могу васъ увѣрить, что никакія слова не заставятъ меня ничего дѣлать кромѣ того, что я захочу».

«О, вы не такъ въ самомъ дѣлѣ невинны, какъ расписывалъ этотъ старикашка», воскликнула дама. «Мы навѣрно скоро сойдемся съ вами». Она была очень стройна въ зеленоватомъ платьѣ съ крупнымъ узоромъ. Искусная прическа изображала букетъ цвѣтовъ съ розами и тюльпанами. Изъ-подъ желтой маски особенно ярко краснѣли тонкія губы.

Ея улыбка, манящая и жестокая, возбуждала и покоряла. «Ну что же вы хотите, сударь?» спросила она, нагибаясь, и въ узкихъ прорѣзахъ маски блеснули потемнѣвшіе зрачки.

Въ странной слабости, все ясно сознавая, я чувствовалъ,

что всѣ ея желанья не найдутъ больше отказа во мнѣ. Ласки маркизы, легкія и неожиданныя, не давали удовлетворенія, а, какъ-то разслабляя, наполняли сладкой истомой.

Маски своей она не сняла, не позволяя и мнѣ открыть лица, хотя я не находилъ въ этомъ особеннаго удобства.

Занавѣски слегка колебались и въ самыя рѣшительныя минуты казалось, что онѣ распахнутся. Одѣваясь, маркиза выронила серебряную шпильку, которую, спрятавъ, я сохраняю въ память этого перваго свиданья.

«Если хотите—я возьму васъ съ собой», сказала маркиза, уже готовая къ выходу, «вы скромны и очень милы».

Такъ какъ я былъ безъ плаща, то она закутала меня въ свой, и, съ трудомъ розыскавъ подъ дождемъ карету, мы поѣхали по грязи темныхъ улицъ, болтая оживленно и просто о тысячѣ предметовъ, какъ давніе друзья.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Магъ встрѣтилъ насъ въ первой комнатѣ, маленькой и ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенной пріемной. На немъ была парчевая малиновая съ золотомъ одежда, жесткими складками спадающая до полу, и розовая съ бѣлыми цвѣтами чалма. Синеватая борода его была завита и тщательно расчесана. Приторный ароматъ восточныхъ духовъ только иногда при рѣдкихъ движеніяхъ распространялся по комнатѣ.

Маркиза, не представляя меня, сказала:

«Онъ согласился. За вѣрность и ловкость я ручаюсь. Вы объясните, въ чемъ будетъ заключаться его роль. Главное, чтобы не было путаницы». Затѣмъ она оставила насъ, пройдя въ дверь налѣво; меня же съ молчаливымъ поклономъ магъ провелъ по цѣлому ряду комнатъ то пустыхъ, то совершенно обыкновенныхъ, то наполненныхъ какими-то ретортами необычайныхъ формъ, колесами, ящиками, стеклянными банками и другими странными предметами, названія и назначенія которыхъ я не зналъ.

Въ послѣдней комнатѣ, имѣвшей большое зеркало и кресло съ высокой спинкой магъ остановился и заговорилъ медленно, какъ бы съ трудомъ подбирая слова:

«Увѣренность, что только необходимость заставляетъ насъ прибѣгать къ пріемамъ, которые могутъ показаться непосвященному въ дѣла и назначенія священнаго братства недостойными истинныхъ мудрецовъ, я хотѣлъ бы внушить вамъ. Когда-нибудь вы узнаете, какъ важно и значительно было все, чему вы будете сегодня свидѣтелемъ и помощникомъ».

Помолчавъ послѣ такого вступленія, онъ передалъ всѣ детали моей роли, въ общихъ чертахъ извѣстной мнѣ уже изъ словъ маркизы.

Онъ помогъ мнѣ одѣться или вѣрнѣе раздѣться, потому что весь мой костюмъ долженъ былъ состоять изъ легкаго пояса, золотыхъ украшеній на рукахъ и колѣняхъ и сѣтки жемчуговъ въ волосахъ. Изъ маленькаго граненаго флакончика онъ обрызгалъ меня духами острыми и сладкими.

Еще разъ повторивъ свои наставленія, магъ оставилъ меня одного передъ зеркаломъ, въ пустой комнатѣ, унеся свѣчу, послѣ чего я замѣтилъ что въ нишѣ плотно затянутой сѣрой матеріей просвѣчиваются слабые огни сосѣдней залы, отчего я оказался не въ полной темнотѣ.

Шаги и переговоры вполголоса, какъ будто бы какихъ-то приготовленій, скоро смолкли и я просидѣлъ въ полной тишинѣ не менѣе часа.

Рѣзкій аккордъ страннаго, неизвѣстнаго мнѣ инструмента возвѣстилъ очевидное начало засѣданія.

Хотя молчаніе еще не было нарушено, но по мягкимъ осторожнымъ шагамъ я могъ догадаться, что зала постепенно наполнялась; свѣтъ же на завѣсѣ становился нѣсколько ярче.

Наконецъ раздался голосъ мага, измѣненный и торжественный:

«Напоминанье трижды пройденнаго круга да поможетъ вамъ въ испытательныхъ подвигахъ, братья!»

Послѣ нѣкотораго молчанія заговорилъ кто-то нараспѣвъ и слащаво.

«Учитель, сомнѣнья мои можетъ разрѣшить только одно слово твоей мудрости. Если ты скажешь—нѣтъ, пусть будетъ—нѣтъ. Если—да, пусть счастье ослѣпитъ насъ недостойныхъ, но жаждущихъ».

«Да, всегда да, отвѣчу я истинно жаждующимъ. Нѣтъ, всегда нѣтъ лицемѣрамъ и малодушнымъ», отвѣчалъ голосъ вопрошаемаго.

«Есть же великія дерзанія истины», заговорилъ второй голосъ, «не оскорбляли учителя и пророки высшей мудрости своимъ жаднымъ познаніемъ, стремясь охватить послѣднія тайны и бывали чудесныя видѣнія оказательства и откровенія. Почему бы намъ не перейти къ сладкимъ опытамъ, извѣстнымъ, какъ ты самъ говорилъ, не только въ далекой древности, но и теперь многимъ братьямъ нашего ордена въ Индіи и Сиріи, истокахъ мудрости».

«Истинно, истинно говорю тебѣ», отвѣтилъ голосъ вопрошаемаго, «Меданимедъ, что я приму твой вызовъ и сегодня же ты увидишь, какъ разцвѣтутъ цвѣты на жезлѣ моемъ и ты будешь осязать тѣло Прекраснаго. И услышишь волю его и будешь спрашивать что захочешь и сегодня же высшую радость благодати получатъ просящіе. Играйте, сестры! Ударяйте въ тимпаны!»

Тихая музыка доносилась еще болѣе отдаленная, чѣмъ голоса. Но черезъ нѣсколько минутъ она была прервана тревожнымъ вопросомъ мага:

«Кто непосвященный приближается къ намъ?»

«Онъ ищетъ», отвѣтило нѣсколько голосовъ.

«Готовъ ли онъ подвергнуться искусу?»

«Да. Онъ исполнитъ все».

«Пусть онъ самъ поклянется въ этомъ».

«Я клянусь повиноваться вашей волѣ», пробормоталъ кто-то слегка дрожащимъ голосомъ.

Затѣмъ шелъ утомительный обрядъ посвященія, за которымъ я не могъ вполнѣ услѣдить по отрывочнымъ восклицаніямъ и вопросамъ.

Раздавалась музыка. Много голосовъ повторяли гимнъ на непонятномъ для меня языкѣ. Былъ слышенъ плескъ наливаемой воды. Испытаемому подносили чашу. Огни, очевидно, въ рукахъ братьевъ колебались, какъ будто они кружились въ беззвучномъ танцѣ. Голоса становились все менѣе сдержанными. Дымъ одуряюще благовонныхъ куреній проникалъ сквозь завѣсу. Новопосвященнаго поздравляли. Были слышны поцѣлуи, все болѣе частые.

Магъ произнесъ торжественную молитву:

«Какъ доказательство милости къ намъ, для укрѣпленія вѣры, еще неокрѣпшей, дай Прекрасный тѣломъ и духомъ разцвѣсти жезлу этому лиліями и розами, какъ вино претворяешь ты въ хлѣбъ. И духъ въ тѣло». По трепетному восторгу, охватившему залу, я понялъ, что чудо совершилось.

Еще дальше продолжалъ магъ:

«Во исполненіе божественнаго завѣта твоего, дай, Прекрасный, видѣть тѣло, слышать голосъ, познать пророчества твои, явись въ образѣ чудесномъ и простомъ, чтобы не смущать, а сладкой радостью наполнить наши сердца».

Какъ было условлено я раздвинулъ завѣсу и, сдѣлавъ одинъ шагъ, увидѣлъ себя въ залѣ обитой сѣрой матеріей съ золотистыми лиліями.

Много мужчинъ и дамъ въ странныхъ костюмахъ и маскахъ, что еще болѣе напомнило мнѣ маскарадъ, нѣкоторые въ вѣнкахъ сверхъ париковъ и прическъ, взявшись за руки, кружились, держа свѣчи, которыя мигали и гасли, танцуя, восклицая, цѣлуясь и обнимаясь.

Магъ стоялъ съ простертыми руками на возвышеньи около стола съ чашами и свѣтильниками. Рядомъ съ нимъ сидѣла маркиза и стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ, только что посвященный, небольшого роста, достаточно толстый человѣкъ съ

замѣтнымъ брюшкомъ, въ голубомъ придворномъ костюмѣ, который былъ виденъ подъ незапахнутой туникой; короткими бѣлыми пальцами въ перстняхъ онъ вертѣлъ, чѣмъ-то смущенный, золотую табакерку.

Первый увидалъ магъ, склонился до полу, и тогда всѣ обернулись на меня кто со страхомъ, кто съ любопытствомъ, кто съ восторгомъ, и нѣсколько минутъ царила тишина, которую первый я нарушилъ словами: «Миръ вамъ».

По данному магомъ знаку они всѣ окружили меня, продолжая свой еще болѣе изступленный танецъ. Я же, увидѣвъ себя въ большое зеркало, вставленное въ потолокъ залы, не узнавалъ своего тѣла, такъ ново и неожиданно прекрасно казалось оно мнѣ, обнаженное и отраженное при мелькающемъ свѣтѣ.

Многіе, подражая мнѣ, обнажались и размахивали тирсами и вѣнками. Магъ подалъ мнѣ чашу, изъ которой, отпивъ, я причастилъ всѣхъ по очереди, каждаго цѣлуя и отвѣчая на задаваемые вопросы. Послѣдняя подошла маркиза, подъ руку съ новопосвященнымъ. Я сказалъ ему какъ было условлено: «Смерть или вѣчная слава все зависитъ отъ твоей рѣшительности. Мужайся, будь достоинъ своей судьбы».

Я замѣтилъ, какъ его пухлый подбородокъ вздрагивалъ и какъ, отходя, онъ тихо сказалъ маркизѣ, пожимая ея руку:

«Такъ, сударыня, это рѣшено».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Прохаживаясь по темной залѣ, освѣщаемой только изъ полуоткрытой двери маленькой гостиной, гдѣ бабушка маркизы графиня Маргарита Гренелль, раскладывала свой безконечный пасьянсъ, я въ тысячный разъ обдумывалъ печальное и смѣшное положеніе любовника, почти не видящаго своей возлюбленной, изъ котораго я не умѣлъ выйти.

Всегда чѣмъ-то занятой, куда-то торопящейся маркизѣ, казалось, было совсѣмъ не до меня, и мимолетный поцѣлуй мнѣ приходилось считать еще за особую милость, выпадавшую не каждый день.

Много разъ принимаемое рѣшеніе покинуть отель маркизы въ узкой улицѣ Дофина съ высокимъ подъѣздомъ и привратникомъ въ голубой ливреѣ, я никакъ не могъ исполнить вслѣдствіе какой-то непонятной, впервые испытанной мною силы очарованья этой женщины.

И много вечеровъ, какъ сегодня, провелъ я, ходя по темной залѣ, томясь и скучая.

Печальной казалась мнѣ моя розовая комната, такъ радовавшая вначалѣ, съ клавесинами и туалетнымъ столикомъ,

напоминающими скорѣе спальню невѣсты-монастырки, чѣмъ пріютъ горестныхъ размышленій любовника получившей столь печальную извѣстность госпожи де-Жефруа.

Старая дама часто пыталась утѣшить меня. Разсказы и шутки этой бодрой, красивой старухи, одѣвающейся по модѣ, всегда въ прическѣ и пудрѣ и хранящей въ своей памяти много то печальныхъ, то смѣшныхъ или трогательныхъ анекдотовъ стараго двора, все-таки, хоть нѣсколько, развлекали мое воображенье. Такъ и сегодня, находившись до тупой усталости, я сидѣлъ въ креслѣ противъ графини, которая раскладывала свои карты на маленькомъ столикѣ у дивана, между двухъ свѣчей. Медленно обдумывая каждый шагъ, она разсказывала мнѣ:

«Ея партія была очень сильна и самъ Шуазель уже подумывалъ, какъ бы помириться съ ними, когда откуда-то явился кавалеръ Ворсье, предложившій покончить со всѣмъ этимъ однимъ ударомъ, не прибѣгая однако къ яду и клеветѣ. Еле-еле удалось намъ уговорить герцога подождать до послѣдней попытки, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неудачи никто кромѣ Ворсье не страдалъ. Когда представляли его ко дворцу кто-бы могъ подумать, какъ далеко пойдетъ этотъ скромный смазливенькій мальчикъ. Краснѣлъ онъ при каждомъ словѣ чуть не до слезъ, а игру повелъ съ перваго же раза тонкую и хитрую. Послѣ второго пріема онъ былъ уже приглашенъ на половину фаворитки и черезъ недѣлю о немъ заговорили. Но вѣдь его величество былъ не ревнивъ и только смѣялся, когда услужливые счетчики доносили, что за двѣ недѣли у нихъ было пятнадцать свиданій. Шуазель выходилъ изъ себя, думая, что мальчишка насъ надулъ, но вскорѣ Ворсье доказалъ, что онъ умѣетъ исполнять обѣщанія».

Разложивъ снова стасованныя карты, графиня продолжала:

«Однажды, встрѣтившись со своей любовницей на парадной лѣстницѣ, онъ взялъ ее за подбородокъ, какъ бы съ наивной игривостью и сказалъ самымъ невиннымъ тономъ: «а вѣдь

ты начинаешь толстѣть, милочка», та въ первую минуту ничего не поняла и только засмѣялась, а услужливые люди всегда тутъ какъ тутъ, языки заработали и къ вечеру фавориткѣ было приказано выѣхать изъ Версаля даже безъ прощальной аудіенціи. Одинъ изъ ея братьевъ вызывалъ Ворсье на дуэль, но король запретилъ имъ драться, а вечеромъ, когда мы собрались у королевы, его величество совершенно неожиданно тоже пожаловалъ туда и былъ очень въ духѣ. Мы представили ему уже неоффиціально Ворсье и онъ сказалъ ему:

«Вы, сударь, не лишены остроумія, но запомните, я люблю только удачныя остроты».

Съ тѣхъ поръ кавалеръ пошелъ въ гору, пока дѣло съ болонками госпожи де-Мондевиль не погубило его».

Шумъ подъѣхавшей кареты помѣшалъ мнѣ узнать дальнѣйшую судьбу кавалера Ворсье и болонокъ госпожи Мондевиль.

Маркиза прошла въ свою комнату и черезъ минуту вынесла небольшой свертокъ бумагъ, которыя она и принялась жечь на свѣчкѣ, обжигая пальцы и не снимая своего синяго бархатнаго плаща, запорошеннаго слегка мокрымъ снѣгомъ.

Уничтоживъ всѣ бумаги, она сказала: «Лука, поклянитесь, что вы въ память вашей любви, съ которой вы не устаете приставать ко мнѣ каждый день, исполните все, что я вамъ скажу».

Пораженный ея еще большей чѣмъ всегда блѣдностью и страннымъ блескомъ глазъ, я растерялся и молчалъ.

«Ну, что же? Вы струсили!», воскликнула она нетерпѣливо и грубо.

Въ это время стукъ въ входныя двери потрясъ весь домъ. Нѣсколько слугъ съ испуганными лицами и фонарями пробѣжали по темнымъ комнатамъ.

«Уже поздно», прошептала маркиза, опускаясь въ кресло, но сейчасъ же преодолѣвъ минутную слабость, она заговорила: «Вотъ ключъ, откройте имъ шкапъ и вы найдете тайный вы-

ходъ. Умоляю васъ, если вы не хотите сами ничего сдѣлать для меня, то хоть увѣдомьте друзей. Вотъ адреса».

«Я умру за васъ, сударыня!», воскликнулъ я такъ горячо, что маркиза невольно улыбнулась. Поцѣловавъ меня, она сказала: «Спѣшите!».

Задержавшись на темной узкой лѣстницѣ, я слышалъ громкій мужской голосъ: «Марзиза Варвара-Анна-Клементина Жефруа, по постановленію совѣта и приказанію короля объявляю вамъ, что вы арестованы».

Что-то тяжелое упало на коверъ. Вѣроятно, это старая графиня лишилась чувствъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

За ночь навалило столько снѣгу, что я съ трудомъ пробрался къ занесенной сугробами двери небольшого, нѣсколько провинціальнаго на видъ, домика господина Летажа, перваго стоящаго въ моемъ спискѣ друзей маркизы. На мой стукъ дверь открыла молодая, некрасивая служанка и провела меня по свѣтлой лѣстницѣ наверхъ.

Съ самаго низа слышные звуки клавесина смолкли, только когда я открылъ дверь въ большую, очень свѣтлую комнату. Молодой человѣкъ въ утреннемъ туалетѣ безъ парика и въ голубыхъ чулкахъ съ бѣлымъ узоромъ, поднялся мнѣ на встрѣчу отъ инструмента, на пюпитрѣ котораго лежалъ небольшой кусокъ бумаги и карандашъ, изъ чего я понялъ, что вижу передъ собой самого композитора господина Летажа, достаточно извѣстнаго томными, свободными пѣсенками не только при дворѣ, но и въ большой публикѣ.

Первую минуту онъ нѣсколько смутилъ меня быстрыми движеньями и словами произносимыми съ какимъ-то преувеличеннымъ одушевленіемъ.

«Не называйте своего имени», воскликнулъ онъ, «я васъ

узнаю. Я хорошо помню, что я васъ видѣлъ. Ба, да вѣдь это самъ Прекрасный сдѣлалъ честь посѣтить меня. Повѣрьте, мы всѣ были заинтригованы вашимъ появленіемъ и такимъ же быстрымъ исчезновеніемъ. Вѣроятно, маркиза боялась показывать васъ. Да, да?»

«Маркиза арестована сегодня ночью», прервалъ я его наконецъ.

Казалось, онъ нѣсколько смутился, но заговорилъ еще быстрѣе: «Этого слѣдовало ожидать. Такая неосторожность. Она погубитъ насъ всѣхъ. Хорошо, что мы не сдѣлали рѣшительнаго шага».

Онъ быстро ходилъ по свѣтлой квадратной комнатѣ, размахивая руками, то останавливаясь противъ меня, то садясь у клавесина и беря на немъ нѣсколько аккордовъ.

Онъ былъ небольшого роста съ блѣднымъ, какъ бы утомленнымъ лицомъ и тонко подведенными голубой краской, несмотря на ранній часъ, глазами.

Неожиданно онъ повернулся ко мнѣ.

«Вы нашъ другъ? Вы знаете все и готовы умереть за наше дѣло? Это очень серьезно!»

Взглядъ его острый и холодный въ первый разъ остановился на мнѣ, такъ какъ до сихъ поръ онъ глядѣлъ куда-то въ сторону. Я смутился еще разъ, уже нѣсколько оправившись съ начала разговора.

Не дожидаясь моего отвѣта, Летажъ подошелъ къ портрету закрытому густой вуалью и, вставъ на стулъ, откинулъ ее.

Въ розахъ былъ видѣнъ тонкій профиль дѣвушки. Золотая корона какъ сіянье вѣнчала ее; тонкимъ узоромъ портретъ былъ просѣченъ около глаза. Вглядѣвшись пристальнѣй, я узналъ сильно измѣненныя черты Маріи-Антуанетъ, вѣроятно, даже дофиной. «Королева», воскликнулъ я.

Онъ же нѣсколько минутъ не могъ оторваться отъ нея и съ какой-то новой улыбкой, обернувшись ко мнѣ, заговорилъ:

«Развѣ мы не умремъ за нее? Великая королева, величайшая

изъ носившихъ корону! Благостно расточившая намъ свою красоту! Любовница Вѣчности! Божественная! Вы не видали ее! Вы не касались ея! Что вы знаете? Что вы можете говорить о красотѣ и любви?» Его слова становились все менѣе понятными.

Наконецъ, онъ закрылъ портретъ, слѣзъ со стула и сказалъ совсѣмъ просто:

«Вы имѣете очень утомленный видъ. Вы отдохнете, а потомъ я представлю васъ друзьямъ и мы подумаемъ, что дѣлать».

Онъ отвелъ меня въ сосѣднюю комнату нѣсколько меньшую, но еще болѣе свѣтлую, такъ какъ солнце было прямо въ окно. По стѣнамъ было много шкаповъ; въ простѣнкахъ висѣло нѣсколько портретовъ съ таинственными надписями; на одномъ я узналъ толстаго Каліостро.

Вмѣсто постели я нашелъ низкій диванъ, покрытый мягкимъ ковромъ. Служанка растопила каминъ и я заснулъ, согрѣвшись и слыша звуки клавесина изъ сосѣдней комнаты.

Въ сумеркахъ я проснулся, чувствуя на себѣ чей-то взглядъ.

Господинъ Летажъ стоялъ передо мною совсѣмъ одѣтый къ выходу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Рѣшено было, что я поселюсь вмѣстѣ съ Густавомъ Коме.

Онъ не внушалъ мнѣ особеннаго довѣрія своими вороватыми глазками, шрамомъ повыше брови и манерами самыми вульгарными, хотя говорили, что его даже представили ко двору; но онъ былъ веселый малый, принявшій меня очень охотно подъ свое покровительство и даже щедро снабжавшій карманными деньгами, шедшими конечно не изъ его кармана, какъ и все прожитое, пропитое и проигранное нами въ тѣ дни, что впрочемъ мало интересовало меня.

У насъ были двѣ комнаты, и все время было свободнымъ, которое мы занимали безъ всякаго труда, днемъ—прогулками въ Булонскомъ лѣсу и визитами къ многочисленнымъ, часто очень почтеннымъ, знакомымъ Коме, вечеромъ—посѣщеніемъ театровъ, кофеенъ, маскарадовъ, притоновъ для игры и другихъ развлеченій.

Въ ту зиму Парижъ веселился, какъ въ далекіе годы царствованья Помпадуръ, и публичные балы въ оперѣ, вошедшіе въ моду въ самомъ высшемъ обществѣ, были очень удачны.

Мы не разставались съ Коме, кромѣ его отлучекъ по дѣламъ, впрочемъ очень короткихъ, и часовъ, въ которые онъ прини-

малъ дамъ, часто посѣщавшихъ его даже въ каретахъ, или самъ отправлялся на свиданья, что тоже кончалось обыкновенно довольно скоро.

Это время я скромно проводилъ за чтеніемъ романовъ, которыхъ запасъ у Коме казался неистощимъ.

Но наша дружба кончилась чуть-чуть не смертной враждой, и вотъ по какому поводу.

Самой значительной и регулярной нашей разлукой были часы до обѣда по воскресеньямъ, которые Коме проводилъ въ своей комнатѣ, конечно не одинъ; я же отправлялся къ господину Летажу, относившемуся ко мнѣ съ большой симпатіей, вполнѣ раздѣляемой.

Однажды Коме, вставъ очень озабоченнымъ какой-то запиской, запечатанной, какъ я замѣтилъ, печатью съ изображеніемъ ключа и амура, послѣ нѣкоторой заминки обратился ко мнѣ съ просьбой посидѣть дома и, если придетъ его кузина Луиза, которую по его словамъ, онъ ждалъ сегодня въ первый разъ, самъ почти не зная, принять ее до его прихода.

Мелькомъ онъ замѣтилъ, что кузина его почти дѣвочка изъ строгой семьи, что заставитъ, конечно, меня держаться съ ней совершенно скромно и прилично. Впрочемъ, онъ обѣщалъ вернуться очень скоро.

Не придавъ особеннаго значенія его просьбѣ, я усѣлся за читаемый мною тогда съ жадностью трогательный романъ аббата Прево и, когда постучали въ дверь, я почти забылъ о предупрежденіи Коме и былъ нѣсколько удивленъ, увидавъ у порога совсѣмъ молоденькую барышню.

Она тоже нѣсколько смутилась, встрѣтивъ не того, кого ожидала. Вѣжливо я попросилъ ее взойти и подождать моего друга, передавъ его порученіе посидѣть со мной.

Послѣ короткаго разговора о погодѣ и новыхъ операхъ, я нашелъ вполнѣ приличнымъ занять барышню разсматриваньемъ картинъ, приложенныхъ къ книгѣ, рѣшивъ пропустить одну, какъ нѣсколько рискованную.

Я положилъ книгу передъ ней, самъ вставъ сзади, чтобы перелистывать страницы и давать необходимыя объясненія. Мы уже прошли такъ отъѣздъ Манонъ и Де-Гріе въ Парижъ, ихъ комнату, гдѣ они нѣжно ужинали, причемъ Манонъ сидѣла на колѣняхъ у кавалера, и дошли до объясненія въ монастырѣ.

Желая сдѣлать вполнѣ невинный комплиментъ барышнѣ, я сказалъ: «Вы нѣсколько похожи на Манонъ лицомъ».

Она засмѣялась и отвѣтила съ живостью, немножко удивившей меня:

«А вы за то нисколько на Де-Гріе».

«Отчего-же?» спросилъ я обиженно.

«Да вы напоминаете мнѣ скорѣе мою подругу Алису, чѣмъ кавалера», со смѣхомъ отвѣтила она и, быстро снявъ свою косынку, накинула ее на меня и подвела къ большому зеркалу.

Посмотрѣвъ на себя, я долженъ былъ признаться, что правда во мнѣ много было дѣлающаго похожимъ на дѣвочку, даже кромѣ чистаго подбородка. Но я смотрѣлъ не только на себя. И какъ будто только что увидѣвъ, я замѣтилъ, что Луиза была очень хорошенькая и, несмотря на коротенькое платье, уже не совсѣмъ дѣвочка; тонкій вырѣзъ, когда она сняла косынку, нѣсколько открывалъ шею; глаза ея блестѣли отъ смѣха; щеки покрылись румянцемъ; слегка пухлыя губы улыбались насмѣшливо и вызывающе; и мнѣ вдругъ захотѣлось ее поцѣловать, думая, что это всегда можно будетъ обратить въ шутку.

Но прежде чѣмъ я успѣлъ рѣшиться, Луиза вдругъ обняла меня за голову и поцѣловала въ самыя губы со словами: «Здравствуйте, моя милая Алиса», и затѣмъ отбѣжала, какъ бы дразня и подзадоривая догнать ее, что я и не замедлилъ сдѣлать.

Все еще принимая ея рѣзвость за простую шалость, я съ радостнымъ удивленіемъ скоро убѣдился совершенно въ другомъ, и мы провели, вѣроятно, не очень мало времени на постели моего друга, совсѣмъ позабывъ объ осторожности и оста-

вивъ исторію Манонъ Леско недосмотрѣнной въ самомъ началѣ.

«Ахъ!» воскликнула Луиза первая, «вотъ идетъ Коме».

Если бы я не успѣлъ схватить свою шпагу, можетъ быть мы погибли бы оба, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ Коме въ страшной ярости вбѣжалъ въ комнату и только моя ловкость и его трусость помѣшали ему пустить въ ходъ что-нибудь кромѣ ругательствъ и проклятій.

Моя маленькая любовница, ниспосланная мнѣ такъ неожиданно, поспѣшила скрыться, я же покрывалъ ея отступленіе.

«Негодяй!», кричалъ Коме, «такъ отплатилъ ты мнѣ за всю мою дружбу! Что ты сдѣлалъ съ ея невинностью?»

Но по совѣсти я долженъ признаться, что это была не болѣе какъ риторическая фраза, такъ какъ опытность кузины Коме превосходила даже мою, а и я не могъ назвать себя совсѣмъ невиннымъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Маркиза К. давала маленькій праздникъ въ загородномъ домѣ. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ благодаря старанію Летажа.

Собиравшіяся съ утра тучи къ полдню покрыли все небо. Хотя и предполагая, что можетъ никто не собраться въ ожиданіи грозы, мы всетаки поѣхали, такъ какъ моему другу необходимо было кого-то встрѣтить.

Разсѣянно разглядывая публику, толпившуюся на пыльныхъ бульварахъ, Летажъ медленно говорилъ: «Странныя предчувствія тревожатъ меня всѣ эти дни. Приближаются испытанія, отъ которыхъ не знаю, кто уцѣлѣетъ. Вянутъ розы. Но еще есть исходъ. Драгоцѣннѣйшія мирры сохраняются въ нашихъ чашахъ. Только вѣрить. Только вѣрить, дорогой мой Лука. Вы такъ молоды и вы не забудете вашей клятвы передъ лицомъ прекраснѣйшей. Да?»

Я дремалъ въ углу кареты у желтой занавѣски, обливаясь потомъ.

Мы пріѣхали одни изъ первыхъ.

Уже приближалась гроза и далекія зарницы становились

все явственнѣй. Окна были закрыты. На маленькомъ пруду передъ домомъ жалко трепались приготовленныя для фейерверка на водѣ лодки отъ вѣтра, зловѣщаго предвѣстника близкой бури.

Высокій человѣкъ, въ темномъ платьѣ и старомодномъ парикѣ, поднялся къ намъ навстрѣчу. «Господинъ Гекартъ, нашъ знаменитый ясновидецъ и прорицатель», назвалъ его мой спутникъ.

Тотъ низко поклонился.

Мы сидѣли въ сумеркахъ у окна, долго и тихо разговаривая. Я совсѣмъ засыпалъ.

«Побольше терпѣнія», говорилъ, поводя руками, какъ заклинатель, новый знакомый. «Побольше терпѣнія. Развѣ вы не находите, мой господинъ, что мы достаточно дѣятельны? Развѣ не удаются намъ всѣ наши замыслы? Развѣ вы не получаете безмѣрное счастье любви, оставляя намъ всѣ трудности? Развѣ вы больше не вѣрите мнѣ?»

Въ темнотѣ его лицо съ уродливо огромнымъ носомъ, толстыми губами и странно косящими глазами, казалось грубой отвратительной маской.

«Праздникъ не отмѣняется. Музыканты уже настраиваютъ свои инструменты», сказалъ вошедшій молодой человѣкъ въ розовомъ богатомъ костюмѣ. «Васъ ждутъ», вполголоса добавилъ онъ, наклоняясь къ Летажу.

Тотъ помедлилъ, какъ бы смущенный, и потомъ быстро вышелъ изъ комнаты своей легкой походкой, сопровождаемый вѣстникомъ.

Я смотрѣлъ въ окно на тяжелыя тучи и сѣрую воду. Господинъ Гекартъ тихо смѣялся сзади меня.

«Что съ вами?» спросилъ я.

«Скоро они узнаютъ, что имъ готовится безъ моихъ пророчествъ», отвѣтилъ онъ, давясь смѣхомъ.

Молнія совсѣмъ близкая смѣшалась съ первой ракетой на пруду.

«А я?» спросилъ я, оборачиваясь къ странному собесѣднику.

«Вы переживете ихъ всѣхъ и меня», добавилъ онъ совершенно серьезно.

«Посмотримъ, какъ веселятся трупики», въ послѣдній разъ услыхалъ я его голосъ, когда мы входили въ освѣщенную залу, гдѣ дамы и кавалеры весело разговаривали въ ожиданіи танцевъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Когда дѣла задерживали до поздней ночи господина Д., депутата изъ Н., у котораго Летажъ устроилъ меня въ качествѣ личнаго секретаря, я оставался въ спальнѣ госпожи до самаго утра.

По правдѣ сказать частыя отлучки господина Д. въ ночныя засѣданія начали нѣсколько утомлять меня, тѣмъ болѣе, что любовь Адольфины, хотя еще и не утратившей всей красоты, но все же принужденной дѣлать нѣкоторыя усилія, чтобы скрывать свои года, мало трогала меня особенно теперь, послѣ почти полугодовой вѣрности.

Всего тяжелѣе было ломать утренній сладкій сонъ и полуодѣтому бѣжать къ себѣ, каждый разъ рискуя встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ прислуги. Впрочемъ Адольфина тяжелую заботу, не проспать положеннаго часа, взяла на себя и будила меня аккуратно.

Однажды я, какъ всегда, простился съ госпожей, когда уже разсвѣло и, забравъ свои туфли, пробирался по скрипящимъ половицамъ корридора. Почти достигнувъ своей комнаты, я вдругъ совершенно неожиданно наткнулся на господина Д.

Онъ сидѣлъ на подоконникѣ въ шляпѣ, плащѣ съ своими бумагами, какъ будто только что возвратившись. Онъ такъ разсѣянно поглядѣлъ на меня, что вѣроятно не обратилъ бы даже никакого вниманія на мое появленіе, если бы я самъ, растерявшись, не остановился противъ него. «Вотъ, вотъ, Лука», заговорилъ онъ, «хорошо что вы уже встали. Вы пойдете сейчасъ къ нашимъ друзьямъ и скажете—что сегодня. Вѣдь такъ было условлено».

Я кивалъ головой въ знакъ согласія, ничего не понимая. Когда я уже дошелъ до своей комнаты, господинъ окликнулъ меня.

«У насъ все благополучно? Я такъ давно не былъ дома. Нѣтъ, нѣтъ. Ничего. Идите, Лука».

Я вышелъ на улицу. Было страшно холодно. Господинъ Д. смотрѣлъ на меня все съ того же подоконника. Я не понималъ, что онъ думаетъ.

Летажа я не засталъ дома, а Коме встрѣтилъ уже готовымъ къ выходу и, кажется, относительно всего предупрежденнымъ гораздо болѣе, чѣмъ зналъ я самъ, вѣстникъ новостей.

Онъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ, говоря, что моя помощь можетъ понадобиться, и въ первый разъ я видѣлъ его такимъ серьезнымъ.

По мѣрѣ того какъ мы приближались къ Тюльери все чаще и чаще попадались намъ группы оборванцевъ, женщинъ и національныхъ гвардейцевъ. Лавочницы на порогѣ своихъ лавокъ говорили, что господину Капету пришелъ капутъ.

Коме провелъ меня боковымъ проходомъ по какимъ-то дворикамъ, переходамъ и палисадникамъ. Наконецъ, мы остановились передъ маленькой калиткой въ толстой стѣнѣ и пропущенныя послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ молодымъ швейцарцемъ, прошли на задній дворъ дворца, проходъ изъ котораго былъ еще свободенъ отъ черни.

Хотя отдаленные звуки свалки на парадной лѣстницѣ и доносились сюда, но здѣсь было довольно спокойно. Конюхи

проваживали лошадей въ пестрыхъ попонахъ съ гербами, и кто-то громко кричалъ изъ окна: «Чортъ возьми, Жанъ, гдѣ же ваши щипцы».

Около лѣстницы Коме просилъ подождать его. Прохаживаясь отъ колонны до колонны и прислушиваясь къ выстрѣламъ и крикамъ, я провелъ такъ довольно много времени въ полномъ невѣдѣніи того, что совершалось. Наконецъ Коме сбѣжалъ съ лѣстницы и успѣлъ только шепнуть: «Все идетъ отлично. Надо не сломать себѣ шеи».

Почти сейчасъ же на поворотѣ галлереи показалась небольшая кучка людей. Впереди шелъ тучный человѣкъ съ тусклымъ взглядомъ и синимъ плохо выбритымъ подбородкомъ. Только когда они быстро прошли, почти задѣвая меня своими раздувающимися отъ вѣтра плащами, я понялъ, что это былъ самъ король.

Коме сдѣлалъ знакъ мнѣ слѣдовать за ними. Мы шли молча. Только когда мы проходили по шуршащимъ подъ ногами листьямъ небольшого парка, король сказалъ, снимая шляпу и вытирая лобъ платкомъ:

«Какая въ этомъ году ранняя осень!»

Сзади насъ догоняла королева, окруженная небольшой свитой. Изъ-за деревьевъ быстро приблизился къ ней человѣкъ въ сѣромъ мѣховомъ плащѣ. Онъ упалъ на колѣни и о чемъ-то просилъ королеву; та, не останавливаясь, отвѣтила ему съ улыбкой и знакомъ просила встать. Мы всѣ издали наблюдали эту сцену.

Кто-то тихо спросилъ: «Кто это?», и другой голосъ отвѣтилъ съ поспѣшностью: «Летажъ, онъ большой фантазеръ, но можетъ быть опасенъ». Дѣйствительно, я узналъ блѣдное лицо моего друга между голыхъ вѣтвей. Онъ смѣшался со свитой королевы.

Около манежа огромная толпа окружила насъ со свистомъ и криками. Нѣсколько швейцарцевъ съ трудомъ проложили намъ дорогу. Когда рѣшетка собранія захлопнулась за коро-

левскимъ семействомъ, мы остались прижатыми къ стѣнѣ въ весьма затруднительномъ положеніи.

«Погодите, молодчики, вамъ еще выпустятъ кишки!», наступая прямо на насъ съ Коме и привлекая вниманіе толпы, орала какая-то отвратительная мегера.

«Потише, тетушка. Какъ бы тебѣ самой не попробовать веревки», отругивался Коме и вдругъ, выпрямившись во весь ростъ, крикнулъ: «Долой господина Veto! Смерть капетамъ!». Неожиданный возгласъ его былъ принятъ общимъ одобреніемъ. Совсѣмъ близко отъ насъ я замѣтилъ блѣдное лицо Летажа съ тонко подведенными голубой краской глазами.

«Измѣнникъ! Собака!»—захлебывался онъ, «что же это будетъ?»

Онъ готовъ былъ броситься на Коме, но въ ту же минуту тяжелый кулакъ гвардейца, стоящаго рядомъ со мной, опустился на его голову.

Коме тащилъ меня изъ свалки, начавшейся надъ тѣломъ Летажа, моего бѣднаго, злополучнаго друга.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Три дня и три ночи высидѣлъ я въ комнатѣ Коме и въ первый разъ узналъ тревожную тоску, когда все будущее представляется тяжелымъ тупикомъ и мучительно мечтается о какомъ-то давно утерянномъ покоѣ.

Впрочемъ Коме очень скоро сумѣлъ разсѣять мои мрачныя мысли. Кромѣ изряднаго куска копченаго гуся и бутылки, которую мы тотчасъ роспили, Коме принесъ пресмѣшной костюмъ: желтыя нанковыя панталоны, уродливый камзолъ чуть не до пятъ и красный колпакъ. Самъ одѣтый въ такой же точно, онъ этотъ предложилъ мнѣ въ замѣну, какъ онъ выразился, моихъ тряпокъ, совершенно не идущихъ къ добрымъ гражданамъ прихода св. Якова, каковыми мы теперь должны стать, чтобы избѣжать участи всѣхъ нашихъ друзей маркизовъ, герцоговъ, виконтовъ и прочей швали, въ компаніи съ которыми не такъ трудно отправиться къ праотцамъ гораздо скорѣе, чѣмъ предполагаешь.

Изъ этихъ словъ, хотя и произнесенныхъ съ шуточной гримасой, я понялъ, что положеніе дѣлъ очень печально.

«Впрочемъ», добавилъ Коме, «если держать ухо востро, то еще можно кое-чѣмъ поживиться и отъ падали».

Я обѣщалъ ему повиноваться во всемъ, такъ какъ быть покинутымъ этимъ человѣкомъ казалось мнѣ послѣднимъ концомъ.

Низкая, видимо наскоро приспособленная для клуба, комната была уже биткомъ набита и, протискиваясь сначала за Коме, я вскорѣ застрялъ среди какой-то очень подозрительной компаніи.

Гдѣ-то далеко говорилъ не видный и почти не слышный ораторъ. Слова его заглушались привѣтственными криками и аплодисментами.

Женщины рядомъ со мной, объявляя, что онѣ помрутъ отъ жары, сняли свои кофты, оставаясь въ однѣхъ юбкахъ.

Мужчины весьма недвусмысленно ухаживали за ними.

«Луи, не нажимайте такъ сильно. Право, такъ даже вредно», жеманно пищалъ кто-то.

«Чьи это руки? Уберите ихъ! Вѣдь это нахальство!»

Было такъ тѣсно, что и въ самомъ дѣлѣ нельзя было разобрать, чьи руки и тѣла сплетались вокругъ.

«Душечка, какая же добрая санкюлотка стала бы обращать вниманіе на такіе пустяки».

«Только одинъ разъ. Только одинъ разъ», шептались около меня.

Тщетно пытался я или пробраться впередъ или вернуться къ выходу.

Какая-то молодая еще женщина, замѣтивъ мои усилія, засмѣялась и сказала: «Что, мальчикъ, тебѣ, кажется, не нравится общество истинныхъ патріотовъ. Или это я возбуждаю тебя, что ты такъ ерзаешь».

«Стану я обращать вниманіе на всякую тварь», отвѣтилъ я довольно нелюбезно, стараясь отдѣлаться отъ новаго затрудненія, такъ какъ она, кажется, уже обнимала меня, пользуясь давкой, а мнѣ сейчасъ было совсѣмъ не до того. Вѣроятно, скандалъ не кончился бы такъ скоро, если бы Коме наконецъ не протискался и не освободилъ ловкимъ ударомъ меня изъ

рукъ женщины, оравшей во все горло, что я недотрога и навѣрно шпіонъ.

Мы оставили залу какъ разъ въ ту минуту, когда среди сравнительной тишины раздался рѣзкій, слегка гнусавый голосъ новаго оратора:

«Кто не сумѣлъ принять благодѣтельныхъ даровъ священной свободы—для тѣхъ смерть. Жизнь и счастье отнынѣ не тиранамъ, а только свободнымъ братски-равнымъ гражданамъ. Такъ...».

На улицѣ мы подождали спутниковъ Коме, въ которыхъ я узналъ подъ уродливыми костюмами изящныхъ знакомыхъ Летажа и его друзей.

Они тоже, кажется, узнали меня, но мы ни словомъ не выдали другъ друга, молча отправившись за Коме. Онъ привелъ насъ въ заднюю комнату небольшого кабачка, съ толстымъ хозяиномъ котораго онъ обмѣнялся условными знаками.

Оставшись наединѣ, мы могли узнать другъ друга и дать волю языкамъ, такъ какъ событій самыхъ удивительныхъ и печальныхъ произошло за эти дни множество и уже многихъ нашихъ друзей мы могли оплакивать на досугѣ.

Поговоривъ сначала о дѣлахъ, для меня совершенно непонятныхъ, о какихъ-то запискахъ, каретахъ на условленномъ мѣстѣ, запасахъ оружія и тому подобномъ, Коме сказалъ, что для отвода глазъ необходимо спросить вина и перекинуться картами. Друзья наши охотно согласились. Коме высыпалъ горсть золотыхъ и колоду картъ; каждый, послѣдовавъ его примѣру, вынулъ свой кошелекъ, нѣкоторые довольно туго набитые, какъ мы скоро убѣдились.

Уже игра была въ самомъ разгарѣ, когда Коме выкинулъ штуку, сначала принятую за шутку, а потомъ показавшуюся мнѣ очень остроумной.

Разговоръ зашелъ о новыхъ порядкахъ и мы много смѣялись надъ напыщенностью рѣчей даже самыхъ обыкновенныхъ по смыслу, которыми заговорили мясники и парикмахеры,

вдругъ очутившіеся во главѣ правленія. Вставъ въ торжественную позу, Коме сказалъ, какъ бы передразнивая кого-то:

«Ни съ мѣста. Я арестую васъ всѣхъ. Всѣ ваши замыслы выданы вѣрнѣйшему слугѣ республики».

Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, онъ распахнулъ дверь заложенную крючкомъ и мы увидѣли цѣлый отрядъ городской милиціи.

Пока солдаты справлялись съ арестованными, мы ловко, хотя и безъ уговора, припрятали ихъ кошельки и важно вышли на улицу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Черезъ недѣлю я уже получилъ первую записку отъ Фелисьенъ прекрасной тюремщицы, гдѣ она спрашивала, кто я и что мнѣ нужно. Не колеблясь я отвѣчалъ: «Свободы и любви», потомъ разорвалъ и написалъ снова: «Любви и Свободы».

Три дня не поднималась желтая занавѣска въ урочный часъ нашихъ прогулокъ. На четвертый же я нашелъ: «Завтра. Ждите, когда всѣ лягутъ».

Конечно, я не подѣлился своей новостью съ Коме, холодно отвѣтивъ на его вопросъ: «какъ дѣла?», что дѣвчонка капризничаетъ и жеманится и кажется дальше канители записокъ и поклоновъ дѣло не пойдетъ.

Онъ старался утѣшить меня, говоря, что кто же можетъ устоять, если я захочу. Я дѣлалъ видъ, что не вѣрю ему и былъ печаленъ и какъ бы обезкураженъ, скрывая тѣмъ свое волненіе.

Выйдя на другой день только вечеромъ, я засталъ все наше общество въ сборѣ.

«Вы собираетесь сегодня въ Оперу?» спросила меня госпожа Ц.

«Нѣтъ, я не желаю пропускать одного очень пикантнаго

свиданья, всѣ подробности котораго, надѣюсь, завтра позабавятъ васъ», отвѣчалъ я, безъ труда попадая на этотъ разъ въ тонъ нашей глупой забавы.

Рано ушелъ я къ себѣ, выдерживая роль нетерпѣливаго и разстроеннаго любовника. Долго пролежалъ сначала въ сумеркахъ, потомъ въ темнотѣ на своей кровати съ открытыми глазами, прислушиваясь какъ постепенно замирали шаги и голоса въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ.

Прошло не мало времени ужъ въ полной темнотѣ и было вѣроятно не меньше 11 часовъ ночи, когда наконецъ я услышалъ легкіе незнакомые шаги по корридору.

Тихо открылся замокъ и на порогѣ въ тускломъ пятнѣ мигающаго фонаря я увидѣлъ тоненькаго мальчика въ зеленомъ плащѣ. Молча подалъ онъ мнѣ такой же (такіе плащи носили наши тюремщики) и, давъ знакъ молчанія, повелъ за собой.

Только когда мы прошли темнымъ дворомъ и, открывъ маленькую калитку, вышли наконецъ на улицу, я вдругъ догадался, что молчаливый, стройный мальчикъ никто другой, какъ сама Фелисьенъ.

Эта простая мысль почему-то не приходила мнѣ въ голову первыя минуты, можетъ быть потому, что я думалъ о свободѣ гораздо больше, чѣмъ объ освободительницѣ.

Долго шли мы по спящему городу, заворачивая въ улицы и переулки, неузнаваемые мной. Я молчалъ. Мой спутникъ тоже не сказалъ еще ни слова, закрывая лицо плащомъ такъ, что только одинъ разъ удалось мнѣ разглядѣть тонкія изогнутыя брови и блестящіе подъ ними глаза.

Я уже начиналъ уставать и наше блужданіе казалось мнѣ лишеннымъ всякой цѣли.

Совершенно неожиданно мой спутникъ остановился и сказалъ:

«Вотъ вы свободны».

«Развѣ вы хотите покинуть меня?» спросилъ я, самъ не зная для чего.

«Развѣ вы сказали хоть одно слово противъ этого?»

Едва разслышалъ я печальный отвѣтъ.

Мнѣ показалось, что глаза его блестѣли отъ слезъ.

Не чувствуя ни жалости, ни любви къ этой блѣдной, худенькой дѣвушкѣ, я всетаки сказалъ:

«Я буду очень радъ, если вы не оставите меня».

Теперь уже я былъ проводникомъ, вспоминая путь къ одному давно извѣстному притону, гдѣ я могъ бы найти самый безопасный ночлегъ, Фелисьенъ же молча и покорно слѣдовала за мной, хотя я ни разу не обернулся, чтобы позвать ее или убѣдиться, исполнила ли она мое желаніе.

Не безъ труда нашелъ я отыскиваемое убѣжище, такъ какъ ночь и отвычка отъ улицъ дѣлали всю мѣстность одинаково-незнакомой.

Не малаго труда также стоило мнѣ, найдя домъ, достучаться и убѣдить сонного слугу открыть двери, прежде не охраняемыя съ такой тщательностью.

Я потребовалъ комнату и ужинъ. Слуга провелъ насъ по внутренней лѣстницѣ на верхъ. Полъ комнаты занимала кровать съ пологомъ и тремя ступеньками.

Мы молчали: я за столомъ, ожидая ѣды, Фелисьенъ у окна, прижавшись къ стеклу.

Едва притронувшись къ тарелкѣ, я увидѣлъ, что аппетитъ мой былъ однимъ воображеніемъ. Я сталъ ходить по комнатѣ, глядя на фантастическія тѣни на потолкѣ отъ моихъ движеній.

«Вы любите меня, Фелисьенъ?» спросилъ я, самъ не узнавая своего голоса и какъ будто издали откуда-то разсматривая съ холоднымъ любопытствомъ себя, Фелисьенъ, грязную комнату съ гаснущей свѣчей, свою судьбу, гдѣ все было неизвѣстно мнѣ самому.

Она не отвѣтила и только еще ближе прижалась къ стеклу.

«Вы любите меня, Фелисьенъ?» повторилъ я свой вопросъ, подходя къ ней. «И вы въ правѣ требовать награды».

Я нагнулъ ее голову къ себѣ и поцѣловалъ сверху холодныя губы.

Печальная и покорная она молча повиновалась мнѣ, когда, задувъ свѣчу, я сталъ растегивать пуговицы ея грубой куртки.

Въ тусклыхъ сумеркахъ разсвѣта я проснулся и, увидя ее блѣдное, совсѣмъ блѣдное лицо на подушкѣ рядомъ съ своимъ, не съ разу припомнилъ все, что произошло за эту ночь.

Тихо вставъ, я перелѣзъ черезъ ея тѣло, неподвижное какъ трупъ, и одѣвшись, нѣсколько минутъ помедлилъ, соображая, что предпринять. Замѣтивъ на столѣ остатки отвергнутаго ужина, я вдругъ почувствовалъ страшный голодъ.

Стараясь не шумѣть, я быстро уничтожилъ всѣ припасы и, захвативъ свой плащъ, прокрался къ двери и потомъ мимо спящаго слуги по лѣстницѣ вышелъ на улицу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Подъ именемъ Шарля Ледо, благодаря помощи друзей, мнѣ удалось выѣхать изъ Парижа въ тотъ же день сѣвернымъ дилижансомъ.

Двадцать дней провелъ я въ дорогѣ, измѣняя направленія пути, чтобы заместь слѣды въ случаѣ если бы за мной слѣдили, нигдѣ не останавливаясь даже на одну ночь.

Въ душномъ, пыльномъ дилижансѣ, почти не зная сна, даже не представляя гдѣ и когда кончатся мои скитанія, я прибылъ въ М., яснымъ, по весеннему холоднымъ утромъ въ самомъ отвратительномъ настроеніи, намѣреваясь остановиться здѣсь только для перемѣны лошадей.

Наблюдатель за станціей, высунувъ голову въ ночномъ колпакѣ изъ-за двери, объявилъ, что лошадей нѣтъ и не будетъ до вечера. Напрасно я ругался и проклиналъ его всѣми проклятіями, когда-либо слышанными мною; любезно предложивъ мнѣ доспать недоспанное время, онъ оставилъ меня въ первой комнатѣ и заперъ дверь за собою на ключъ.

Видя, что ничего другого и не остается дѣлать, я легъ и моментально заснулъ какъ убитый. Солнце прямо въ глаза и

мухи, забравшіяся наконецъ подъ платокъ, которымъ кто-то предупредительно закрылъ мнѣ лицо, разбудили меня, вѣроятно, около полудня.

Хозяинъ, съ которымъ утромъ я имѣлъ столь нелюбезный разговоръ, прошелъ по комнатѣ въ парадномъ костюмѣ и увидѣвъ, что я уже проснулся, съ привѣтливой улыбкой предложивъ мнѣ умыться и позавтракать. Пока я приводилъ себя въ нормальный видъ, онъ выболталъ мнѣ всѣ мѣстныя новости и пригласилъ провести на почетное мѣсто въ сегодняшнемъ праздникѣ.

На небольшой площади у ратуши уже собрался весь городъ. Солнце празднично отражалось на желтыхъ и розовыхъ платьяхъ барышень и красныхъ шарфахъ должностныхъ лицъ.

Двѣнадцать дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ причастницъ уже посадили въ зеленую кадку чахлое деревцо—эмблему вѣчной свободы, и тоненькими голосами пѣли, кокетливо опуская глаза, кровожадный гимнъ монтаньяровъ.

Слушая рѣчь мэра, толстаго человѣка, безпрестанно утиравшагося платкомъ и по бумажкѣ говорящаго о честномъ трудѣ и отдыхѣ подъ смоковницей свободы, я подумалъ въ первый разъ, какъ можетъ быть тиха и трогательна жизнь въ этомъ маленькомъ чистенькомъ городкѣ.

«Вы, вѣроятно, пріѣзжій?» спросилъ почтеннаго вида гражданинъ, уже давно съ любопытствомъ поглядывавшій на меня.

«Да, я только сегодня пріѣхалъ изъ Ліона», отвѣтилъ я, не безъ удовольствія поддерживая этотъ простодушный разговоръ.

Скоро мы уже бесѣдовали съ господиномъ Пижо (такъ звали моего новаго знакомаго), совсѣмъ дружески.

«Право, я посовѣтовалъ бы вамъ остаться у насъ. Лучшаго мѣстоположенія трудно желать», съ большимъ жаромъ отвѣчалъ онъ на мое признаніе, что я ищу спокойнаго и мирнаго пристанища, имѣя небольшой капиталъ, который я хотѣлъ бы вложить въ надежное и несложное дѣло.

Я улыбался на его убѣжденія, лѣнясь что-нибудь возражать или утверждать.

«Моя дочь», представилъ мнѣ господинъ Пижо дѣвушку съ бѣлыми косами въ розовомъ платьѣ, съ большимъ бантомъ, низко присѣвшую на мой церемонный поклонъ.

Мои манеры произвели кажется большое впечатлѣніе на старика. Посовѣтовавшись со своей сестрой, тоже представленной мнѣ, господинъ Пижо пригласилъ меня къ обѣду, за которымъ онъ не переставалъ развивать свои планы.

Я давно не чувствовалъ себя такъ легко. Медленно протекалъ простой, но обильный обѣдъ; еще медленнѣе послѣобѣденное время, когда самъ господинъ ушелъ спать, а дамы занимали меня, показывая свои работы и портреты родственниковъ въ гостиной. Въ сумеркахъ я всетаки простился съ ними, сказавъ, что лошади, вѣроятно, уже ждутъ меня.

По приказанію отца Жозефина сорвала вѣтку душистаго горошка и, покраснѣвъ, посадила ее въ мою петлицу.

Идя вдоль длиннаго забора, изъ-за котораго свѣшивались цвѣтущія яблони и доносились звуки флейты, я подумалъ, что въ сущности ничто не гонитъ меня дальше.

Загадавъ, что если лошади уже готовы—я ѣду, если нѣтъ—остаюсь, я весьма удивилъ и даже, кажется, разстроилъ хозяина станціи, кротко сказавъ, что такъ какъ лошадей нѣтъ, то и не надо, и попросивъ позволенія прожить нѣсколько дней, пока я пріищу подходящее помѣщеніе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Какъ всегда, я нашелъ Жозефину на качеляхъ въ маленькомъ садикѣ передъ домомъ, у куста бѣлой сирени.

«Развѣ вы ждете сегодня гостей?» спросилъ я, замѣтивъ праздничную ленту въ ея волосахъ.

«Кромѣ васъ, сударь, только доктора Дельтена», отвѣчала она, поднимая голову.

Съ такимъ яснымъ спокойствіемъ встрѣтила она мой взглядъ, что я не могъ понять, извѣстенъ ли ей разговоръ мой съ господиномъ Пижо о нашей свадьбѣ или нѣтъ.

Я сѣлъ на другой конецъ качели, тихо раскачивая ее носкомъ. Жозефина казалась погруженной въ работу.

«Лѣто въ нынѣшнемъ году обѣщаетъ быть очень жаркимъ», сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

Жозефина согласилась.

Сбоку разсматривая эту дѣвушку, съ миловиднымъ, нѣсколько незначительнымъ личикомъ, съ прекрасными пушистыми косами, которыя навѣрно такъ пріятно трогать, съ еще подѣтски неопредѣленнымъ тѣломъ, котораго всѣ радости, я зналъ,

только мнѣ. Я не представлялъ, какъ она будетъ моей и я вспоминалъ всѣхъ моихъ любовницъ и ни одна, казалось, не вызывала во мнѣ такого сладострастнаго любопытства, какъ эта бѣленькая простая дѣвочка, дочь чулочнаго мастера, предназначенная стать неразлучной со мной на много, много лѣтъ, и сейчасъ мнѣ совсѣмъ чужая.

И всѣ подробности нашей будущей жизни манили меня какимъ-то тихимъ, сладостнымъ свѣтомъ.

Задумавшись, я, неожиданно для себя, такъ сильно качнулъ доску, что Жозефина съ легкимъ «ахъ» пошатнулась и почти упала на меня. Какъ-то машинально я обнялъ ее знакомымъ движеніемъ, но прежде чѣмъ я успѣлъ поцѣловать ее, она оправилась отъ испуга и со словами: «что вы, вѣдь мы еще даже не обручены», ловко вырвалась изъ моихъ рукъ, такъ что только конецъ косы ея задѣлъ меня по лицу.

И она убѣжала въ домъ, оставивъ меня сконфуженнымъ, какъ провинившагося школьника.

Къ счастью, вскорѣ пришелъ докторъ Дельтенъ и господинъ Пижо показался въ окнѣ, приглашая насъ въ комнаты и говоря, что въ саду сыро, хотя солнце еще только что сѣло.

Мы заняли свои обычныя мѣста въ гостиной, съ портретами трехъ родственниковъ и самого господина Пижо съ покойной женой.

Тетка Августа занимала насъ городскими новостями, пока Жозефина приготовляла чай въ сосѣдней комнатѣ.

«Господинъ Ледо, наше дѣло кажется идетъ на ладъ», съ громкимъ смѣхомъ сказалъ Пижо, входя.

Жозефина съ чашками стояла сзади него въ бѣломъ передникѣ.

Глаза ея, все еще невинные, блестѣли какимъ-то новымъ блескомъ, хотя больше весь вечеръ она не выдала себя ничѣмъ.

Какъ всегда, мы послѣ чая сыграли нашу партію, а Жозефина сидѣла на диванѣ у большой лампы съ своей безконечной работой.

Въ девять часовъ ужасно хотѣлось спать и господинъ Пижо, зѣвая, смѣшалъ карты.

Жозефина проводила насъ до калитки и пока докторъ задержался съ хозяиномъ на порогѣ, она шепнула:

«А я знаю, о чемъ вчера говорилъ съ вами папаша».

Низко свѣшивались вѣтки слегка влажной сирени, и, пожимая ея руку крѣпче чѣмъ всегда, я спросилъ съ неожиданнымъ волненіемъ:

«Что же вы скажете объ этомъ разговорѣ?»

Докторъ помѣшалъ ей отвѣтить, но улыбка была достаточно ясна.

Мы шли по соннымъ улицамъ, громко стуча палками. Круглая, какъ свадебное блюдо, луна выглядывала изъ-за церкви.

Я, не стучась, отперъ своимъ ключомъ дверь и, зажегши свѣчку, прошелъ по комнатамъ почти готоваго дома, еще разъ повторяя распредѣленіе всѣхъ помѣщеній.

Въ спальнѣ я раздѣлся и легъ въ кровать, которая была слишкомъ велика для одного; у стѣны оставалось свободное мѣсто для ея подушки.

Чтобы немножко успокоиться, я взялся за газету, которую мнѣ приносили отъ нотаріуса. На первой же страницѣ я нашелъ:

«Вчера Франція избавилась отъ новаго транспорта враговъ. Мужайтесь граждане! еще немного и измѣнниковъ больше не останется. Вчера по приговору генеральнаго суда были казнены: Канурэ, Дуке, Бедо, Коме, Пепетро».

Я задулъ свѣчу и долго ходилъ безъ сапогъ, обдумывая планы перестройки и вспоминая предметы, которые необходимо было выписать для нашего хозяйства.

Сергѣй Ауслендеръ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

ЖРЕЦЪ ОЗЕРА НЕМИ.

ЛУННАЯ БАЛЛАДА.

ЖРЕЦЪ ОЗЕРА НЕМИ.

Я стою въ тѣни дубовъ священныхъ,
Стражъ твоихъ угодій сокровенныхъ,
Кормчая серебряныхъ путей,
И влачитъ по заводямъ озерпымъ
Бѣлый челнъ, плывущій въ небѣ черномъ,
Тусклый плѣнъ божественныхъ сѣтей.

И влачатся, роясь подъ скалами,
Змѣи-волны бѣлыми узлами;
И въ крылатыхъ просвѣтахъ вѣтвей,
Дѣя чары и смыкая круги,
Ты на звенья кованой кольчуги,
Сыплешь кольца дѣвственныхъ кудрей.

Такъ я жду, святынь твоихъ придверникъ,
Въ эту ночь придетъ ли мой соперникъ,
Чистая, стяжавшій вѣтвь твою,
Золотой добычей торжествуя,
Избранный, отъ чьей руки паду я,
Кто мой скиптръ и мечъ возьметъ въ бою.

Обреченъ ли бранникъ твой, Діана,
Новой кровью жадный дернъ кургана
Окропить и въ битвѣ одолѣть?
И сойдешь ты вновь, въ одеждахъ бѣлыхъ,
На устахъ пришельца омертвѣлыхъ
Поцѣлуй небесъ напечатлѣть.

И доколь, кто тайнъ твоихъ достоинъ,
Не придетъ, я буду вѣрный воинъ,
Жрецъ и жертва, лунный храмъ стеречь,
Вѣщихъ листьевъ слушать легкій лепетъ
И ловить твоихъ касаній трепетъ,
Льющихся на мой отсвѣтный мечъ.

Вячеславъ Ивановъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
Предисловіе.	5
Александръ Блокъ. Вольныя мысли. Стихи . .	7
Борисъ Зайцевъ. Гость. Разсказъ.	21
Алексѣй Ремизовъ. Бѣсовское Дѣйство. Представленіе	33
Георгій Чулковъ. Сулусъ. Разсказъ.	89
Ѳедоръ Сологубъ. Томленіе къ инымъ бытіямъ. Мистерія.	109
Сергѣй Ауслендеръ. Нѣкоторые случаи изъ жизни Луки Бедо. Повѣсть.	121
Вячеславъ Ивановъ. Жрецъ Озера Неми. Лунная баллада	181

КНИГИ ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА:

«Кремнистый Путь». Книга стиховъ и разсказовъ. 1904.

Мэтерлинкъ. «Двѣнадцать пѣсенъ»,—въ переводѣ Георгія Чулкова съ рисунками и обложкой Шарля Дудлэ. 1905.

О мистическомъ анархизмѣ», — со вступит. стат. Вячеслава Иванова. Обложка М. В. Добужинскаго. 1906.

«Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена». 1907.

«Тайга». Драма въ трехъ актахъ. Обложка М. В. Добужинскаго. 1907.

«Весною на сѣверъ». Лирика. Обложка М. В. Добужинскаго. 1908.

«Письма о театрѣ». (Готовится къ печати).

«Земля». Книга разсказовъ. (Готовится къ печати).

«Оправданіе противорѣчій». Книга статей. (Готовится къ печати).

ТРЕТЬЯ КНИГА СБОРНИКОВЪ

«ФАКЕЛЫ»

отпечатана въ январѣ 1908 года

ВЪ ТИПОГРАФІИ «СИРІУСЪ».

Спб., Соляной пер., д. № 7.

Обложка — В. Я. Чемберса. Надписи и концовки Е. Е. Лансере и В. Я. Чемберса.

PG
2900
F342
kn.3

Fakely

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 28 12 05 005 6